LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

891.73
S53
Os

CENTRAL CIRCULATION BOOKSTACKS

The person charging this material is responsible for its renewal or its return to the library from which it was borrowed on or before the **Latest Date** stamped below. **You may be charged a minimum fee of $75.00 for each lost book.**

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

TO RENEW CALL TELEPHONE CENTER, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 2 1 1998

JUN 2 8 1998

When renewing by phone, write new due date below previous due date.

L162

Digitized by the Internet Archive
in 2016

https://archive.org/details/skazaniiaoliubvi00shch

Первой, открывшей мне Красоту
и показавшей Италию - с любовью

Т. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИКЪ.

Т. Щепкина
Куперник

СКАЗАНІЯ
о ЛЮБВИ.

МОСКВА
Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ, Тверская, Мамоновскій п., с. д.
1910.

891.73
S53
Os

Посвящается моему
мужу

Щепкина-Куперник

Gen Slav.

Правдивая повѣсть о прекрасной Франческѣ изъ Римини и Паоло Малатеста, о ихъ любви и смерти.

...«Francesca, i tuoi martiri
A lagrimar mi fanno tristo e pio»...[1])
(Dante, Inferno.—Canto V.)

Въ Равеннѣ, гдѣ часты дожди и съ болотистыхъ береговъ близкаго моря поднимаются въ туманахъ лихорадки, жилъ нѣкогда славный правитель ея, синьоръ Гвидо-ди-Полента. При немъ Равенна процвѣтала не менѣе, чѣмъ во времена приснопамятнаго Теодориха, и Богъ благословилъ домъ синьора Гвидо тремя дѣтьми: храбрыми сыновьями, Остазіо и Рамберто, и дочерью, прекрасной дѣвицей Франческой, красота которой могла сравниться только съ ея добродѣтелью и ученостью.

Рано лишившись матери, Франческа воспитывалась на попеченіи благочестивыхъ монахинь и обладала всѣми дарованіями, свойственными пре-

---

[1]) «Франческа, страданья твои вызываютъ у меня печальныя и благоговѣйныя слезы»...
Данте, «Адъ», пѣснь V.

красному полу: искусно вышивала шелками и золотомъ, пряла тонкорунную шерсть, знала домоводство, а также прекрасно играла на лютнѣ и слагала стихи и кантики не менѣе звучные, чѣмъ одухотворенный божественной любовью Якопоне изъ Тоди. Притомъ же знала она латинскій языкъ, и писала не хуже мужчины, такъ что нерѣдко помогала отцу своему въ его обширной перепискѣ.

Франческѣ шелъ 17-й годъ, когда къ отцу ея пріѣхалъ герцогъ Малатеста. Онъ предупредилъ синьора Гвидо, что пожалуетъ къ нему безъ свиты и безъ обычной пышности, такъ какъ дѣло у него личное, и онъ желаетъ сохранить тайну, а потому проситъ не оказывать ему торжественнаго пріема. И дѣйствительно, прибылъ онъ, когда уже смеркалось, въ сопровожденіи только двоихъ приближенныхъ: своего духовника, о. Игнація, и оруженосца—верхами.

Когда синьоръ Гвидо распорядился, чтобы коней отвели на конюшню и дали имъ корму, оруженосецъ не пошелъ за ними, а остался, какъ вѣрный песъ, у дверей залы, гдѣ хозяинъ принималъ важнаго гостя. Духовникъ же послѣдовалъ за герцогомъ, такъ какъ герцогъ предупредилъ синьора Гвидо, что отъ отца Игнація тайнъ у него нѣтъ.

— Чѣмъ же прикажете мнѣ угостить васъ, достопочтенный герцогъ? — спросилъ синьоръ

Гвидо, огорченный невозможностью оказать гостю широкое гостепріимство. — Не въ обычаѣ отказываться: вы меня обидите кровно, если не выпьете хотя бы кубокъ вина со мною.

— Въ винѣ грѣха нѣтъ,—отвѣтилъ герцогъ,— и я охотно осушу у васъ кубокъ вина; слухъ о погребахъ Равеннскаго замка проникъ и въ Римини! Особенно же мнѣ будетъ пріятно, если мнѣ поднесетъ вино ваша молодая хозяйка.

Старый Полента слегка нахмурился, такъ какъ дочь его непривычна была къ мужскому обществу и еще не являлась на празднества и турниры иначе, какъ въ сопровожденіи старой своей кормилицы и нѣсколькихъ дамъ, въ отведенныя для нихъ отдѣльно мѣста. Но онъ не рѣшился отказать въ этой просьбѣ гостю, да еще такому, какъ герцогъ Риминійскій, который, какъ знали всѣ, умѣлъ быть опаснымъ врагомъ.

Онъ призвалъ майордома и приказалъ передать своей дочери, чтобы она явилась сюда и сама подала его гостямъ кубокъ мальвазіи. Самъ же усадилъ герцога въ большія кресла у пылающаго камина, собственноручно пододвинулъ ему звѣриную шкуру подъ ноги и просилъ разсказать, какимъ добрымъ вѣтромъ привело къ нему почтеннаго гостя и по какому дѣлу. На душѣ въ это время было у него неспокойно,

такъ какъ Римини часто угрожало миру Равенны; и, зная ненасытное честолюбіе герцога Малатеста, онъ нерѣдко подозрѣвалъ его въ коварныхъ замыслахъ относительно его города.

«Малатестамъ тѣсно въ Римини, — размышлялъ онъ,—Равенна у нихъ въ глазахъ, какъ спѣлое яблоко на деревѣ сосѣда. Кто знаетъ, кто знаетъ?..

Герцогъ Джіанчіотто Малатеста отличался такимъ же бѣшенымъ и суровымъ нравомъ, какъ его отецъ, знаменитый полководецъ, получившій прозвище Малатеста за свою яростную вспыльчивость; но, кромѣ того, онъ былъ безобразенъ до того, что матери въ Римини пугали имъ своихъ дѣтей, особенно послѣ того, какъ въ Крестовомъ походѣ сарацинскій мечъ разсѣкъ ему лицо наискось отъ лѣваго уха къ правому виску. Но это не мѣшало ему любить красивыхъ молодыхъ женщинъ и при дворѣ своемъ держать цѣлый цвѣтникъ.

Тѣмъ съ большимъ безпокойствомъ ожидалъ синьоръ Гвидо появленія Франчески. Но къ удивленію его, когда отворилась дверь, герцогъ даже не всталъ навстрѣчу, какъ сдѣлалъ это о. Игнацій, а сѣлъ совершенно за выступомъ камина, въ тѣни, плотнѣе закутавшись въ свой черный плащъ, такъ что изъ темноты было только

видно, какъ сверкали его глаза—небольшіе, но одаренные невыносимымъ блескомъ и проницательностью.

Впрочемъ, Франческа и не увидала бы его сразу. Она вошла скромно, но гордо, какъ подобаетъ благовоспитанной дѣвицѣ изъ хорошаго дома; цѣломудренно опустивъ рѣсницы, отъ которыхъ падала тѣнь на щеки, чуть порозовѣвшія отъ волненія, какъ освѣщенныя утренней зарею лепестки лилій.

Передъ нею два маленькихъ пажа несли подносъ съ чеканнымъ кувшиномъ и кубками. Она низко поклонилась, взяла кубокъ въ одну руку, тяжелый кувшинъ въ другую, налила вина и протянула кубокъ гостю такимъ прекраснымъ и стыдливымъ движеніемъ, какъ св. Екатерина на картинахъ художниковъ протягиваетъ перстень младенцу Іисусу. Она стояла, прямая и стройная, какъ молоденькая пальма, въ своемъ тяжеломъ нарядѣ изъ златотканной парчи, плотно облегающемъ ея нѣжный станъ. Вспыхивающій въ каминѣ огонь отъ брошенныхъ въ него цѣлыхъ сосновыхъ стволовъ зажигалъ золотые свѣтлые цвѣты и болѣе темные листья на ея платьѣ и золотистыя нити въ ея темно-каштановыхъ, перевитыхъ жемчугомъ, волосахъ; и она въ полутемной залѣ со сводами казалась видѣніемъ Мадонны,

нисходящей къ художнику, чтобы онъ запечатлѣлъ ее на холстѣ.

— Проси гостя, дочь моя,—сказалъ синьоръ Гвидо.

— Прошу васъ, отвѣдайте,—промолвила Франческа.

Она произнесла только три простыя слова, но имъ голосъ ея придалъ сладость и нѣжность.

О голосѣ синьоры Франчески разсказывали, что въ немъ было нѣчто волшебное, что могло покорить каждое сердце и тронуть самаго закоренѣлаго злодѣя; еще о немъ разсказывали, что не только когда она пѣла, но когда она говорила—всѣ смолкали, и казалось, будто слышишь вздохъ вѣтра среди розовыхъ кустовъ вешней ночью, или плескъ ручья въ лѣсу въ знойный полдень, или звонъ ангельскихъ арфъ въ небесахъ. Такъ говорили всѣ, слышавшіе голосъ монны Франчески, даже если она только приказывала своей старой кормилицѣ подвинуть ей жемчугъ для вышиванія, или маленькому пажу принести ея любимаго котенка.

— Благодарю васъ, прекрасная дѣвица!— отвѣтилъ герцогъ, принимая кубокъ изъ ея рукъ; но этихъ словъ также было достаточно. При одномъ звукѣ его голоса Франческа вздрогнула отъ непонятнаго ей самой чувства ужаса. Ужасъ охватилъ ее необъяснимый, непреодо-

лимый, такой, какъ когда ея духовникъ говорилъ ей о вѣчныхъ мукахъ ада, ожидающихъ грѣшниковъ. Она невольно подняла взоръ, но увидѣла только безформенную, закутанную фигуру въ темномъ углу, и два глаза, блестѣвшихъ изъ мрака.

Что почудилось въ эту минуту Франческѣ, никто не могъ бы сказать кромѣ нея самой, но она вскрикнула, какъ раненая птица, и схватилась лѣвой рукой за грудь.

Встревоженный отецъ кинулся къ ней съ вопросомъ, что случилось, но она только несвязно отвѣчала, что у нея вдругъ закружилась голова и что она проситъ позволенія удалиться.

Синьоръ Гвидо, извинившись, самъ отвелъ ее въ ея покои и сдалъ, разстроенную и блѣдную, на руки кормилицѣ, которая принялась опрыскивать ее святою водою изъ Іордана отъ дурного глаза. А самъ онъ вернулся къ гостю и многократно просилъ прощенія, ссылаясь на непривычку его дочери выходить къ посѣтителямъ. Герцогъ отвѣчалъ ему, что, наоборотъ, скромность есть жемчужина, украшающая дѣвицу, и что теперь въ Италіи, къ сожалѣнію, многія лишены этого качества. Потомъ они перешли къ дѣламъ. И сидѣвшій за дверью оруженосецъ слышалъ, какъ долго и возбужденно говорили хозяинъ съ гостемъ, какъ-будто спорили; какъ

потомъ медовый голосъ о. Игнація вступилъ въ бесѣду и завладѣлъ ею, и прекратилъ споръ. Наконецъ, поздно за полночь, герцогъ вышелъ изъ дверей залы въ сопровожденіи хозяина; привели коней, разбудили дремавшихъ привратниковъ, спустили мостъ, и герцогъ уѣхалъ, повторивъ на прощаніе:

— Итакъ, синьоръ Полента, ваше слово за вами.

А старый Гвидо долго не спалъ эту ночь; уже разсвѣтъ проникъ въ цвѣтныя стекла оконъ и нарисовалъ туманно пестрыя отраженія ихъ на каменномъ полу, а онъ все еще ходилъ; иногда подходилъ къ спальному покою Франчески, вздыхалъ и, покачивая сѣдой головой, опять, тяжело ступая, уходилъ къ себѣ.

Раннею весною къ Гвидо-ди-Полента прибылъ посолъ отъ герцога, на этотъ разъ со свитой на бѣлыхъ коняхъ, въ яркое солнечное утро. Мартъ прогналъ дожди и туманы съ равнинъ Равенны, миндальныя и персиковыя деревья стояли усыпанныя розовыми и бѣлыми лепестками, словно несмѣтнымъ количествомъ мотыльковъ, присѣвшихъ на отдыхъ на черныхъ узловатыхъ вѣтвяхъ и вотъ-вотъ собирающихся упорхнуть. На небѣ плыли бѣлыя облачка, подобныя тѣмъ, что живописцы пишутъ подъ

стопами Мадонны и святыхъ, тѣ кудрявыя, бѣлыя, пушистыя облака, изъ-за которыхъ какъ-будто бы выглядываютъ личики херувимовъ. Въ свѣжей травѣ уже были разсыпаны бѣлыя и лиловыя фіалки, желтыя примулы, душистые крокусы, и даже ирисы готовились раскрыть свои чаши. Прекрасная весна украсила сады Равенны, и крѣпкій, мрачный замокъ синьора Гвидо помолодѣлъ подъ дыханіемъ ея животворящаго тепла.

Франческа забавлялась въ дворцовомъ саду со своими подругами, молочной сестрой своей, темноглазой, живой Изоттой, и тихою Джиневрой, дѣтскою игрой. Изъ желтыхъ простыхъ цвѣтовъ, съ пустыми внутри стебельками, у которыхъ даже нѣтъ имени, онѣ сдѣлали огромные мячи, какъ это дѣлаютъ маленькія дѣти, и перекидывали ихъ другъ другу, ловя ихъ съ радостными криками и смѣхомъ.

Въ это весеннее утро юный станъ Франчески гнулся подъ тяжестью парчи и цѣнныхъ украшеній. Гладкое простое платье изъ серебристаго тортозскаго шелка, цвѣта побѣговъ молодой ивы, съ любовью облекало ее, оставляя свободными нѣжную шею, плечи и руки. Волосы ея, цвѣта каштановъ, когда они, поспѣвая, падаютъ на землю, позлащенные сентябрьскимъ солнцемъ, были заплетены тяжелой косой, от-

тягивавшей маленькую головку. Глаза ея блестѣли и смѣялись, синіе какъ генціаны, растущія въ горахъ на югѣ Равенны. Каждое ея движеніе позволяло видѣть очертанія ея гибкаго тѣла такъ же ясно, какъ если бы ткань платья была пропитана водою.

Въ это время на мраморной террасѣ замка появился синьоръ Гвидо въ сопровожденіи прекраснаго юноши, рыцарски стройнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ тонкаго, какъ молодой кипарисъ. Лицо его еще не утратило женственной мягкости, хотя глаза глядѣли мужественно и темные усики уже украшали пурпуровый свѣжій ротъ.

Улиссъ, увидѣвшій Навзикаю на берегу рѣки, видѣлъ зрѣлище не прекраснѣе, чѣмъ представилось юношѣ, въ образѣ трехъ молодыхъ дѣвушекъ, перебрасывающихся золотистыми, пушистыми шарами изъ цвѣтовъ, летающими въ голубомъ воздухѣ и падающими на яркую зелень дерновой лужайки. Одинъ изъ этихъ шаровъ, брошенный Франческой, подкатился прямо къ подножію лѣстницы, по которой спускался синьоръ Гвидо со своимъ спутникомъ. Юноша бросился съ ловкостью и быстротой молодого оленя черезъ нѣсколько ступеней, схватилъ мячъ и, ставъ на одно колѣно, подалъ его Франческѣ. Тутъ только увидѣла она незнакомца. Вся ея нѣжная кожа зардѣлась румянцемъ,

точно въ глубинѣ розы зажегся свѣтъ, и она стала прозрачной и трепещущей. Но видъ отца рядомъ съ незнакомцемъ успокоилъ Франческу, и она учтиво поблагодарила юношу за услугу.

Должно-быть, великая сила, которой повинуется вселенная, направила вмѣстѣ съ мячомъ изъ золотыхъ цвѣтовъ и сердце Франчески, потому что съ перваго взгляда эти двое устремились другъ къ другу, какъ два голубя, догоняющіе одинъ другого въ темно-синемъ эѳирѣ весенняго неба.

— Прими дорогого гостя, Франческа!—сказалъ синьоръ Гвидо.—Это младшій братъ почтеннаго герцога Римінійскаго, синьоръ Паоло; пусть нашъ домъ будетъ его домомъ; окажи ему все гостепріимство, какое должно оказать другу.

Синьоръ Паоло остался въ замкѣ болѣе недѣли.

Синьоръ Гвидо на этотъ разъ, по случаю его прибытія, далъ празднества, длившіяся нѣсколько дней.

Со всѣхъ сторонъ съѣхались именитые гости; были позваны трубадуры, жонглеры, скоморохи; устраивались потѣшные огни, пріѣрныя сраженія. Подъ звуки лютней, флейтъ и мандоръ высокіе гости пировали, смотря на интермедію о св. дѣвѣ Маріи и архангелѣ Гавріилѣ, пока имъ подавали барашковъ съ золочеными

рогами, молодыхъ кабановъ съ золочеными клыками, фазановъ, великолѣпные пироги, фиги, гранаты, заморскія и собственныя вина и медовыя наливки—во дворѣ замка жарились цѣлые быки, били фонтаны вина и, одѣтые въ желтое съ зеленымъ, шуты развлекали простонародье. Не только popolani grassi, но и piccioli принимали участіе въ торжествахъ, всячески восхваляя своего добраго правителя.

Въ этомъ чаду увеселеній Франческа, впервые, по желанію отца, исполнявшая обязанности хозяйки дома, двигалась какъ во снѣ. Цѣловала ли она руку престарѣлымъ графинямъ и баронессамъ, говорившимъ ей, какъ она похожа на свою покойную мать,—выступала ли въ плавномъ танцѣ факела, переходя отъ одного вельможи къ другому, слушала ли она любовныя пѣсенки Кавальканти,—все время, каждую минуту она чувствовала на себѣ взглядъ молодого Паоло Малатеста. Онъ казался ей прекраснѣе всѣхъ блаженныхъ мучениковъ въ церкви св. Агаты, и часто она такъ задумывалась, глядя на него, что пропускала обращенныя къ ней слова; когда же въ танцѣ, мѣняя постепенно кавалеровъ, составляющихъ цѣпь, она доходила до него, и руки ихъ встрѣчались, то оба испытывали жгучую сладость и замедляли танецъ, чтобы не такъ скоро разъединить руки.

Когда приглашенные разъѣхались, синьоръ Паоло остался еще нѣсколько дней. Въ это время часто бесѣдовали они втроемъ; Франческа сидѣла у ногъ отца и слушала разсказы Паоло. Хотя онъ былъ скроменъ и не говорилъ, не будучи вызываемъ на это синьоромъ Гвидо, но тотъ самъ его разспрашивалъ о его странствіяхъ и подвигахъ, такъ какъ Паоло, несмотря на молодость, не разъ уже отличался въ военномъ дѣлѣ, въ стычкахъ съ Гибеллинами, кровавыя распри съ которыми Гвельфовъ все еще продолжали время отъ времени потрясать внутренній міръ страны.

Франческа слушала его, и ей становилось жаль, что она не могла, переодѣвшись пажомъ, поскакать за нимъ въ битву и подавать ему оружіе, и утолять его жажду водой изъ ключа, когда ему самому некогда было думать объ этомъ...

Синьоръ же Гвидо, внимая разсказамъ Паоло, изъ-подъ нависшихъ бровей своихъ, похожихъ на опушенныя зимнимъ снѣгомъ вѣтви горныхъ сосенъ, смотрѣлъ то на дочь, то на Паоло—и вздыхалъ...

Молодые люди не открывали другъ другу своей любви, но это и не было нужно. Слова излишни тамъ, гдѣ есть взгляды, глубокіе вздохи, улыбки и молчаніе. Сѣтью таинственной

пряжи изъ надеждъ, желаній, предчувствій окутывала ихъ весна, и вся жизнь ихъ была нѣмымъ, но краснорѣчивымъ ожиданіемъ минуты счастья. Оба чувствовали, что принадлежатъ другъ другу, созданы другъ для друга, и пока еще не сказали ни слова; но души ихъ соприкасались крыльями и сливались въ безмолвномъ объятіи, соединяющемъ ближе, чѣмъ тѣлесныя объятія безъ великаго чувства любви.

Проснувшись разъ утромъ, Франческа узнала, что Паоло принужденъ былъ внезапно уѣхать, вызванный гонцомъ отъ брата. Весеннее солнце померкло для нея, и розы показались ей черными, сморщенными старухами. Но синьоръ Гвидо призвалъ къ себѣ дочь и началъ съ ней долгую бесѣду.

Онъ объснилъ ей, что Паоло пріѣхалъ съ намѣреніемъ просить ее въ жены, что онъ внезапно уѣхалъ, вызванный братомъ, такъ какъ Гибеллины опять поднялись въ Феррарѣ; и вотъ, уѣзжая, можетъ-быть навсегда, можетъ быть-для того, чтобы больше не вернуться,—онъ просилъ соединить ее съ нимъ заочнымъ бракомъ, чтобы въ сраженіи уже думать о ней, какъ о своей женѣ, и имѣть также право писать ей. Говоря это, синьоръ Гвидо отворачивался и тяжело вздыхалъ, Франческа же приписала его скорбь

безпокойству за Паоло и съ горячей благодарностью поцѣловала руку отца.

Зная, что заочнымъ бракомъ часто сочетали въ тѣ времена, особенно владѣтельныхъ князей и высоко стоящихъ вельможъ, Франческа не удивилась этой просьбѣ и охотно согласилась на то, чтобы пріѣхавшій о. Игнацій обвѣнчалъ ее съ замѣстителемъ Паоло; собственный ея духовникъ, добрый о. Бернардъ, любившій ее какъ дочь, слегъ какъ-разъ день тому назадъ отъ неизвѣстной причины и не могъ покинуть одра болѣзни.

И вотъ странный бракъ совершился. Въ темной капеллѣ руку Франчески соединили съ чьей-то рукой, прикосновеніе которой заставило Франческу вздрогнуть. Она знала, что это только обрядъ, но ей было 17 лѣтъ, и невольно она думала, какъ прекрасна была бы эта минута для нея, если бы ея руку взяла сильная, но нѣжная рука Паоло, а не цѣпкіе, горячіе и влажные пальцы какого-то чужого ей человѣка, по выбору ея отца.

Взволнованная, заплаканная, подъ своимъ густымъ вѣнчальнымъ покрываломъ, въ темнотѣ часовни она почти ничего не видѣла и не соображала. Обрядъ былъ оконченъ въ пять минутъ, и отецъ поспѣшно увелъ ее къ себѣ.

Въ своей дѣвичьей комнатѣ Франческа успо-

коилась. Она разсказала себѣ, что теперь, кромѣ смерти, ничто не можетъ разлучить ее съ съ Паоло. И дни ея и ночи пошли, озаренные мечтою о свиданіи съ нимъ,—теперь ея супругомъ.

Дни она коротала за работой и за чтеніемъ. Но и работа и чтеніе были только мыслями о немъ. Она вышивала ему его гербъ—розу и слона—для перевязи; читая же священныя книги, съ каждымъ словомъ связывала она его имя. И хотя святой человѣкъ говорилъ о томъ, какъ душа ищетъ Христа,—сама пугаясь своего какъ бы богохульства, Франческа думала, что такъ она ищетъ Паоло, когда читала въ кантикахъ Якопоне:

Пойдемте на лугъ, чтобы тамъ найти его...
Сорвемъ цвѣтовъ и уберемъ ему ложе;
Пурпуромъ розъ украсимъ мы его,—
Поджидая его, высмотримъ всѣ очи,
Идите сюда, мои прекрасныя дѣвы.
Срывайте розъ, больше розъ въ полы одеждъ.
Возлюбленный придетъ. Смотрите, смотрите,
Чтобъ вновь онъ не ушелъ—остался бъ въ моемъ плѣну...

И еще Франческа повторяла слова знаменитой священной пѣсни:

Въ огонь любовь меня ввергла,
Въ огонь любовь меня ввергла...

забывая, что тутъ говорится о небесной любви.

Но потомъ, по ночамъ, она долго молилась и просила прощенія у сладчайшей Маріи, моля

чтобы Та вернула ей Паоло цѣлымъ и невредимымъ. Молилась она также ангелу-хранителю своему, который посылалъ ей сны, чтобы ей увидѣть во снѣ Паоло, и эта молитва ея была исполнена, ибо каждую ночь ясно видѣла она своего возлюбленнаго и слышала его голосъ.

Въ одно утро синьоръ Гвидо пришелъ къ ней и приказалъ ей собираться: они ѣдутъ въ Римини, такъ какъ супругъ требуетъ Франческу и прислалъ за ней подобающую свиту.

— Отчего же супругъ мой самъ не пріѣхалъ за мной?—изумленная и огорченная спросила Франческа; но упорное молчаніе отца заставило ее подумать, что отъ нея что-нибудь скрываютъ, что, можетъ-быть, онъ раненъ, боленъ, и съ бьющимся сердцемъ она поспѣшно принялась за сборы. Старая кормилица должна была ѣхать съ нею и укладывала торопливо ларцы и шкатулки. О. Игнацій предупредилъ Франческу отъ имени ея супруга, что онъ проситъ ее брать съ собой какъ можно меньше, такъ какъ роскошные наряды и полное приданое ожидаетъ ее въ Римини, лишь бы ускорили отъѣздъ. Желаніе это было исполнено, и пышный поѣздъ торжественно двинулся по дорогѣ, гдѣ нѣкогда проходили легіоны Цезаря. Поздно вечеромъ, уже при свѣтѣ факеловъ, Франческа прибыла въ Римини; проѣхавъ черезъ мостъ и подъ трі-

умфальной аркой бѣлаго мрамора, изукрашенной медальонами съ изображеніями древнихъ боговъ, поѣздъ остановился передъ дворцомъ Римини.

Дворецъ былъ значительно богаче, чѣмъ Равеннскій. Свита и дамы съ подобающимъ почтеніемъ встрѣтили Франческу.

— Празднество и пиръ будетъ завтра,—объявилъ синьоръ Гвидо своей дочери,—сегодня нетерпѣливый супругъ хочетъ имѣть тебя для себя одного.

Все замерло отъ стыда и счастья при этихъ словахъ въ Франческѣ, и она покорно вступила за отцомъ во дворецъ; но тщетно искала она глазами въ толпѣ приближенныхъ стройную, юную фигуру своего супруга,—его не было.

О. Игнацій объяснилъ ей, что супругъ ея не совсѣмъ здоровъ и будетъ ожидать ее у себя.

Когда Франческа очутилась въ своихъ покояхъ, женщины, кромѣ ея кормилицы всѣ чужія ей, раздѣли ее, расплели ея косы и надѣли на нее бѣлую ночную одежду изъ тончайшей шелковой ткани, подобно паутинѣ, чуть прикрывавшую ея юное тѣло.

Отецъ и почтенная монна Катарина — сестра покойной герцогини Малатеста, пришли къ ней тогда.

Отецъ сказалъ:

— Супругъ твой ожидаетъ тебя въ опочивальнѣ.

— Будь покорна ему, дочь моя! Помни, что это участь женщины!—добавила монна Катарина.

— И будь счастлива,—промолвилъ синьоръ Гвидо, цѣлуя дочь въ лобъ, но голосъ его дрожалъ, когда онъ произнесъ эти слова. Они взяли Франческу за руки, довели ее до дверей въ сосѣднюю комнату. Раздались рыданія: это кормилица не могла удержать слезъ и заплакала, повторяя:

— О, моя невинная овечка!

Отецъ открылъ дверь, впустилъ Франческу, а самъ остался. Дверь заперлась съ тяжелымъ стукомъ.

Франческа очутилась въ полной темнотѣ, не зная, куда итти, вся дрожащая, ощупью протягивая руки во мракѣ. Въ это время сильныя, горячія объятія охватили ее. Она вскрикнула, вся затрепетавъ отъ ужаса, и закрыла глаза. Ее подняли, понесли куда-то, какой-то вихрь налетѣлъ и смялъ ее—какъ ураганъ пригибаетъ къ землѣ тонкую траву во время бури.

Франческа ничего не помнила, не сознавала почти, кромѣ того, что съ ней Паоло, и она должна ему быть покорной. Но, разбитая, уничтоженная, обезсиленная, она только съ ужасомъ и со стыдомъ говорила себѣ, что если такова любовь, то лучше бы она умерла не вѣдая любви.

Не сонъ, но тяжелое забытье наконецъ освободило ее отъ невыносимаго терзанія.

Когда она очнулась утромъ, стараясь припомнить, гдѣ она и что съ нею, блѣдная заря уже проникала въ комнату и освѣщала неяснымъ свѣтомъ герцогскую кровать, балдахинъ съ золотыми кистями, горностаевое одѣяло. Франческа вспомнила все, но той радости, съ которою должна новобрачная проснуться въ первый разъ подъ кровлей любимаго человѣка, она не ощутила въ душѣ своей. Она поднялась на постели, придерживая на плечахъ разорванную одежду—и увидѣла рядомъ съ собою крѣпко спящаго безобразнаго Джіанчіотто Малатеста.

Какъ женщина, воспитанная въ духѣ добродѣтели и христіанскаго смиренія, Франческа простила своему мужу хитрость, употребленную имъ для того, чтобы поймать ее въ брачныя узы, какъ птицу въ силки. Знала она также, что что́ церковь соединила, люди разъединить не могутъ. Отцу своему она также простила, особенно послѣ того, какъ въ первое же посѣщеніе родной Равенны синьоръ Гвидо со слезами на старыхъ глазахъ признался ей, что цѣною этого брака было куплено спокойствіе Равенны, что иначе городъ былъ бы преданъ

огню и мечу, и даже гробницы предковъ были бы сожжены, и не пощаженъ былъ бы и прахъ ея матери,—такъ, по крайней мѣрѣ, клялся Малатеста, военныя силы и богатство котораго неизмѣримо превосходили средства ди-Полента. Хитрость же, по наущенію о. Игнація, была вызвана увѣренностью, что иначе Франческа не согласится на этотъ неравный бракъ.

— Синьоръ Паоло... зналъ ваши намѣренія?— дрожащими губами спросила Франческа.

— Онъ не имѣлъ понятія о нихъ,—возразилъ синьоръ Гвидо.

Увѣренность, что Паоло не былъ виновенъ въ предательствѣ, придала силъ моннѣ Франческѣ. Ей казалось, что если бы это прибавилось въ чашу ея тоски, то чаша бы переполнилась. Теперь же она могла думать о Паоло какъ ранѣе; но могла ли она останавливать на немъ мысли свои безъ боли? Въ теченіе нѣсколькихъ дней и нѣсколькихъ ночей, обманутая жестокою игрою, она имѣла право думать о немъ какъ о возлюбленномъ супругѣ. Мысленно она называла его своимъ Паоло; на ея устахъ горѣли неотданные поцѣлуи, которые рвались къ нему, и тянулись, и открывались, какъ чаши цвѣтовъ для прикосновенія росы. Все ея существо полно было имъ, томленіемъ по немъ, ожиданіемъ его. И въ весеннія ночи,

когда она стояла у остроконечнаго окна своей свѣтлицы и смотрѣла, какъ при свѣтѣ луны чернѣли и голубѣли стѣны замка, обвитыя душистою жимолостью,—къ нему летѣла ея душа, и она протягивала руки въ ночь, призывая его, тоскуя и радуясь,—тоскуя, что его нѣтъ, радуясь, что онъ принадлежитъ ей, и что каждая улетающая минута сокращаетъ и приближаетъ къ ней золотую нить, на концѣ которой сіяетъ жемчужина ихъ счастья.

И вотъ теперь, *такъ* она уже не смѣла о немъ думать. Когда она молилась о своемъ *супругѣ*,—это должна была быть молитва о жестокомъ Джіанчіотто; о Паоло надо было молиться, какъ о братѣ, но чувства измѣнить она не могла, и хотя губы ея шептали тѣ слова, которыя надлежало произносить, и сознательныя мысли повторяли ихъ, но за ними были другія, безъ словъ, тѣ, которыхъ она боялась; но прогнать ихъ не могла.

Синьора Паоло не было въ это время въ Римини. Цѣлый годъ онъ отсутствовалъ. Франческа знала, что онъ былъ раненъ, но не опасно, и поправляется. Она вспоминала, какъ нѣкогда мечтала, переодѣтой пажомъ, быть съ нимъ на полѣ битвы, раздѣлять его усталость, подавать ему оружіе; воображала, какъ быть-можетъ, пересохшія отъ лихорадки уста его просили

пить, и самой ей казалось, будто въ груди ея горитъ неугасимая рана.

Но тѣмъ не менѣе, послѣ первыхъ недѣль отчаянія и тоски, безсонныхъ ночей и жгущихъ сердце слезъ, она, помня свой долгъ, рѣшила примириться съ судьбою и стала настоящей госпожей въ Римини. Монна Франческа взяла въ свои нѣжныя руки бразды правленія. Она сама вела весь домъ, сама провѣряла запасы въ кладовыхъ и количество сотканнаго полотна; подъ ея наблюденіемъ благородныя дѣвицы изъ дворянскихъ семействъ по цѣлымъ днямъ шили, вышивали и ткали, совершенствуясь въ своемъ умѣньѣ; она учила маленькихъ пажей вѣжливому обращенію, слѣдила за челядью, а также предсѣдательствовала на пышныхъ пирахъ, которые задавалъ Джіанчіотто, показывая сосѣднему рыцарству свою красавицу-жену. Но тайныя слезы, которыя она проливала вечеромъ въ своей молельнѣ или по ночамъ, когда супругъ ея спалъ шумнымъ и тяжелымъ сномъ человѣка, который чрезмѣрно много ѣстъ и пьетъ, подтачивали ея красоту. Никто бы не узналъ въ блѣдной, высокомѣрной хозяйкѣ риминійскаго дворца, въ тяжелыхъ, роскошныхъ нарядахъ,—съ опущенными вѣками и плотно сжатыми губами, въ углахъ которыхъ застыли складки скорби,—

той красавицы съ вѣнкомъ на каштановыхъ волосахъ, которая играла золотыми цвѣточными шарами въ садахъ Равенны.

Глаза ея смотрѣли впередъ и какъ бы не видѣли ничего; но они въ это время видѣли свое улетѣвшее счастье, и тѣнь недостижимаго застилала сапфировую ясность ея глазъ, дѣлая ее непроницаемой для лучей солнца и радости.

Прекрасной тѣнью неслышно скользила она по мраморнымъ заламъ дворца Малатеста; никто никогда не видѣлъ ея улыбающейся; и только тѣ, кто знали раньше, какимъ невыразимымъ обаяніемъ освѣщала улыбка ея нѣжныя черты, могли понять, что значитъ лицо Франчески безъ улыбки.

Ея руки, тонкія руки съ длинными пальцами, такія дѣятельныя прежде—то нанизывавшія жемчугъ на нити, то сплетавшія гирлянды изъ цвѣтовъ, чтобы украшать ими домъ отца, то ласкавшія головки дѣтей въ предвѣдѣніи счастливаго материнства—теперь все чаще лежали безцѣльно сложенныя на колѣняхъ,—и медленная походка ея показывала, что она влачитъ нестерпимую, слишкомъ обременительную для ея хрупкихъ плечъ тяжесть. Тяжесть эта была ея жизнь.

Джіанчіотто Малатеста часто гнѣвался на ея блѣдность и молчаливость. Онъ иногда

послѣ своихъ попоекъ осыпалъ ее такою бранью, какъ подгулявшій морякъ въ Porte Primaro свою случайную возлюбленную, а иногда бѣшено ласкалъ, стараясь пробудить въ ней отвѣтную страсть, будя же только ужасъ и отвращеніе; но и въ томъ и въ другомъ случаѣ она оставалась одинаково безотвѣтной, только стискивала зубы. И въ восемнадцать лѣтъ въ волосахъ ея появились серебряныя пряди.

Такъ шла жизнь въ Римини, когда возвратился синьоръ Паоло.

Если онъ уѣхалъ юношей, то вернулся зрѣлымъ мужемъ. Та печать, которую накладываетъ духовное страданіе, облагораживающее и возвышающее, коснулась и его чела. Но онъ встрѣтился съ Франческой дружественно-спокойно, какъ съ почитаемой супругой старшаго брата, и съ великодушіемъ мужчины старался установить между ними дружескія отношенія. Благоразуміе требовало, чтобы онъ не долго оставался въ Римини; однако, возможность видѣть Франческу изо дня въ день была сама по себѣ слишкомъ соблазнительна, чтобы отъ нея отказаться, тѣмъ болѣе, что Джіанчіотто, соскучившійся по братѣ, требовалъ его постояннаго присутствія. Иногда, за трапезой, осушивъ свой рогъ вина, онъ, издѣваясь, говорилъ:

— Женское общество, слезы и воздыханія успѣли мнѣ порядкомъ надоѣсть; не женись никогда, Паоло! Пріятнѣе тѣ жены, которыхъ можно мѣнять, какъ лошадей.

И смѣялся похожимъ на лязгъ желѣзныхъ цѣпей смѣхомъ, въ то время какъ Франческа по обыкновенію опускала глаза. Паоло же хотѣлось вскочить и кинуться на стараго коршуна, но онъ воздерживался, съ одной стороны, отъ всосаннаго съ молокомъ матери уваженія къ главѣ семьи, съ другой—изъ боязни хуже возстановить брата противъ жены своимъ заступничествомъ. Потомъ Джіанчіотто, развеселившись послѣ выпитаго вина, начиналъ разсказывать исторіи своихъ похожденій, и шрамъ на его лицѣ дѣлался сине-багровымъ. Паоло слушалъ со стѣсненіемъ, опасаясь, что разсказы эти оскорбляютъ Франческу, но въ этомъ онъ ошибался, такъ какъ Франческа слушала не мужа, а свои мысли.

«Неужели одна и та же мать могла произвести ихъ на свѣтъ!—думала она.—Неужели одно и то же чрево носило ихъ обоихъ! Но, вѣрно, всѣ темныя силы души бушевали въ ней, когда она зачала Джіанчіотто,—а въ мигъ, когда она дала жизнь Паоло, солнце свѣтило на небѣ и ангелы пѣли хвалебную пѣснь Творцу!»

И мысленно начинала сравнивать черты лица

обоихъ братьевъ, но когда переводила глаза на тонкія черты Паоло, на его благородный лобъ, задумчивые глаза съ стыдливыми, какъ у дѣвушки, вѣками, на чистыя линіи его губъ, то она сама не замѣчала, что каждый взглядъ ея становится лаской, и что, уловивъ одинъ изъ такихъ взглядовъ, Паоло блѣднѣетъ отъ волненія.

Живя подъ одной кровлей, оба просыпались съ тѣмъ же чувствомъ, мучительнымъ и радостнымъ, что сейчасъ они увидятъ другъ друга. Весь день представлялъ для нихъ цѣпь острыхъ страданій и наслажденій; наиболѣе ужасной была минута разлуки, когда послѣ ужина Джіанчіотто бралъ жену властнымъ движеніемъ господина и уводилъ ее, оставляя Паоло, который не спалъ всю ночь въ одномъ изъ отдаленныхъ покоевъ замка, стискивая зубы и ломая руки въ безсильномъ отчаяніи такъ же, какъ это дѣлала Франческа; но ему было легче, такъ какъ онъ былъ одинъ.

Потомъ ночь, тяжелая какъ страшное сновидѣніе, проходила, и съ солнцемъ вмѣстѣ являлась робкая радость и стучалась въ двери сердца:

— Сейчасъ вы увидите другъ друга!

Молодость брала свое. Въ безысходномъ мракѣ ихъ тоски было прекраснымъ то, что они

могли насыщать свои глаза видомъ одинъ другого; и какъ на краю бездонной пропасти растутъ хрупкіе цвѣты, цѣпляясь ползучими корнями за голый камень и невѣдомо откуда беря силу и жизненные соки, такъ воздушные цвѣты счастья расцвѣтали на камняхъ двухъ загубленныхъ молодыхъ жизней: цвѣты улыбокъ, взглядовъ, молчанія и вздоховъ.

Джіанчіотто, не тяготившійся только обществомъ своихъ собутыльниковъ, сокольничихъ и псарей, сталъ все чаще и чаще оставлять жену съ Паоло, подсмѣиваясь надъ ихъ общею любовью къ книгамъ:

— Паоло точно въ монахи готовится, все читаетъ да пишетъ; мои пальцы не умѣютъ держать пера, они слишкомъ привыкли къ мечу.

И предлагалъ Паоло, не хочетъ ли онъ ужъ взяться и за прялку. Но Паоло терпѣливо сносилъ его насмѣшки и отвѣчалъ ему, что броситъ книги, когда поправится. Лѣвая рука его все еще была на перевязи, и Франческа отдала ему ту самую перевязь, которую вышила въ счастливые дни, когда еще думала, что Паоло—супругъ ея.

Въ отсутствіи Джіанчіотто они часто сидѣли въ собственныхъ покояхъ Франчески, въ нишѣ у открытаго окна, выходящаго въ садъ. Ино-

гда они играли въ шахматы, но чаще ихъ головы склонялись надъ большими фоліантами, буквы которыхъ терпѣливые монахи изъ Агуббіо разрисовали яркими красками и золотомъ чудесными гирляндами, гдѣ среди розъ, гранатъ и померанцевъ виднѣлись головки ангеловъ, драконы и грифы. Во дворцѣ Малатеста, кромѣ Библіи и священныхъ книгъ, другихъ не было, но у синьора Гвидо была огромная библіотека, по крайней мѣрѣ, въ сто драгоцѣнныхъ томовъ, не только священныхъ книгъ, но и ученыхъ трактатовъ, хроникъ, сочиненій славнаго его соименника историка Гвидо Равеннскаго, также математика Леонардо изъ Пизы; «Directorium humanae vitae» Джіованни Миланскаго, «Утѣшеніе философское» Боэція, и многія другія книги, а также и романы, которые Франческа взяла съ собою, уѣзжая изъ Равенны. Когда они читали вмѣстѣ, старая кормилица обычно дремала въ комнатѣ рядомъ, и только отецъ Игнацій иногда глазами рыси посматривалъ на нихъ и упрекалъ, что вмѣсто твореній св. отцовъ они читаютъ безнравственныя книги, какъ романъ Розы или повѣсть о вѣрной Гризельдѣ, или разсказы о рыцаряхъ Круглаго Стола. А именно эти разсказы и были любимою ихъ книгой. Нравилось имъ читать о безупречномъ рыцарѣ, королѣ Артурѣ; также

о мудромъ кудесникѣ Мерлинѣ и Вивіанѣ бѣлѣе снѣга, замкнувшей его въ магическій кругъ чарами сильнѣе его, ибо ея были чары любви. О цвѣтѣ рыцарства, Ланчелотѣ съ Озера, воспитанномъ Феей, о Тристанѣ, плачущемъ и вздыхающемъ отъ тоски по нѣжной Изольдѣ съ золотыми косами такъ, что камни вторятъ его вздохамъ. О доброй и сильной Энидѣ, побѣдившей всѣ испытанія, посланныя ей ревностью Гарета. О Персевалѣ, освободившемъ бѣдную принцессу Бланшефіоръ; и о многихъ другихъ храбрыхъ рыцаряхъ и прекрасныхъ дамахъ и подвигахъ читали они, переносясь мысленно въ тотъ міръ, откуда трубадуры берутъ свои пѣсни, въ міръ, гдѣ царитъ любовь, которая управляетъ солнцемъ и другими звѣздами. Они читали вслухъ, чередуясь, и каждый изъ нихъ, когда произносилъ слова любви, невольно вкладывалъ въ нихъ свой трепетъ. Но когда они бесѣдовали другъ съ другомъ, то никогда не касались того, что было тайной ихъ жизни, а говорили о своемъ дѣтствѣ, о своихъ матеряхъ, о подругахъ и товарищахъ, о прочтенныхъ книгахъ. И, однако, все, что они другъ другу говорили, казалось имъ цѣннымъ и прекраснымъ и значительнымъ

Въ концѣ апрѣля Джіанчіотто уѣхалъ во Флоренцію по дѣламъ, и Франческа воспользовалась этимъ, чтобы съ его разрѣшенія навѣстить своего отца. Вся Равенна украсилась гирляндами, коврами и флагами къ прибытію дорогой гостьи, толпы высыпали встрѣчать ее. Когда она какъ принцесса проѣзжала на бѣломъ конѣ, покрытомъ роскошно вышитымъ чепракомъ, съ золотой сбруей, а рядомъ съ ней ѣхалъ стройный Паоло, которому Джіанчіотто поручилъ сопровождать ее, женщины перешептывались о ней, и нѣкоторыя, прибывшія изъ чужихъ мѣстъ, спрашивали:

— Это рядомъ съ ней супругъ ея, что въ камзолѣ алаго бархата, у него гербъ Малатеста на груди?

Но тамошнія горожанки печально покачивали головами и отвѣчали:

— Кто можетъ сравнить розу съ чертополохомъ? Супругъ монны Франчески старъ, суровъ и безобразенъ... Это красивый Паоло, братъ его.

И сокрушенно говорили, какъ поблѣднѣла красавица Франческа, и какъ непохожа она на ту, которая своей дѣтской красотой освѣщала стѣны старой Равенны.

Монна Франческа просила отца, чтобы онъ не устраивалъ празднествъ, такъ какъ она

утомлена, и ей хочется отдохнуть въ его обществѣ.

Старый синьоръ Гвидо былъ радъ дочери болѣе, чѣмъ когда-либо, такъ какъ сыновья его въ поискахъ славы почти совсѣмъ покинули отцовскій замокъ,—радъ былъ онъ и Паоло, и гостепріимно просилъ его остаться въ замкѣ, отъ чего тотъ не имѣлъ ни предлога ни мужества отказаться.

Впервые за цѣлый долгій годъ, показавшійся ей безконечнымъ, снова испытала Франческа сладость родного дома; и ей такъ думалось, будто все прошедшее было тяжелымъ сномъ, но онъ кончился, и вотъ она, снова свободная и счастливая, просыпается утромъ въ своей дѣвичьей комнатѣ. Все здѣсь нетронуто, словно она и не уѣзжала изъ Равенны. Ея прялка стоитъ въ нишѣ у окна; со стѣнъ отовсюду смотрятъ на нее орлы дома Полента. Въ высокомъ канделябрѣ восковыя падуанскія свѣчи; любимыя ея вазы изъ Фаенцы наполнены свѣжими цвѣтами,—заботливая рука Изотты поставила въ нихъ цвѣтущія вѣтви олеандровъ. Вотъ зеркальце въ отдѣлкѣ изъ слоновой кости, гдѣ художникъ искусной рукою вырѣзалъ богиню любви въ золотой коронѣ, вѣнчающую розами двухъ любящихъ. Вотъ, на золотомъ фонѣ, Мадонна кисти великаго Чимабуэ,

кротко склоняющая печальные взоры къ Младенцу и окруженная сложившими руки ангелами. Ларцы изъ санталоваго дерева, гдѣ хранятся ея дѣвичьи наряды, пересыпанные лавандой и розовыми листьями. Пяльцы съ начатымъ и неоконченнымъ покровомъ въ церковь—у стѣны. Ничто не измѣнилось за этотъ годъ, и съ завистью смотрѣла Франческа на неодушевленные предметы, казавшіеся ей болѣе совершенными, чѣмъ она сама.

Старая кормилица плакала отъ радости, очутившись въ родномъ гнѣздѣ, а Изотта опять принялась ухаживать за своей госпожей и упала у ея порога. Всѣ въ домѣ, даже любимыя борзыя синьора Гвидо, и лошади, и кошки, узнавшія Франческу, радовались ея пріѣзду.

Когда въ первое утро по прибытіи своемъ домой Франческа спустилась въ садъ, и съ прежней легкостью обѣжала его, здороваясь со своимъ любимымъ вязомъ, и съ кустами розовыхъ лавровъ, и съ серебристыми оливами, и миртами, и бесѣдками, и фонтанами—ей почудилось, что она прежняя Франческа. Ночь въ ея комнатѣ, на постели, тонкія брюгскія покрывала которой пахли знакомымъ запахомъ лаванды и розоваго листа, подкрѣпила ее сладостно; и новое чувство, подобное тому, какое испытывала вся природа, проникнутая живо-

творящимъ дуновеніемъ весны, подкралось къ ней.

Дѣти привратника на лужайкѣ играли въ золотые мячи изъ желтыхъ цвѣтовъ и сдѣлали себѣ изъ нихъ же короны. Франческа взяла одинъ изъ ихъ мячей и задумчиво смотрѣла на него.

Въ это время какъ-разъ синьоръ Гвидо спускался по мраморной лѣстницѣ съ Паоло. Она взглянула на Паоло, и оба въ одну и ту же минуту вспомнили день ихъ первой встрѣчи. Паоло почувствовалъ желаніе упасть, подобно мертвому тѣлу, отъ избытка скорби. Онъ въ мысляхъ представилъ ее себѣ такою, какою она была въ тотъ день, въ платьѣ цвѣта побѣговъ молодой ивы, и сказалъ себѣ, что если бы какой-нибудь великій мастеръ написалъ тогда ея изображеніе, то трудно было бы узнать, что это одна и та же женщина; но она казалась ему еще прекраснѣе, увѣнчанная вѣнцомъ великой скорби.

Однако, дни, проведенные Франческой въ замкѣ отца, скоро вернули ей нѣкоторое подобіе прежней радости. Розы робко зацвѣтали на ея похудѣвшихъ щекахъ, и глаза становились яснѣе, пропадала понемногу странная дымка, заволакивавшая ихъ глубину; воздухъ родного сада живилъ ее и возвращалъ ей краски и улыбку.

Франческа вернулась къ своимъ дѣвическимъ занятіямъ, отдыхая отъ заботъ домоводства, часто дѣля свои досуги, какъ и въ Римини—съ Паоло.

Франческа вышивала покровъ пятью разъ-ѣшенными церковью цвѣтами: краснымъ, обо-значавшимъ кровь мучениковъ, голубымъ—зна-менующимъ ихъ надежду на небесное блажен-ство, бѣлымъ — изображающимъ невинность цѣвъ, лиловымъ—знакомъ понтификальной вла-сти и, наконецъ, чернымъ—символомъ смерти. И пока ея тонкіе пальцы прилежно наносили на бархатъ большіе цвѣты, лиліи и розы, голу-бей и сіяніе вокругъ нихъ—Паоло читалъ ей слухъ. Май съ долгими днями окружалъ ихъ теплом и свѣтомъ, когда же они разставались, чтобы идти на покой—оба уходили умиротво-ренные и счастливые, какъ дѣти.

Ночь Франчески была чистой и мирной, а заря приносила ей новую радость, не омрачен-ную ужасами ночи.

Въ день, о которомъ идетъ рѣчь, Франческа и Паоло оставались одни въ замкѣ. Уѣхалъ на свое помѣстье на Монтоне синьоръ Гвидо, названный управителемъ, отлучился въ Римини и о. Игнацій, проживавшій также въ Равеннѣ это время.

День былъ жаркій, и земля какъ бы изнемогала, пронизанная безчисленными лучами солнца, какъ св. Себастіанъ стрѣлами. Съ травъ и кустовъ поднимались одуряющія испаренія. Каждая чашечка и каждый вѣнчикъ цвѣтка были курильницами, расточавшими ароматы, какъ жертвенное славословіе великой силѣ, вызвавшей все живущее къ жизни.

Вокругъ окна вились алыя розы и цѣлыми кистями свѣшивались надъ ними; тихо журчали фонтаны въ саду. На солнцѣ бѣлые павлины лѣниво распускали свои хвосты, какъ восточныя опахала, и иногда рѣзкимъ крикомъ ранили тишину. Подъ сѣдою кровлей ворковали голуби. Все отдыхало и замерло въ полдневной истомѣ, только бѣлые мотыльки неутомимо перегонялись въ воздухѣ, слетались и соединялись, трепеща крылышками.

Синьоръ Паоло читалъ Франческѣ повѣсть о Ланчелотѣ и Джиневрѣ, прекрасной и благородной супругѣ короля Артура. О томъ, какъ она не могла побѣдить любви, ниспосланной ей рокомъ, и грѣшной любовью любила Ланчелота. Онъ же, не взирая на то, что былъ достойнѣйшимъ и вѣрнымъ рыцаремъ своего короля, также не могъ противиться тому, что выше царской власти: и эти двое любили другъ друга такъ, что не могли уже скрывать своего чувства отъ другихъ.

Глубоко задумавшись, слѣдила Франческа за разсказомъ о мученіяхъ королевы Джиневры и о борьбѣ ея сердца; грудь ея тяжело вздымалась. Она не могла внимательно работать, и руки ея безсильно упали вдоль колѣнъ.

Сидя въ креслѣ съ высокою спинкой, къ которой она прислонилась, словно боясь упасть, мадонна Франческа похожа была на изваяніе. Волосы ея, раздѣленные посрединѣ, двумя волнистыми прядями обрамляли ея тонкія щеки и закрывали уши; они были сколоты сзади узломъ, и подъ ихъ тяжестью какъ бы гнулась маленькая головка. Опущенные глаза темнѣли въ тѣни; страдальческая мысль сдвинула тонко очерченныя брови и зазмѣилась въ углахъ устъ съ тѣмъ выраженіемъ, какое художники начали придавать Мадоннѣ, провидящей будущее страданіе.

Паоло дошелъ наконецъ до того мѣста, когда Ланчелотъ и Джиневра отдаются голосу любви, непреодолимо толкающей ихъ другъ къ другу, и когда Ланчелотъ цѣлуетъ улыбку на устахъ своей возлюбленной.

— Онъ поцѣловалъ улыбку на устахъ своей возлюбленной,— повторилъ Паоло, и дрогнулъ его голосъ, и прервался, точно желѣзная рука судьбы стиснула ему горло. Онъ поднялъ глаза и встрѣтилъ взглядъ Франчески. Не было улыбки

на устахъ ея; но двѣ синія звѣзды, служившія глазами моннѣ Франческѣ, смотрѣли ему прямо въ глубину души, и звали и ждали его.

Какъ бы синіе лучи протянулись между ними и магическими чарами притягивали ихъ другъ къ другу. И вотъ, книга выпала изъ рукъ Паоло, онъ склонилъ колѣни, словно невидимая сила любви заставила его преклониться передъ собою—и уста Паоло и Франчески соединились, прильнули одни къ другимъ, какъ къ божественному источнику жизни и смерти, и не могли оторваться; и только легкій стонъ, вырвавшійся у Франчески, какъ бы предчувствіемъ, какъ бы вздохомъ эоловой арфы раздался въ священной тишинѣ.

Въ этотъ день они больше не читали.

Ночью, когда все въ замкѣ стихло, Паоло черезъ окно проникъ къ возлюбленной. И держа ее въ объятіяхъ, какъ любимое дитя, онъ говорилъ о томъ, какъ убѣжать имъ.

— Въ Венеціи у меня есть другъ,—говорилъ онъ,—мы вмѣстѣ съ нимъ были посвящены въ рыцари и въ походѣ помѣнялись крестами. Онъ капитанъ галеры; съ его помощью мы уѣдемъ куда-нибудь, въ Святую Землю или въ Триполисъ, или на какой-нибудь затерянный въ синей безконечности моря островъ, и тамъ никто не будетъ знать о насъ.

И разсказывая другъ другу все, о чемъ молчали до сихъ поръ, они какъ бы спѣшили вознаградить себя за это молчаніе. Какъ они полюбили другъ друга, какъ они страдали и какъ теперь они будутъ жить другъ для друга, все это повторяли они, смѣшивая слова, клятвы, счастливыя слезы и ласки. И не замѣтили, какъ первые лучи зари освѣтили покой и смѣшались съ колебавшимся свѣтомъ восковой свѣчи; не замѣтили и какъ распахнулась дверь, и только вдругъ увидали, что на порогѣ всталъ, какъ привидѣніе, грозный и страшный Малатеста.

Его рубецъ, какъ багровый ударъ бича, пересѣкалъ лицо, и глаза свѣтились дьявольскимъ блескомъ.

Онъ выхватилъ своей мечъ и хотѣлъ кинуться на брата.

— Меня, меня, а не его!—успѣла вскрикнуть Франческа и заслонила Паоло, всѣмъ тѣломъ обвившись вокругъ него подобно виноградной лозѣ, охвативъ его обѣими руками и прижавшись къ нему такъ тѣсно, что когда Малатеста вонзилъ свой мечъ съ нечеловѣческой силой прямо ей въ спину, туда, гдѣ темная коса спускалась въ нѣжномъ углубленіи между плечъ, то лезвее проникло и въ грудь Паоло, и въ крѣпкомъ этомъ объятіи двое влюбленныхъ испустили послѣдній вздохъ, бывшій для нихъ и вздохомъ любви.

Убійца съ ужасомъ кинулся вонъ. А когда, нѣсколько часовъ спустя, открыто было страшное злодѣяніе, и синьоръ Гвидо и женщины съ воплями отчаянія бросились въ комнату Франчески, оба тѣла такъ застыли въ смертельномъ объятіи, что разлучить ихъ нельзя было, и ихъ схоронили въ одной могилѣ.

Такъ погибли прекрасная Франческа и Паоло изъ Римини; и хотя жизнь ихъ была печальна, какъ слезы, и коротка, какъ весенняя ночь, зато смерть ихъ была завидною для любящихъ смертью; и, вѣрно, небеса простили имъ ихъ вину, ибо силѣ любви противиться невозможно, и высшій грѣхъ—есть грѣхъ противъ любви.

Исторія о прекрасной королевѣ Жиневрѣ и рыцарѣ Ланселотѣ [1]).

...«Noi leggievamo un giorno,
per diletto,
Di Lancelotto—come
l'amor lo strinse...
.Calleotto fu il libro e chi
lo scrisse...»
(*Dante, Inferno, canto V*⁰) [2]).

Въ Римини, въ жаркій лѣтній день, когда земля изнемогала, пронизанная безчисленными лучами солнца, какъ св. Севастіанъ стрѣлами,

[1]) Матеріалы для этой новеллы, пытающейся въ короткомъ пересказѣ воскресить страницы, которыми увлекалась Европа семь вѣковъ тому назадъ, надъ которымъ Франческа-да-Римини забывала свой долгъ, а Піа-ди-Толомеи—свои страданія, почерпнуты главнымъ образомъ въ изданіи «Романовъ круглаго стола» П. Париса. Переработка Трессана оставлена въ сторонѣ, какъ слишкомъ проникнутая духомъ XVII вѣка. *Прим. авт.*

[2]) «Мы читали однажды, для услады, о Ланселотѣ, о томъ, какъ любовь его охватила... *Галеотто* была для насъ книга и написавшій ее».

Данте. «Адъ». пѣснь V.

и алыя розы расточали ароматы жертвеннымъ славословіемъ великой силѣ, вызвавшей все живущее къ жизни,—синьоръ Паоло ди Малатеста читалъ прекрасной Франческѣ повѣсть о Ланселотѣ и Жиневрѣ, благородной супругѣ короля Артура, о томъ, какъ она не могла побѣдить любви, ниспосланной ей рокомъ и грѣшною любовью любила Ланселота. Онъ же, невзирая на то, что былъ достойнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ рыцаремъ своего короля, также не могъ противиться тому, что выше царской власти, И эти двое любили другъ друга такъ, что уже не могли скрывать своихъ чувствъ.

Вотъ что читали Паоло и Франческа:

. . . . . .

«Было это въ то время, когда король Артуръ со всей своей свитой пребывалъ въ Камалотѣ, гдѣ любилъ проводить долгіе лѣтніе дни. Тамъ онъ хотѣлъ отпраздновать и день св. Іоанна—день любимый всѣми, ибо въ это время зелень уже ярко распускалась въ буковыхъ и дубовыхъ лѣсахъ, пѣли пѣвчія птицы, и всѣ—отъ знатныхъ рыцарей до убогихъ поселянъ,—и золотыя кудри юности, и серебряныя—старости украшали вѣнками изъ алыхъ дикихъ розъ.

Въ пятницу, приходившуюся кануномъ праздника, король Артуръ выѣхалъ въ сопровожденіи своихъ рыцарей, чтобы потѣшиться благо-

родной забавой охоты. И долго оглашали чащу лѣса звуки роговъ и лай собакъ, опьяненныхъ предчувствіемъ крови; и долго преслѣдовали охотники сильныхъ лосей и быстроногихъ ланей; только когда закатилось солнце и надъ черными зубцами лѣсной стѣны раскинулся пурпуровый шатеръ зари—возвратилась королевская охота съ богатой добычей въ Камалотскій дворецъ. У самыхъ Галльскихъ воротъ увидѣлъ король нѣчто весьма удивившее всѣхъ: въ лѣтній день—дорога впереди сіяла и блестѣла, какъ бы покрытая выпавшимъ снѣгомъ. Но подъѣхавъ ближе, разглядѣлъ король, что опередилъ ихъ богатый и пышный поѣздъ.

Впереди всѣхъ двое юношей въ бѣломъ вели подъ уздцы двухъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, вьючныхъ лошадей, на которыхъ умѣщены были бѣлый складной шатеръ и ларцы съ бѣлыми панцыремъ и кольчугой; затѣмъ слѣдовали четверо оруженосцевъ, несшихъ серебряный щитъ, ослѣпительной бѣлизны шлемъ, украшенный бѣлыми перьями, сѣкиру и узкій мечъ, въ бѣломъ чехлѣ на бѣлой перевязи. Затѣмъ конюшій велъ въ поводу великолѣпнаго бѣлаго ратнаго коня въ серебряной сбруѣ; за ними шествовали многочисленные слуги; и три юныя дѣвы въ бѣлыхъ покрывалахъ и вѣнкахъ изъ бѣлыхъ розъ; и наконецъ, на бѣлыхъ коняхъ ѣхали

рядомъ, ведя одушевленную бесѣду, прекрасная дама и съ нею юноша.

Дама хотя и не могла бы поспорить съ сопровождавшими ея поѣздъ дѣвицами юностью,— затмѣвала ихъ величественной красотою, и ихъ робкая нѣжность меркла передъ ослѣпительнымъ расцвѣтомъ ея царственной прелести, какъ бѣлыя звѣзды полевыхъ маргаритокъ—передъ настоящей звѣздой въ небесахъ. На ней была одежда изъ бѣлаго самита, горностаевая мантія спускалась съ ея плечъ; жемчужная діадема придерживала тончайшее бѣлое покрывало на головѣ ея. Спутникъ ея также одѣтъ былъ весь въ бѣломъ.

Поистинѣ, прекрасное зрѣлище представилось королю. Сіяющая бѣлизна благородныхъ арабскихъ скакуновъ, отливающихъ серебромъ; бѣлизна бархата, парчи и шелка; бѣлизна горностая и лебяжьяго пуха; бѣлизна лилій и розъ; бѣлизна жемчуговъ и серебра, украшающихъ вооруженіе,—все это сіяло и переливалось подъ лучами заката подобно тому, какъ на вершинахъ горъ чистый, нетронутый людьми снѣгъ горитъ всѣми огнями въ часъ вечерней зари.

Но прекраснѣе всего былъ юный всадникъ, ѣхавшій рядомъ съ дамой. Не будь онъ окруженъ пышной свитой, но встрѣться на лѣсной

прогалинѣ въ пастушескихъ лохмотьяхъ—и то всякій призналъ бы въ немъ королевскаго сына.

Мягкими кольцами завивались его каштановые волосы, блестящіе, словно солнце оставило въ нихъ свои лучи; голубые глаза его могли въ минуту гнѣва мѣняться и пылать, подобно раскаленнымъ угольямъ. Руки у него были бѣлы, какъ у дѣвушки, хотя умѣли крѣпко держать мечъ и метать копье. Онъ былъ высокъ и строенъ, подобно молодому кипарису. Если кто хотѣлъ бы найти въ немъ несовершенство—могъ бы развѣ замѣтить, что грудь его немного шире въ обхватѣ, чѣмъ слѣдовало бы: но, вѣрно, это оттого происходило, что грудь его была создана Творцомъ по мѣркѣ его великаго сердца. Благородный, пылкій, нѣжный, онъ былъ щедро одаренъ всѣми сокровищами души и тѣла, чтобы быть истиннымъ рыцаремъ.

Вѣжливъ безъ низости, благожелателенъ безъ притворства, щедръ къ бѣднымъ, сострадателенъ къ несчастнымъ; всегда съ оружіемъ въ рукахъ—противъ убійцы и предателя, за угнетеннаго и обиженнаго; всегда готовъ судить безъ ненависти и безъ пристрастія и предпочесть смерть—малѣйшему безчестію; всегда готовъ стоять на стражѣ св. церкви, которая не можетъ сама защищать своихъ правъ съ оружіемъ въ рукахъ, ибо обязана ударившему ее по

правой ланитѣ подставлять лѣвую. У рыцаря должны быть два сердца: одно твердое, какъ магнитъ, для каждаго безчестнаго притѣснителя; другое—мягкое, какъ воскъ, для каждой несчастной жертвы. И оба должны принадлежать одной избранницѣ—одной дамѣ его сердца.

Вотъ какимъ долженъ быть рыцарь—и такимъ былъ прекрасный Ланселотъ. Въ уединеніи, но не безъ необходимаго ему общества, воспитанный подругою самого мудраго Мерлина, прекрасною Дамою Озеръ, называвшейся такъ потому, что помѣстья ея окружены были безпредѣльными озерами, и не посвященный въ тайну ведущаго къ нимъ воднаго пути, не могъ проникнуть туда,—Ланселотъ получилъ образованіе, достойное его королевскаго происхожденія.

Печальное было время, когда отецъ его, король Банъ изъ Беноика, лишился королевства и палъ жертвой предателя. Не спасла бы его младенца-сына и любовь матери, королевы Елены, прозванной впослѣдствіи королевой Великихъ Скорбей, если бы не похитила его Дама Озеръ. Лишившись и мужа и сына, королева удалилась въ святую обитель, но Дама Озеръ тайно дала ей знать, что сынъ ея въ безопасности и выростетъ достойнымъ рыцаремъ. Обѣщаніе свое она сдержала. Когда Ланселотъ достигъ

юношескаго возраста, онъ зналъ все, что приличествовало его положенію. Онъ укрощалъ неосѣдланныхъ лошадей; мечъ и копье повиновались ему. Онъ умѣлъ натягивать лукъ и дѣлать стрѣлы своимъ ножомъ; зналъ, какъ кормить какую птицу: сокола, кречета, коршуна или ястреба; пускать ихъ изъ рукава и приманивать обратно; понималъ толкъ въ охотничьихъ собакахъ; умѣлъ играть въ шахматы и пѣть бретонскіе и другіе стихи; писалъ, читалъ и говорилъ пріятно.

Увидѣвъ, что онъ можетъ занять мѣсто среди достойнѣйшихъ рыцарей, его воспитательница рѣшила привезти его къ двору короля Артура. Знала она, что весь цвѣтъ рыцарства стекается къ Артуру; что за круглымъ столомъ въ Керлеонѣ мѣсто только достойнымъ; знала также, что королева Жиневра была прекрасна и мудростью могла равняться съ ней.

Поэтому она и отправилась къ королю, и вотъ, увидѣвъ его, остановила поѣздъ, сошла съ лошади, приблизилась къ королю и со знаками великаго почтенія просила его принять ея воспитанника и посвятить его въ рыцари.

— Я дамъ ему все необходимое рыцарское вооруженіе, — такъ закончила она свою просьбу, — Господь же прибавитъ остальное: храбрость и честь.

Король, очарованный видомъ юноши и рѣчью его спутницы, обѣщалъ исполнить ея желаніе и предложилъ ей гостепріимство въ своемъ дворцѣ. Но она приняла его лишь для юноши, сама же поспѣшила въ обратный путь и только пожелала, чтобы юноша сопровождалъ ее нѣкоторую часть пути. Съ великою благодарностью простилась она съ королемъ — и поѣздъ двинулся снова.

На перепутьи у креста она остановилась и, положивъ руки на плечо юноши, сказала ему:

— Вотъ, я оставляю тебя одного: пора тебѣ начать жизнь мужчины, мой молодой орленокъ! Лети на волю. Немного прибавлю тебѣ ко всѣмъ нашимъ долгимъ бесѣдамъ. Не оставайся долго во дворцѣ короля: пробуй крылья, поѣзжай за славой, ищи подвиговъ. Разъ взявшись за что-нибудь — доводи до конца. Какъ можно дольше никому не открывай своего имени: я опасаюсь враговъ твоего покойнаго отца — вражда переживаетъ и людей и царства. Той, кто отдастъ тебѣ свою честь, — отдай свое имя. И еще: люби только прекраснѣйшую. А теперь — вручаю тебя Господу и святой Дѣвѣ!..

И съ этимъ она покинула его. И скоро въ лучахъ вставшей луны она и ея свита казались полосою бѣлѣющаго тумана по долинѣ, а тамъ и совсѣмъ исчезли—и Ланселотъ остался одинъ.

Задумчиво вернулся онъ во дворецъ, размышляя о томъ, что ему готовитъ судьба. Тамъ ждалъ его мессеръ Ивенъ Галльскій, другъ короля, которому Артуръ поручилъ пріютить гостя. Ему отвели покой и дали вечерній кубокъ. И крѣпко заснулъ юноша подъ незнакомымъ кровомъ; а наутро, едва проснулся, пошелъ къ мессеру Ивену и просилъ напомнить королю о его обѣщаніи. Скорѣе хотѣлось ему стать рыцаремъ и заслужить это имя.

Мессеръ Ивенъ отправился къ королю и передалъ просьбу юноши. Король улыбнулся такой поспѣшности и сказалъ вошедшей въ это время королевѣ Жиневрѣ:

— Вчерашній пажъ хочетъ сегодня уже стать рыцаремъ!

— Какой пажъ? — спросила королева, ибо когда король вернулся съ охоты, она уже удалилась съ своими женщинами и ничего не знала о прибытіи ночного гостя.

— Самый красивый, какого когда-либо женщина называла сыномъ, государыня! — отвѣтилъ ей мессеръ Ивенъ.

— Охотно бы я на него взглянула, — съ улыбкой сказала королева, — ибо красота — великій Божій даръ.

— Приведи же юношу, Ивенъ! — приказалъ

король. И вскорѣ Ланселотъ предсталъ передъ королевской четой.

Король и королева возсѣдали на рѣзномъ дубовомъ тронѣ подъ пурпурнымъ балдахиномъ. Полъ въ залѣ усыпанъ былъ свѣжей осокой и пахучими листьями зори, дубровника и розмарина. Кругомъ возвышенія стояли придворные въ праздничныхъ нарядахъ. Но Ланселотъ привыкъ къ пышности у Дамы Озеръ, и хотя вошелъ съ опущенными глазами, но съ скромнымъ достоинствомъ; и остановился передъ королемъ и королевой. Съ великимъ удовольствіемъ взирали всѣ на юношу, а королева промолвила:

— Сдѣлай его, Боже, достойнымъ рыцаремъ, ибо красоты ему дано, сколь возможно смертному.

Сказала она это просто и спокойно въ своемъ царственномъ величіи. Но тайнымъ предчувствіемъ сжалось ея сердце подъ тяжелою парчей наряда, точно раскаленнымъ желѣзомъ коснулась его десница судьбы.

Рядомъ съ величественнымъ, но уже склоняющимся къ закату Артуромъ, рядомъ съ сѣдовласымъ Кеемъ сенешалемъ, съ длиннобородыми, огрубѣлыми въ бояхъ и охотничьихъ подвигахъ воинами, закованными въ кожу и желѣзо,— юный пажъ въ бѣлой одеждѣ, расшитой сере-

бромъ и жемчугами, стоялъ словно весенній свѣтлый дубокъ среди темныхъ сосенъ лѣсовъ Броселіанды, словно лебедь среди стаи орловъ, словно блистающій архангелъ Михаилъ среди каменныхъ изваяній собора.

Стоялъ онъ недвижно, будто чары оковали его. Было это съ той минуты, какъ онъ услыхалъ голосъ королевы и поднялъ на нее глаза. Ради лѣтняго дня у нея было опущено съ лица и плечъ покрывало, и красныя розы Иванова дня вмѣсто царскаго вѣнца украшали ея голову и терялись въ золотѣ распущенныхъ волосъ. Нѣжно улыбались глаза, подобные синимъ звѣздамъ. И не могла она оторвать взора отъ юноши, какъ и онъ отъ нея: было имъ какъ будто они изъ той же страны и нашли другъ друга среди чужеземцевъ. Ланселотъ же вдругъ явственно услыхалъ послѣднія слова своей повелительницы:

— Люби только прекраснѣйшую.

— Какъ зовутъ юношу? — спросила, наконецъ, королева. Но никто не зналъ. Тогда она наклонилась къ нему со своего трона и, взявъ за руку, спросила, какъ бы желая ободрить его:

— Въ какой ты землѣ родился?

Но почувствовавъ прикосновеніе нѣжной руки, онъ весь задрожалъ; смертельная блѣдность покрыла его черты, и онъ не могъ вымолвить ни слова.

Тогда всѣ кругомъ подумали, что онъ смутился отъ королевской милости, и король тихо сказалъ это королевѣ. Но она поняла, что если бы это было такъ, юноша покраснѣлъ бы, а что блѣдность его означала иное движеніе души. И чтобы скрыть собственное волненіе, встала и небрежно сказала:

— Да, бѣдный юноша, вѣрно, не привыкъ разговаривать съ людьми, выше его стоящими.

И удалилась въ свои покои. Но тамъ мысленно просила у него прощенія за то, что такъ сказала, и думала, что онъ больше похожъ на королевскаго сына, чѣмъ кто-либо бывшій въ залѣ. И долго горѣли ея щеки при воспоминаніи о его блѣдности.

Тѣмъ временемъ король, уступая просьбамъ юноши, коснулся его своимъ мечомъ и посвятилъ въ рыцари. Какъ разъ въ тотъ день явились къ Артуру послы отъ его ленной графини Ноганской съ просьбой къ государю прислать ей, одинокой женщинѣ, рыцаря, чтобы защитить ее отъ чинившаго ей великія обиды сосѣдняго барона, угрожавшаго ей и ея жизни. Не успѣлъ король выслушать пословъ и обдумать, кому изъ рыцарей дастъ онъ это славное назначеніе, какъ выступилъ впередъ Ланселотъ и сталъ просить довѣрить защиту графини ему.

Король пожалѣлъ юнаго рыцаря и сказалъ

что слишкомъ ему рано брать на себя такое опасное дѣло. Но юноша возразилъ:

— Неужели тотъ, кого Артуръ посвятилъ въ рыцари, не достоинъ опаснаго дѣла? И кромѣ того, это моя первая просьба послѣ посвященія въ рыцари, государь! Именемъ этого ты долженъ ее исполнить.

Король принужденъ былъ уступить, и прекрасный пажъ, котораго теперь стали звать уже Бѣлымъ рыцаремъ, сталъ собираться немедля въ путь. Но раньше попросилъ онъ своего покровителя Ивена указать ему покой королевы, съ которою онъ хотѣлъ проститься. Ивенъ ввелъ его въ покой королевы.

Королева сидѣла у открытаго остроконечнаго окна, вдыхая запахъ розъ и пряла на золотой прялкѣ.

Вѣтерокъ обвѣвалъ ея лебединую шею, и казалась она молодой и печальной, какъ утренняя звѣзда. Въ отдаленіи сидѣли ея дѣвушки съ работой и подъ звуки ихъ тихаго пѣнія королева работала. Но нитка часто обрывалась у нея, а она долго не замѣчала этого.

Увидя ее, юноша опять не могъ вымолвить ни слова. Онъ молча преклонилъ колѣни передъ удивленной королевой, а мессеръ Ивенъ сказалъ за него:

— Вотъ, государыня, вчерашній пажъ —

нынѣ уже Бѣлый рыцарь. Онъ проситъ позволенія проститься съ вами.

— Какъ? Онъ уже покидаетъ насъ? — спросила королева. И хотя старалась говорить спокойно, снова почувствовала, какъ сжалось ея сердце: второй разъ коснулась его десница судьбы. На этотъ разъ это была разлука. И не понимала она, что это значитъ, что чужой человѣкъ, котораго она вчера еще не знала, сейчасъ ей милѣе дня, дороже близкаго и ближе дорогого.

— Король избралъ его защитникомъ графини Ноганской, — сказалъ Ивенъ.

— Такъ рано! — изумилась королева, уже чувствуя тревогу за него и желая ее скрыть.

Мессеръ Ивенъ объяснилъ ей, что это была первая просьба юноши, и король не могъ въ ней отказать.

Осмѣлился, наконецъ, Ланселотъ и промолвилъ:

— Можетъ-быть, и королева не откажетъ мнѣ въ моей первой просьбѣ?

— Да, но сперва встаньте, сиръ: неприлично вамъ такъ долго стоять на колѣняхъ. Сердце говоритъ мнѣ, что вы изъ такого рода, который долженъ преклонять колѣна лишь передъ властью небесной.

— Для меня ваша власть выше другихъ, государыня. И мольба моя лишь въ томъ, чтобы съ сего дня вы считали меня своимъ рыцаремъ.

— Истинно хочу этого. Но какъ же ваше имя, мой рыцарь?

— Дайте мнѣ его сперва сдѣлать достойнымъ моей дамы, государыня, а теперь — великая благодарность... И простите.

— Прости, прекрасный, нѣжный другъ, вручаю тебя Пречистой!

И протянула ему руку. Онъ же, не глядя на другихъ, вышелъ, шатаясь и не понимая, куда идетъ, только слыша ея голосъ.

* * *

Уже нѣсколько разъ смѣнялась зима весной, и лѣто убирало скалы пурпурнымъ ковромъ вереска, и бури осенняго равноденствія потрясали обнаженные лѣса и заставляли женщинъ молиться обо всѣхъ ушедшихъ въ море, а съ каждою луной приходили къ Артуру,—въ веселый ли Камалотскій дворецъ,въ крѣпкія ли стѣны Керлеонскаго замка — вѣсти о разныхъ чудесныхъ рыцарскихъ подвигахъ. О нихъ разсказывали у пылающаго очага, въ которомъ трещали цѣлыя сосны въ зимній вечеръ, и на зеленыхъ полянахъ у ручья послѣ охоты. О нихъ говорили рыцари за круглымъ столомъ и дѣвы за прялками. Всѣ думали, что удивительные эти подвиги были дѣломъ не одного рыцаря, а многихъ. Узнавали совершавшаго ихъ то по бѣлому

панцырю, то по щиту съ червленой полосой, то по чернымъ латамъ. И только Жиневра знала, что это все одинъ и тотъ же ея неизвѣстный пажъ: ибо, чтобы онъ ни сдѣлалъ — побѣдилъ ли непобѣдимаго великана, спасъ ли рыцаря отъ нападавшихъ разбойниковъ, отбилъ ли богатую добычу, — онъ каждаго побѣжденнаго или спасеннаго отсылалъ ко двору Артура и приказывалъ явиться передъ королемъ и королевой и сказать:

— Рыцарь, сохранившій мою жизнь, сдѣлалъ это во имя своей дамы.

Но разъ, когда королева была одна, явилась во дворецъ прекрасная молодая дѣвушка, въ сопровожденіи богатой свиты. По обхожденію и наряду видно было, что она знатнаго рода. Она склонила колѣни передъ королевой, блѣдная, какъ лилія, и сказала ей:

— Прекрасный рыцарь освободилъ меня изъ плѣна и спасъ отъ злодѣя, державшаго меня въ темницѣ. Онъ убилъ его и вернулъ мнѣ мои владѣнья и богатства. Я все это хотѣла ему отдать въ награду. Я хотѣла также отдать ему сердце, которое бьется въ моей груди, и мои ласки, и мою любовь, но онъ отвергъ меня и приказалъ явиться къ тебѣ, королева, и сказать, что сдѣлалъ это во имя своей дамы, и чтобы ты распорядилась моей жизнью, какъ хочешь.

И слезы потекли при этомъ изъ ея глазъ, а королевѣ стало ясно, какъ ея пажъ любитъ ее. И счастье наполнило ея душу. И она ласково подняла дѣвушку и предложила ей на выборъ — остаться при ней или найти себѣ супруга среди достойныхъ рыцарей. Но дѣвушка попросила разрѣшенія удалиться въ святую обитель и тамъ молиться за своего спасителя и за королеву. И королева отпустила ее, а съ однимъ изъ гонцовъ Ланселота послала ему въ даръ золотой мечъ, на рукояти котораго была вырѣзана вѣтка цвѣтущаго можжевельника, что означало у нея на родинѣ ея имя.

Не разставался съ этимъ мечомъ Ланселотъ. И сколько онъ съ нимъ свершилъ подвиговъ и выигралъ битвъ королю Артуру — описать было бы невозможно. Но что онъ въ своихъ скитаніяхъ пріобрѣлъ самаго цѣннаго — былъ другъ его Галеотто. Касторъ и Поллуксъ, Орестъ и Пиладъ, великіе примѣры древности, были ничто передъ дружбою Галеотто и Ланселота. А раньше были они противниками. И такъ это было: Галеотто, принцъ Чудесныхъ Острововъ, двинулся во главѣ стотысячнаго войска на короля Артура и осадилъ Керлеонскій замокъ. Непредупрежденный король могъ собрать только семь тысячъ войска, но среди нихъ былъ Ланселотъ. И Ланселотъ сражался на глазахъ своей коро-

левы, которая смотрѣла на бой съ стѣнной башни; и хотя навѣрное не знала, что Ланселотъ тамъ, но угадывала его въ Рыцарѣ черныхъ латъ.

Какъ Божія гроза, сражался Ланселотъ, поднималъ духъ войска, совершалъ чудеса и оборонялся одинъ противъ десяти нападающихъ. Но когда онъ, увлеченный впередъ, очутился среди непріятеля и подъ нимъ убитъ былъ конь и онъ продолжалъ биться — Галеотто, въ которомъ высокъ былъ воинскій духъ, приказалъ имъ не нападать на пѣшаго, а самъ подъѣхалъ къ Ланселоту, сказалъ, что хочетъ говорить съ нимъ, какъ рыцарь съ рыцаремъ, что восхищенъ онъ его безстрашіемъ, что знаетъ, — равнаго ему рыцаря нѣтъ нигдѣ. Потому предлагаетъ ему свою дружбу и исполнитъ любое его условіе, чтобы только онъ сталъ его другомъ.

Тогда Ланселотъ сказалъ ему:

— Я буду тебѣ другомъ, если на третій день отъ сего дня, когда ты увидишь, что король Артуръ потерялъ всякую надежду на спасеніе,— ты пойдешь и сдашься ему, и изъ побѣдителя добровольно сдѣлаешься побѣжденнымъ. И когда Галеотто въ отвѣтъ долго молчалъ, онъ затуманился и сказалъ:

— Я же зналъ, что условіе мое невыполнимо.

— Напротивъ, — сказалъ Галеотто, — я молчалъ, ибо меня поразило, какое великое слово

ты сказалъ. И условіе твое я принимаю. Но эти три дня — ты мой гость.

Три дня они провели, не разставаясь ни днемъ ни ночью. Ихъ души открылись одна другой, и оба полюбили другъ друга, какъ братья. А въ лагерѣ Артура воцарилось отчаяніе, ибо думали, что Рыцарь черныхъ латъ взятъ въ плѣнъ Галеотто; и королева оплакивала его тайкомъ.

Но на третій день они вдвоемъ явились въ королевскій лагерь, и Галеотто сдался королю, прибавивъ, что дѣлаетъ это изъ любви къ Рыцарю черныхъ латъ. Король понялъ все благородство его души, и былъ благодаренъ и ему и Ланселоту несказанно. Такъ, вмѣсто побѣды надъ королемъ съ помощью болѣе многочисленнаго войска, побѣдилъ его Галеотто своимъ великодушіемъ, заслужилъ горячую преданность короля и прекрасной Жиневры и пріобрѣлъ въ Ланселотѣ друга на всю жизнь.

Неожиданный миръ далъ поводъ къ радостнымъ торжествамъ. Отосланы были войска, шатры украшены свѣжими цвѣтами; гдѣ слышались ранѣе лязгъ оружія, ржаніе коней и стоны раненыхъ — теперь раздавались пѣсни молодыхъ дѣвушекъ и звуки арфъ.

Тутъ впервые, въ свѣжей рощѣ, куда удалилась королева искать прохлады отъ зноя, въ то время, какъ король и рыцари еще пировали въ

королевскомъ шатрѣ, встрѣтился Ланселотъ лицомъ къ лицу съ Жиневрой. Онъ еще во время битвы не поднималъ забрала, но королева узнала его по золотому мечу съ вѣткой можжевельника на рукояти. Узнала и потому, что когда онъ приблизился къ ней, то задрожалъ всѣмъ тѣломъ и не могъ вымолвить ни слова, онъ, въ битвѣ не знавшій страха. Такъ, говорятъ, единорогъ съ пылающимъ мечомъ во лбу яростно накидывается на закованнаго въ желѣзо рыцаря, но дрожитъ и преклоняется передъ невинною дѣвой.

И Галеотто, видѣвшій это, понялъ тайну, о которой со вздохомъ говорилъ ему его другъ въ безсонныя ночи.

— Я васъ узнала, — тихо сказала Жиневра Ланселоту. — Вѣдь вы были и Бѣлый Рыцарь, и Рыцарь щита съ червленой полосой, и Рыцарь черныхъ латъ. Вы присылали ко мнѣ спасенныхъ рыцарей, побѣжденныхъ разбойниковъ; вы прислали мнѣ и блѣдную красавицу, которая теперь молится за васъ въ своей обители. Вѣдь это были вы?

И онъ не могъ противорѣчить, ибо никогда не лгалъ, а только склонилъ голову.

— Но каждый разъ, какъ вы присылали къ намъ кого-нибудь, вы ему поручали сказать, что дѣлаете это во имя вашей дамы. Кто же это счастливица? Вѣрно, она прекрасна?

— Она — прекраснѣйшая изъ всѣхъ, государыня! — отвѣтилъ онъ.

— Какъ же ея имя?

— Королева Жиневра.

Знала его отвѣтъ и ждала его королева, и все же жаръ и холодъ охватилъ ее, но она хотѣла скрыть это подъ видомъ шутки, и засмѣялась.

— Такъ все это вы дѣлали во имя мое! Съ какихъ же поръ вы рѣшили, что я ваша дама?

— Съ того дня, государыня, какъ увидѣлъ васъ, съ той минуты, когда вы, прощаясь со мною, сказали мнѣ: «прекрасный нѣжный другъ». Это слово было мнѣ утѣшеніемъ горя, утоленіемъ голода, роскошью въ нуждѣ. Оно излѣчивало меня отъ страданій, спасало отъ опасности. Глядя въ лицо смерти, я вспоминалъ его. И теперь я пришелъ снова услышать его отъ васъ.

Вся дрожала Жиневра, но не хотѣла этого показать и шутливо возразила:

— Но вѣдь я, прощаясь, сказала бы это слово любому рыцарю. Вѣдь это пустое слово, а вы имъ наполнили свою жизнь. Будто это такъ? Я не вѣрю вамъ. Кого вы любите изъ моихъ женщинъ?

Онъ зашатался отъ ея жестокихъ словъ и чуть не упалъ, но она быстро положила ему руку на плечо, а Галеотто замѣтилъ это и поспѣшилъ поддержать своего друга.

— Что съ нимъ, государыня?

Покраснѣвъ, какъ будто она была не королева, а дѣвочка, которой въ первый разъ подарили ленту въ волосы, вмѣстѣ и стыдясь своей жестокости и радуясь своей силѣ, со слезами на глазахъ и улыбкой на устахъ, Жиневра ему отвѣтила:

— Я только спросила, кого изъ моихъ дамъ онъ любитъ? И сказала, что не вѣрю, будто я его дама.

— Государыня, вы бы могли убить его своей жестокостью, и міръ потерялъ бы много.

— Быть-можетъ, я больше всѣхъ!—съ горячностью сказала Жиневра, какъ бы радостно выдавая свои чувства тому, кто сталъ второй душою Ланселота.—Онъ говоритъ, что дѣлалъ это все для меня... За одно слово... За одно названіе друга, которое я дала ему!

— Если онъ такъ сказалъ—это правда. Никто не превзойдетъ его въ доблести, и слово лжи не осквернило его устъ никогда. Онъ любитъ васъ болѣе всего на свѣтѣ: сжальтесь же надъ нимъ!

— Нѣтъ того, чтобы я для него не сдѣлала,— сказала королева, глядя прямо въ глаза Ланселоту.—Онъ спасъ нашу страну, спасъ короля, быть-можетъ мою жизнь и честь. Но что я могу? Онъ ничего не проситъ у меня.

Тогда Галеотто сказалъ ей:

— Онъ не смѣетъ просить: онъ, который не дрожитъ безоружный передъ десятью воинами, дрожитъ отъ взора вашихъ глазъ. Но я скажу за него его тайныя мысли, и вы сдѣлаете, что онъ желаетъ.

— Я для него все сдѣлаю.

— Благодарю, и прошу: чтобы вы не только считали себя его дамой, но и его своимъ рыцаремъ. Вѣрно ли я говорю, Ланселотъ?

— О другъ мой!—только промолвилъ Ланселотъ.

— Чтобы за его великую любовь вы платили ему тѣмъ же. Онъ не смѣетъ напоминать обо всемъ, что сдѣлалъ для васъ. Но отдавши ему свою душу, вы будете богаче, чѣмъ владѣя всѣмъ міромъ.

— Хорошо,—сказала королева, протягивая Ланселоту руку, которую онъ схватилъ холодѣющей рукой,—я согласна: пусть онъ будетъ моимъ, и я его. Но вы, Галеотто, виною того, что мы поступимъ, быть-можетъ, противъ мірскихъ обычаевъ. Увы! Я изъ тѣхъ женщинъ, о которыхъ говорятъ больше хорошаго, чѣмъ онѣ заслуживаютъ, и міръ не проститъ мнѣ моего проступка. Но чтобы ни было—я защищаюсь однимъ: лучшаго рыцаря на свѣтѣ нѣтъ, и любить его не позоръ, а гордость.

— Закрѣпите же ваши слова залогомъ, государыня,—дайте ему поцѣлуй.

Они въ это время были въ отдаленіи отъ находившихся съ ними въ рощѣ Лауры Кардогельской и графини Малео. Видя, что Ланселотъ не смѣетъ прикоснутся къ ней, и все еще стараясь хранить безпечную шутливость, королева взяла его обѣими руками за голову и поцѣловала въ уста.

И поцѣловалъ онъ улыбку на устахъ возлюбленной.

Но въ третій разъ десница судьбы раскаленнымъ желѣзомъ коснулась ея сердца. И на этотъ разъ она поблѣднѣла и упала бы, если бы не схватилъ ее и не держалъ крѣпко Ланселотъ съ гордостью и радостью и вмѣстѣ съ благоговѣніемъ, какъ вѣрующій держитъ сосудъ со святыми дарами.

Медленно вернулись они подъ лучами луны къ королевскому шатру и были счастливы, ибо любовь ихъ была еще чиста, какъ лунный свѣтъ, озарявшій ихъ дорогу.

* * *

Вскорѣ послѣ этого Ланселотъ и Галеотто покинули королевскій лагерь, король же переселился въ Камалотъ. И вотъ туда, когда королева сидѣла въ уединеніи, напрасно стараясь работой или молитвой обмануть свою тоску и повторяя мысленно дорогое и теперь извѣст-

ное ей имя—принесли къ ней посланіе отъ Дамы Озеръ. Это былъ щитъ, на которомъ искуснѣйшая живопись изображала рыцаря и красавицу, сливающихся въ поцѣлуѣ. Но щитъ треснулъ посрединѣ на двѣ равныя части. И писала Дама Озеръ въ письмѣ королевѣ, что когда Ланселотъ будетъ обладать прекраснѣйшей женщиной въ мірѣ—эти половинки должны соединиться. Часто смотрѣла на этотъ щитъ королева и щеки ея пылали и затуманивались глаза...

Но скоро пришлось ей думать о другомъ. Опасная волшебница Камилла завлекла къ себѣ короля Артура и захватла его въ плѣнъ, какъ новая Омфала.

Рыцари и друзья собирались идти осадой на ея замокъ и спасать короля. Спѣшно дали знать Ланселоту. Онъ помчался во дворецъ, но по дорогѣ схватилъ сильнѣйшую горячку. И въ бреду, безпомощнаго, на носилкахъ привезли его слуги во дворецъ.

Какъ ни безпокоилась королева о судьбѣ короля, къ которому питала добрыя чувства, хотя давно видѣла въ немъ скорѣе отца, чѣмъ супруга, а кромѣ того знала, что Камилла плѣнила его больше своей красотой, чѣмъ колдовствомъ, но, увидавъ своего смѣлаго рыцаря смертельно больнымъ, забыла она обо всемъ остальномъ. Мутные глаза его не узнавали ее,

уста лепетали несвязныя слова. Бѣлый рыцарь жизни и Черный паладинъ смерти боролись надъ нимъ, а онъ лежалъ безсильный, безпомощный, безсознательный. Отчаянію королевы не было границъ. Она взяла его въ собственные покои, уложила на свое ложе и день и ночь ходила за нимъ. Въ то время царскія жены и дочери умѣли врачевать и перевязывать раны, и хотя не такъ была она искусна, какъ обѣ Изольды, но лѣчила его, какъ могла, и молитвами и любовью, наконецъ, отходила его и вырвала изъ когтей смерти.

Когда впервые Ланселотъ узналъ ее и протянулъ къ ней руки—упала Жиневра на колѣни возлѣ его ложа и зарыдала громко. Его глаза смотрѣли на нее съ прежней нѣжностью — и не выдержали оба, и гдѣ такъ близко была смерть—тамъ протянула свои сладкія сѣти любовь.

* * *

Когда Ланселотъ уснулъ, держа Жиневру за тонкую ночную одежду, какъ ребенокъ держитъ мать, чтобы не ушла—долго сидѣла она, склонясь надъ прекраснымъ блѣднымъ лицомъ, и не чувствовала ни раскаянія ни угрызенія совѣсти: одну всеобъемлющую радость любви и благодарности небу за его спасеніе. Потомъ ти-

хонько высвободилась и проскользнула къ щиту, висѣвшему у окна.

Въ яркомъ лунномъ сіяніи увидѣла Жиневра, что обѣ половины щита соединились.

* * *

Такъ соединились жизни Жиневры и Ланселота. И поблѣднѣютъ и угаснутъ подвиги и славныя дѣянія Рыцарей Круглаго Стола, и падутъ Керлеонскія стѣны, но вѣка пройдутъ и имена Жиневры и Ланселота останутся слиты воедино, какъ слиты души ихъ и тѣла въ лобзаніи любви»...

. . . . . .

Дальше Франческа и Паоло не читали.

Исторія о томъ, какъ монна Піа-ди-Толомеи, будучи невинной, погибла по волѣ жестокаго супруга.

«...Ricorditi di me che son la Pia...
Sienna mi fe, disfece mi Maremma». [1])
(*Dante, Purg. Canto V.*)

Въ горной Сіеннѣ, — городѣ св. Маріи, любимомъ художниками, гдѣ родился Дукчіо. прославившійся тихой красотой своей Мадонны, —жилъ некогда знатный дворянинъ Нелло Паннокіески, синьоръ Кастель ди-Пьетра, взявшій себѣ въ супруги прекрасную Піа ди-Толомеи. Оба принадлежали къ знатнѣйшимъ фамиліямъ Сіенны, и не отличались другъ отъ друга ни происхожденіемъ ни богатствомъ, но весьма отличались возрастомъ и нравомъ: Нелло Паннокіески насчитывалъ пятьдесятъ зимъ и былъ суровъ, мраченъ и жестокъ, тогда какъ монна Піа всего двадцать весенъ дышала воздухомъ родныхъ

[1]) «Вспомни обо мнѣ, чье имя Піа... Мнѣ Сьенна жизнь дала, а смерть—Мареммы».
(*Данте, Чистилище, пѣснь V.*)

горъ, и была кротка, прекрасна и веселаго нрава. Гдѣ была монна Піа, тамъ казалось, солнце свѣтило ярче, ибо румяныя уста ея всегда улыбались, смѣхъ звучалъ, какъ журчаніе весенняго горнаго ручья, и подобно нѣжному вѣтерку на разсвѣтѣ вѣяла отъ нея ласковая привѣтливость. Для каждаго находила монна Піа доброе слово и пріятный взглядъ, хотя бы человѣкъ стоялъ ниже ея, и былъ бѣденъ или въ немилости.

Любила она также увеселенія, и ни одинъ турниръ въ Сіеннѣ, ни одно состязаніе пѣвцовъ не происходили безъ ея присутствія. Часто ей, какъ одной изъ знатнѣйшихъ дамъ города, приходилось награждать побѣдителя вѣнкомъ или перевязью, и рыцари мечтали о счастіи получить награду изъ бѣлыхъ рукъ ея, а трубадуры, преклоняя колѣни, воспѣвали ее въ стихахъ, называя «сладчайшею алою розой». Сама монна Піа прекрасно пѣла и играла на віолѣ и на лютнѣ, а въ танцахъ превосходила всѣхъ плавностью и красотой своихъ движеній. Не одинъ художникъ—ибо въ Сіеннѣ почти не было дома, гдѣ бы кто-нибудь не былъ охваченъ сладкой любовью къ искусству,—когда писалъ Мадонну и сопровождающихъ ее святыхъ дѣвственницъ,—старался передать на холстѣ воспоминаніе свое о моннѣ Піи, о ея темныхъ, шелковистыхъ кудряхъ и лебединой шеѣ и тонкихъ

черныхъ бровяхъ, изогнутыхъ нѣжными полукружіями, подобными аркамъ мавританскихъ дворцовъ, надъ глазами цвѣта играющаго золотомъ топаза.

При всемъ томъ, монна Піа была весьма добродѣтельна и благочестива. Каждое утро присутствовала она на мессѣ; каждый день собственноручно раздавала милостыню всѣмъ приходившимъ къ ней; соблюдала посты и чтила своего супруга.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Сіенну раздирала междоусобная война. Знатнѣйшіе дома города—Толомеи, Салимбени, Малавольти, Пикколомини и многіе другіе находились въ постоянной враждѣ. Не проходило дня, чтобы гдѣ-нибудь въ темномъ закоулкѣ не поднимали какого-нибудь благороднаго синьора, пораженнаго въ грудь мечомъ открытаго врага или въ спину кинжаломъ наемнаго убійцы. Свирѣпая ненависть и кровавая месть витали надъ городомъ и постоянно вызывали новыя возстанія. Но наступали иногда промежутки, когда всѣ какъ бы утомлялись отъ напряженной вражды, и нѣкоторое время не было слышно о новыхъ убійствахъ. Тогда члены враждующихъ домовъ встрѣчались и даже разговаривали другъ съ другомъ,—и въ одинъ изъ такихъ промежутковъ прекрасная Піа и стала женою Нелло Пан-

нокіески, и думали, что это положитъ конецъ междоусобіямъ. По этому поводу даны были большія празднества, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней вся Сіенна пировала, ибо и простые граждане страдали отъ распрей знатныхъ семействъ, такъ какъ каждый принужденъ былъ открыто стоять за того или другого, и въ кровавыхъ стычкахъ быть готовымъ пожертвовать жизнью за чужое оскорбленіе. Поэтому матери, жены и невѣсты—всѣ были рады браку синьора Нелло, и особенно восхищались ясною красотою новобрачной, говоря:

— Она, какъ розовая заря взойдетъ надъ ночью вражды, и прогонитъ ее своей ангельской улыбкой.

Дѣйствительно, долгое время послѣ этого брака все было тихо и благополучно въ Сіеннѣ. По ночамъ рѣдко слышался тревожный рогъ или звонъ набата, заставляющій мужчинъ вскакивать и съ мечомъ выбѣгать на улицу, а женщинъ—кидаться на колѣни передъ статуей Мадонны, охранявшей скромное жилище.

Монна Піа, несмотря на жестокій нравъ стараго супруга, цвѣла подобно розѣ въ пышномъ дворцѣ Кастель ди-Пьетра, и невинно радовалась жизни,—и радовались всѣ вокругъ нея. Окружавшія ее молодыя дѣвицы изъ дворянскихъ семействъ, проживавшія во дворцѣ,

были для нея не столько прислужницами, сколько подругами. Работа у нихъ чередовалась съ пѣніемъ, танцами и хороводами. Госпожа сама дарила имъ наряды, ожерелья и пряжки, сама часто убирала имъ волосы и украшала ихъ цвѣтами. Такъ что кто попадалъ впервые во дворецъ Паннокіески, и видѣлъ, какъ монна Піа, окруженная юными красавицами въ свѣтлыхъ одеждахъ и съ вѣнками на волосахъ, поетъ или работаетъ, или учитъ ихъ граціозной пляскѣ—тому казалось, что онъ проникъ въ волшебные сады феи Морганы и видитъ толпу воздушныхъ призраковъ.

Зимою, когда въ Сіеннѣ выпадаетъ густой снѣгъ и дуетъ рѣзкій вѣтеръ съ горъ, во дворцѣ продолжало царить молодое веселіе. Собираясь вокругъ пылающаго очага, слушали разсказы пилигримовъ, возвращавшихся изъ святой земли,—о гробѣ Господнемъ, о чудѣ только что совершившимся въ Лоретто, куда ангелы перенесли изъ Назарета хижину дѣвы Маріи; или же призывали странствующихъ торговцевъ и покупали у нихъ аравійскіе духи, сарацинскій бархатъ, жемчуга изъ Индіи, палестинскую розовую воду и сладости, которыя дѣлаютъ женщины въ Дамаскѣ. Или же слушали трубадуровъ и вздыхали надъ печальною судьбою Рюделя, любившаго графиню Триполійскую и о томъ, какъ

она послѣ его смерти ушла въ монастырь, но раньше велѣла списать его стихи золотыми буквами и изъ всѣхъ своихъ несмѣтныхъ богатствъ только ихъ и взяла съ собою въ обитель.

Иногда же устраивались пиры и праздники въ большой дворцовой залѣ, такъ какъ синьоръ Паннокіески любилъ, чтобы знали и прославляли его богатство и роскошь.

На этихъ празднествахъ многіе кавалеры окружали хозяйку дома и вздыхали по ней; но упорнѣе всѣхъ преслѣдовали ее своимъ вниманіемъ двое: Пандольфо Уберти—другъ и товарищъ по походамъ самого Нелло Паннокіески,—и нѣкій Агостино Гизи, молодой человѣкъ, прекрасный собою, высокаго роста и необыкновеннаго изящества, такъ что, когда онъ показывался въ залѣ, всѣ взоры слѣдили за нимъ съ восхищеніемъ, и даже женская красота меркла передъ нимъ.

Оба они съ сожалѣніемъ смотрѣли на монну Пію, отданную, какъ имъ казалось, несправедливо такому суровому и тяжелому человѣку, какимъ былъ Нелло Паннокіески,—о которомъ кромѣ того всѣ знали, что онъ не чтитъ святости брака и не сохраняетъ супружеской вѣрности своей молодой женѣ, предпочитая ея обществу и мирнымъ радостямъ домашняго очага—попойки въ народныхъ тавернахъ, гдѣ темногла-

зыя служанки подливали ему въ кубокъ сладкаго и крѣпкаго Монте-Пульчіано и садились къ нему на колѣни съ веселымъ хохотомъ.

Синьоръ Уберти не боялся выражать моннѣ Піи свое удивленіе и, не взирая на ея недовольство, пробовалъ очернить ея супруга въ ея глазахъ, на что добродѣтельная Піа всегда отвѣчала:

— Оставьте эти рѣчи, мессеръ Уберти, супругъ мой поступаетъ, какъ ему угодно, я же обязана повиноваться ему—и только.

Отчего синьоръ Уберти приходилъ въ великую ярость, забывая, что онъ совершаетъ вдвойнѣ дурное дѣло: старается склонить молодую женщину къ нарушенію своего долга, а также предаетъ своего друга, который не разъ спасалъ ему жизнь въ крестовыхъ походахъ.

Синьоръ же Агостино ничего не говорилъ моннѣ Піи, онъ только глядѣлъ на нее взоромъ, исполненнымъ нѣжности, противъ чего монна Піа возразить не могла; и невольно эти взгляды подобно лучамъ мѣсяца проникали къ ней въ душу и оставались тамъ. Одинъ только разъ, въ соборѣ, на торжественномъ богослуженіи, синьоръ Агостино сталъ возлѣ чаши со святой водой такъ, чтобы передать ее моннѣ Піи, и когда пальцы ихъ встрѣтились, онъ произнесъ такъ тихо, что никто кромѣ нея не могъ услышать

— Я умираю!

Святая вода показалась ей жгучей, и, сама не зная какъ, дрожащими губами монна Піа отвѣтила:

— Я васъ жалѣю, мессеръ!

Но тутъ же стала горько упрекать себя за преступную снисходительность и думала, что совершила великій грѣхъ, послѣ чего три ночи простояла на молитвѣ въ часовнѣ, на каменномъ полу, кладя поклоны до самаго разсвѣта.

Тѣмъ временемъ, изъ-за пустого предлога, опять разгорѣлась распря въ Сіеннѣ. На ярмаркѣ поссорились двое стрѣлковъ Панноkіески и Салимбени; со своей стороны за нихъ вступились ихъ товарищи, дошло дѣло до господъ, схватились за мечи ихъ друзья и родственники,—и въ Сіеннѣ вспыхнула такая рѣзня, какой давно не видали стѣны города. Кончилось это тѣмъ, что отецъ и братья монны Піи въ числѣ многихъ другихъ были присуждены въ изгнаніе и имущества ихъ конфискованы республикой. Большимъ ударомъ было это для монны Піи, тѣмъ болѣе, что она долго и безуспѣшно молила своего супруга о смягченіи участи родныхъ. Затмилась ясность ея глазъ и смолкнулъ звонкій смѣхъ,—но все же она осталась вѣрна своему долгу и не упрекала супруга, снося съ твердостью духа это испыта-

ніе и помня, что долгъ жены повиноваться мужу и раздѣлять во всемъ его желанія, забывая о своихъ.

Въ одно утро, когда монна Піа задумчиво гуляла въ саду со своею любимою прислужницей, Джіанной, къ нимъ подскочилъ дворцовый шутъ, очень ее любившій, и кривляясь и смѣясь, незамѣтно передалъ ей записку. Записка эта была отъ любимаго младшаго брата Піи, съ которымъ они не видались со времени его изгнанія, и который писалъ ей, что скрывается въ горахъ у пастуховъ и хочетъ ночью пробраться къ ней, чтобы проститься передъ окончательной разлукой, такъ какъ собирается отплыть на островъ Мальту. Синьоръ Федериго былъ четырьмя годами моложе, чѣмъ Піа, и тѣсная дружба связывала ихъ. Еще пушокъ едва показался на его лицѣ, но онъ уже былъ храбрый воинъ, и въ послѣдней битвѣ посвященъ былъ въ рыцари.

Когда монна Піа вспомнила ихъ дѣтскія игры и подумала, что можетъ быть никогда болѣе не увидитъ своего свѣтлокудраго Федериго, горькія слезы затуманили ея глаза, и она рѣшила непремѣнно повидаться съ нимъ. Она знала, что Джіанна, такъ же какъ и шутъ охотно умрутъ за нее, и потому держала съ ними совѣтъ—какъ поступить.

Какъ разъ на слѣдующій день синьоръ Нелло и его приглашенные должны были ѣхать на охоту въ горы, и по обыкновенію заночевать въ охотничьемъ домикѣ, чтобы не пропустить восхода солнца. Монна Піа, воспользовавшись этимъ, рѣшила отговориться нездоровьемъ и остаться дома. Шутъ же, котораго звали Пассерелло, за то, что онъ былъ маленькій и сѣдой какъ воробей, обѣщалъ привести синьора Федериго къ воротамъ сада.

Такъ и было сдѣлано. Когда всѣ съ весельемъ и шумомъ уѣхали на охоту, и уже стемнѣло, монна Піа сказала своимъ приближеннымъ, что у нея сильно болитъ голова и она надѣется прогулкой прогнать нездоровье. Взяла съ собой одну Джіанну и вышла въ садъ. У ограды ожидалъ ее вѣрный Пассерелло, и съ нимъ молодой рыцарь, закутанный въ темный плащъ.

Монна Піа бросилась къ нему, Джіанна и Пассерелло ушли, чтобы не мѣшать прощальной бесѣдѣ. Былъ тихій, теплый вечеръ и, когда монна Піа и синьоръ Федериго бесѣдовали, забывъ объ окружающемъ и помня только, что разстаются, быть-можетъ, навѣки—въ небѣ показалась луна, и освѣтила бѣлое платье и блѣдное отъ горя лицо монны Піи, синьоръ Федериго же оставался въ тѣни, полускрытый кустами олеандровъ.

Въ это время въ замокъ возвратился синьоръ Уберти. Безпокойство прогнало его съ охоты, все время онъ думалъ, что не напрасно монна Піа, отговорившись нездоровьемъ, осталась дома, такъ какъ она любила удовольствія охоты и была безстрашной наѣздницей—и рѣшилъ провѣрить свои подозрѣнія.

Онъ отослалъ лошадь у перекрестка; самъ же вернулся во дворецъ и пользуясь тѣмъ, что хорошо зналъ расположеніе его, вышелъ не черезъ главную террасу, у которой сторожили Джіанна и шутъ, а боковою калиткой. Зеленый охотничій нарядъ его не отличался отъ зелени сада, и какъ тать онъ прокрадывался по дорожкамъ, ступая неслышно по мягкому дерну, когда долетѣлъ до него звукъ заглушеннаго разговора. Притаивъ дыханіе, онъ пополз за кустами и вскорѣ увидѣлъ монну Пію. При свѣтѣ луны ея нѣжное лицо было очень блѣдно, и въ глазахъ стояли крупныя слезы. Она обвила стройными руками своими шею стоявшаго съ ней, и крѣпко поцѣловала его, преизнося прерывающимся голосомъ:

— Храни тебя Богъ и святая Дѣва, любимый мой! Не забывай меня, и носи это на память обо мнѣ!

И вручила ему сверкнувшее подъ лучомъ луны кровавымъ огонькомъ кольцо, которое синьоръ Уберти хорошо зналъ, ибо неоднократно вос-

хищался величиною украшавшаго его восточнаго рубина.

Синьоръ Уберти стоялъ, сжимая рукоять меча, съ однимъ желаніемъ кинуться на незнакомца, который въ это время съ любовью прощался съ монной Піей. Но поборовъ это желаніе, онъ съ сатанинскою радостью подумалъ, о томъ, что монна Піа теперь въ его рукахъ.

Когда молодые люди разстались, наконецъ, и топотъ коня Федериго замеръ въ удаленіи, а монна Піа, плача и утирая слезы, направилась къ дому—синьоръ Уберти вдругъ вышелъ изъ-за кустовъ и, преградивъ ей дорогу, сказалъ:

— Вотъ какъ, мадонна! Вы лѣчите ваше нездоровье тѣмъ, что при лунномъ свѣтѣ назначаете свиданія молодымъ рыцарямъ?

Монна Піа испугалась, какъ если бы самъ Вельзевулъ предсталъ передъ нею, и отъ испуга на нѣкоторое время какъ бы онѣмѣла, и молча смотрѣла на синьора Уберти, сжимая руки.

Открыть ему, кто былъ съ нею—монна Піа не могла, такъ какъ если бы узнали о самовольномъ возвращеніи изгнанника, то Федериго грозила бы смерть или во всякомъ случаѣ темница. Поэтому тутъ же монна Піа сказала себѣ, что лучше умретъ, нежели выдастъ любимаго брата.

— Теперь тайна ваша въ моихъ рукахъ, но вы можете не дрожать за нее!—сказалъ синьоръ

Уберти,—если вы согласитесь на нѣкоторыя мои условія.

— Какія?—произнесла поблѣднѣвшими губами монна Піа и взглянула на него такими глазами, какъ лань смотритъ на ранившаго ее охотника.

Синьоръ Уберти наклонился и прошепталъ ей на ухо нѣсколько словъ, отъ которыхъ монна Піа вся вспыхнула гордымъ румянцемъ и даръ слова мгновенно вернулся къ ней.

— Оставьте меня, коварный другъ!—воскликнула она.—Легче мнѣ смерть, чѣмъ подобное оскорбленіе. Стыдъ и позоръ да падутъ на вашу голову. Въ ней столько же сѣдыхъ волосъ, сколько у моего супруга, и вы еще рыцарь и другъ его!

Въ оскорбленной невинности своей монна Піа забыла, что не должна казаться невинной синьору Уберти, и горячо упрекала его.

— Да, я знаю прекрасная синьора, что бѣлокурые волосы болѣе нравятся дамамъ, чѣмъ сѣдые; но смотрите, и сѣдые бываютъ полезны!

— Я не хочу слушать ваши гнусныя рѣчи!—воскликнула монна Піа,—и прошу васъ оставить меня.

— Берегитесь же, монна Піа,—вы лишаете меня сладости любви: мнѣ остается одно утѣшеніе—сладость мести!

И съ этими словами синьоръ Уберти покинулъ монну Пію, оставивъ ее взволнованною и разстроенною его угрозою, которую онъ не замедлилъ привести въ исполненіе.

На слѣдующій день, когда возвратился синьоръ Нелло, другъ его заперся съ нимъ въ его покояхъ и подъ страшной клятвой открылъ ему, что застигъ жену его въ то время, какъ она въ саду ночью прощалась съ какимъ-то юношей, съ любовными словами и слезами и многими вздохами.

Синьоръ Нелло потемнѣлъ, какъ вершина горы, когда ее окутаетъ грозовая туча, и спросилъ:

— Доказательства?

— Если тебѣ мало моей клятвы, то спроси у нея, гдѣ перстень съ рубиномъ большой цѣнности и красоты, доставшійся ей отъ матери?

— Благодарю тебя за дружескую услугу,— сказалъ синьоръ Нелло.—Я тебѣ спасъ жизнь какъ-то, помнится. Ты мнѣ дашь также новую жизнь, ибо если то, что ты сказалъ—правда, то жизнь моя измѣнится.

Такъ онъ сказалъ потому, что давно уже задумалъ избавиться отъ своей супруги, пресыщенный ея молодой красотой и недовольный неумѣніемъ отвѣчать на его ласки, ибо цѣломудренная монна Піа и будучи женою не узнала

искусства любви, которому не сумѣлъ ее научить старый и развратный супругъ, и хотя никогда не противилась его волѣ, но оставалась холодною, чѣмъ сильно заставляла его сожалѣть о плясуньяхъ и уличныхъ пѣвицахъ, дарившихъ ему искусныя ласки въ охотничьемъ домикѣ.

Послѣ бесѣды съ синьоромъ Уберти, синьоръ Нелло пошелъ въ опочивальню супруги—чего давно уже не дѣлалъ—и тамъ засталъ ее распростертую крестомъ на каменномъ полу передъ аналоемъ. Волосы ея распустились, какъ у Магдалины, и волнистыми прядями закрыли бѣлыя плечи. Она молилась такъ горячо, что не замѣтила, какъ вошелъ супругъ ея.

Грознымъ окликомъ онъ заставилъ ее подняться. Трепещущая, блѣдная, она встала и стояла передъ нимъ, какъ передъ строгимъ судьей. Уже изъ одного разстроеннаго вида ея синьоръ Нелло заключилъ, что другъ его правъ и жена дѣйствительно передъ нимъ виновна.

Онъ спросилъ, глядя ей въ глаза:

— Гдѣ у васъ перстень съ рубиномъ, доставшійся вамъ отъ матери?

Сильно смѣшалась монна Піа. Щеки ея вспыхнули такъ, что видно было, какъ подъ тонкою кожей разлилась благородная кровь. Отведя глаза отъ супруга, она отвѣтила:

— Я потеряла его.

Въ сердцѣ же у нея поднялась буря мучительной тревоги, такъ какъ она поняла, что супругъ предложилъ ей внезапный вопросъ этотъ не даромъ.

— Отчего вы не смотрите мнѣ въ глаза?— спросилъ синьоръ Нелло.

Монна Піа сдѣлала усиліе и подняла глаза на супруга.

Долго стоялъ онъ передъ нею и смотрѣлъ на нее пристально.

Въ глазахъ синьора Нелло никогда не читала его молодая супруга ни нѣжности ни доброты; но то, что она сейчасъ прочла въ нихъ—строгихъ и каменныхъ, какъ на мозаикахъ собора у гнѣвныхъ пророковъ—заставило ее всю похолодѣть. И сама не зная почему, еще въ эту минуту смертельной тоски, вдругъ вспомнила она другіе глаза, смотрѣвшіе на нее съ тою нѣжностью, съ которою мученики смотрятъ на Мадонну; и закрыла глаза, и пошатнулась. А синьоръ Нелло не сказалъ ни слова, повернулся и вышелъ.

На другое утро синьоръ Паннокіески прислалъ къ супругѣ своей майордома съ приказаніемъ собраться къ отъѣзду въ часъ времени. Куда и зачѣмъ поѣдутъ они—майордомъ не могъ сказать госпожѣ своей, но сказалъ только,

что приготовлена колымага съ мулами, та самая, которую брали въ большія поѣздки; а свитѣ ѣхать не приказано. Когда монна Піа спросила, можетъ ли она взять съ собою Джіанну, то майордомъ объяснилъ ей, что синьоръ Нелло приказываетъ не брать никого и уложить лишь самыя необходимыя вещи.

Поспѣшно собрала монна Піа съ помощью испуганной Джіанны свои платья, нѣкоторыя священныя книги и работу, не зная, что брать и что оставлять, и въ назначенное время была готова и съ біеніемъ сердца ожидала своего повелителя.

Роскошная колымага была подана къ главному входу; монна Піа вышла; синьоръ Нелло вѣжливо подалъ ей руку, помогая садиться. Джіанна упала на колѣни и поцѣловала край платья своей госпожи. Послѣдній взглядъ, который монна Піа увидѣла, выѣзжая изъ дворца, былъ взглядъ синьора Уберти, полный дьявольской радости. Онъ изысканно-учтиво снялъ шляпу и, опустивъ ее до земли, низко поклонился, прибавивъ:

— Счастливаго путешествія, мадонна!

Колымага покатилась сначала по знакомымъ горнымъ дорогамъ, мимо оливковыхъ рощъ и виноградниковъ. Долгое время супруги сидѣли въ молчаніи, наконецъ, Піа рѣшилась и спросила:

— Могу я спросить васъ, куда мы ѣдемъ, супругъ мой?

— Вы это достаточно скоро узнаете,—отвѣтилъ синьоръ Нелло, и больше молчаніе не прерывалось.

Монна Піа перебирала свои четки и мысленно просила помощи у неба. Медленно проходило время; день ѣхали они,—останавливались на ночлегъ въ селеніи,—опять ѣхали.

Впереди ихъ бѣжали скороходы и ѣхали двое слугъ съ факелами и двое всадниковъ съ алебардами и луками; сзади тоже четверо всадниковъ.

Солнце уже стояло высоко, когда послѣ ѣзды по безотраднымъ и выжженнымъ равнинамъ, гдѣ иногда, какъ обломки зеркала, блестѣли пятна воды, колымага остановилась у воротъ крѣпкаго замка.

Высокія, толстыя стѣны съ зубцами и четырьмя круглыми башнями по угламъ окружали замокъ; передъ ними шелъ глубокій ровъ, до половины наполненный водой.

Передовой затрубилъ въ рогъ; заскрипѣли петли, повернулись ржавые ключи, и медленно спустился на желѣзныхъ цѣпяхъ съ грохотомъ и лязгомъ подъемный мостъ.

Синьоръ Нелло вышелъ, помогъ выйти своей супругѣ и ввелъ ее по мосту во дворъ замка.

Когда они вошли, то опять заскрипѣли петли, и мостъ поднялся, отдѣляя ихъ отъ внѣшняго міра. Пустынный дворъ, гдѣ между камней росла трава, и жилища слугъ, казалось, лишены были жизни; передъ хозяевами шелъ, указывая имъ путь, старый привратникъ, сѣдой и согбенный, съ трясущейся головой и звенящими въ дрожащихъ рукахъ ключами.

Пройдя многіе переходы и крытыя галлереи, супруги вошли въ главную башню и поднялись по винтовой лѣстницѣ въ просторную залу. Тутъ встрѣтило ихъ нѣсколько человѣкъ челяди, мужчинъ и женщинъ, низко поклонившихся имъ, съ колѣнопреклоненіемъ.

Монна Піа сразу испугалась этихъ людей, такъ какъ всѣ они были странно-блѣдные и похожіе скорѣе на призраковъ, чѣмъ на живыхъ людей. Лица у нихъ были сѣрыя, какъ тѣ камни, изъ которыхъ сложены были крѣпкія стѣны; кожа такъ плотно обтягивала ихъ, что, казалось, можно было сосчитать всѣ кости череповъ. Подобострастныя улыбки обнажали безкровныя десны и не отражались въ потухшихъ глазахъ. Даже дѣти были также блѣдны и худы и походили на маленькихъ стариковъ. И точно живые мертвецы всѣ они кланялись, произнося тусклыми голосами слова привѣтствій, и казалось, что вотъ-вотъ послѣднія лохмотья кожи спадутъ съ

нихъ и застучатъ кости скелетовъ одна объ другую.

Въ скудномъ свѣтѣ, проникавшемъ сквозь пробитыя высоко въ толстыхъ стѣнахъ окошки, они казались еще болѣе безплотными, чѣмъ были, и Піа съ ужасомъ обратила взоры на супруга, желая и не смѣя спросить, что это за люди.

— Я собралъ васъ, чтобы показать васъ госпожѣ вашей!—громко сказалъ синьоръ Паннокіески.—Она прибыла сюда, чтобы остаться здѣсь, пока я буду въ отлучкѣ. Берегите ее, какъ зеницу ока, и запомните твердо, что я скажу вамъ. Я опасаюсь за мою возлюбленную супругу и ввѣряю ее только этимъ стѣнамъ: онѣ надежны и выдержатъ не одну осаду. Въ этихъ стѣнахъ она можетъ ходить, куда ей угодно, и дѣлать, что ей угодно: но одинъ шагъ ея за стѣны—грозитъ всѣмъ вамъ смертью. Слышите? Вы отвѣчаете мнѣ своею жизнью.

Послѣ этихъ словъ онъ отпустилъ челядь, самъ же обратился къ супругѣ и совершенно спокойно сказалъ ей:

— Вы здѣсь останетесь до моего приказанія. По распоряженію моему вы ни въ чемъ не будете имѣть недостатка, и разъ въ недѣлю капелланъ будетъ служить мессу въ часовнѣ замка, ибо я не желаю оставить васъ безъ возможности вымолить прощеніе своихъ грѣховъ.

— Супругъ мой, въ чемъ вина моя?—прошептала монна Піа.

— Не притворяйтесь овечкой, мадонна!—грозно возразилъ синьоръ Нелло.

— Клянусь вамъ, я невинна передъ вами!—воскликнула она.

— Не прибавляйте къ вашей винѣ еще и клятвопреступленія!—зарычалъ синьоръ Нелло, и съ такой силой схватилъ супругу за руки, что изъ-подъ ногтей ея брызнула кровь, и она со стономъ опустилась на колѣни.

Но потомъ онъ разжалъ руки и, не глядя на нее, вышелъ, оставивши ее въ слезахъ размышлять о своей жестокой судьбѣ.

Въ скоромъ времени услышала монна Піа снова лязгъ цѣпей, возвѣщавшій, что опустили мостъ, прозвучалъ рогъ, созывающій всадниковъ, и опять все стихло.

И долго была полная тишина.

Крѣпокъ и мраченъ былъ старый замокъ; не даромъ страхъ возводилъ толстыя каменныя стѣны и высокія бойницы,—недовѣріе ковало тяжелые, чугунные засовы и желѣзныя цѣпи,—жестокость рыла глубокія подземелья, гдѣ томились плѣнники, и хитрость прокладывала тайные подземные ходы въ нихъ.

Извнѣ не проникало никакихъ звуковъ, кромѣ того, и не было обычнаго шума рыцарскаго

замка: ржанья коней, лая собакъ, колотушки дозорныхъ сторожей, бѣготни челяди, громкихъ шутокъ воиновъ, закованныхъ въ желѣзные доспѣхи, и тяжелаго стука ихъ шаговъ по каменнымъ коридорамъ. Казалось моннѣ Піи, что она попала въ мрачное царство смерти.

Долго сидѣла она недвижно на скамьѣ, на которую опустилась по уходѣ супруга,— какъ бы зачарованная непривычной тишиной, стараясь собрать разстроенныя мысли, и утѣшая себя, что гнѣвъ супруга скоро пройдетъ, что когда Федериго будетъ въ полной безопасности—тамъ, гдѣ власть Сіенны не достигнетъ его,—она все откроетъ синьору Нелло, и онъ возвратитъ ей свою милость. Она вытерла слезы и рѣшила предать себя въ руки святой Дѣвы, покровительницы всѣхъ страждущихъ женскихъ сердецъ. Супругъ ея сказалъ, что здѣсь есть часовня, а тамъ, гдѣ есть Божій храмъ, она уже не будетъ одинокой.

Монна Піа хлопнула въ ладоши, привыкши, что на это всегда является одинъ изъ маленькихъ пажей, дремлющихъ за дверями. Но на зовъ ея вошелъ не пажъ. Отворилась дверь, и показалась юная дѣвушка, почти дитя, съ волосами цвѣта темной мѣди и очень бѣлымъ лицомъ.

Она была тонка, какъ стебель цвѣтка, и казалась такою слабой, что малѣйшаго дуновенія

вѣтра довольно было бы, чтобы сломать ее. Руки ея были такъ прозрачны, что всѣ голубыя жилки ясно выступали на нихъ. И голосъ у нея былъ тихій и нѣжный, какъ звонъ порвавшейся струны.

— Что угодно мадоннѣ?—спросила она.

— Кто ты, дитя мое?—въ свою очередь, удивившись, спросила монна Піа.

— Я — Симонетта, внучка стараго Филиппо, привратника замка. Мнѣ приказано ходить за госпожей. Я буду служить вамъ вѣрно.

— Благодарю тебя, Симонетта!—отвѣтила монна Піа, съ сожалѣніемъ глядя на молодую дѣвушку,—но сможешь ли ты служить мнѣ? Ты кажешься такой слабенькой: здорова ли ты?

— Я здорова!—съ удивленіемъ отвѣтила дѣвушка,—мы всѣ такіе, всѣ, кто родился и живетъ въ Мареммахъ. Развѣ вы не знаете этого, госпожа моя?

Тутъ поняла монна Піа, почему такими зловѣщими призраками показались ей всѣ обитатели замка—ибо хорошо она знала, что такое Мареммы,—и знала, что кто родился и живетъ въ Мареммахъ, тотъ чахнетъ и блѣднѣетъ, и вянетъ, и рано покидаетъ этотъ міръ. Но не знала она того, что если кто изъ другой страны очутится здѣсь—ядовитое дыханіе Мареммъ несетъ ему быструю смерть.

Сердце ея преисполнилось жалости къ юной дѣвушкѣ, похожей на увядающую травку. Она съ ласкою положила руку на голову Симонеттѣ и сказала:

— Я рада, что ты не больна, и я буду тебѣ доброй госпожею.

Послѣ этого Симонетта показала моннѣ Піи ея покой, рядомъ съ которымъ была молельня. Молельня была затянута чернымъ бархатомъ, на которомъ вышиты были черепа, и два черепа лежали подъ Распятіемъ, и надписи гласили о страшномъ судѣ, о вѣчныхъ мукахъ и о томъ, что надо бояться Божьей кары.

Но духовникъ монны Піи былъ пламенный почитатель и послѣдователь святого Франциска Ассизскаго; онъ научилъ ее, что Богъ—есть любовь, и потому не бояться надо его, а только любить,—и монна Піа не устрашилась зловѣщихъ надписей, сдѣланныхъ людскими руками.

Въ своемъ покоѣ монна Піа нашла небольшой балконъ, выступающій впередъ, съ него можно было видѣть далеко кругомъ. Тянулись болотистыя пастбища, заросшія тростникомъ лагуны и совсѣмъ вдали сверкала полоска моря. Не было видно нигдѣ жилья, только покинутыя шачуги пастуховъ, которые на все лѣто уходили съ горы, такъ какъ лѣтомъ жизнь среди стоячихъ и гніющихъ водъ была невозможна.

Ровно и плоско было все вокругъ; выжженныя поля чередовались съ пространствами воды, въ которой отражалось красное отъ близкаго захода солнца небо. Солнце, малиновое и такое, что не было больно смотрѣть на него, опускалось въ зловѣщей дымкѣ въ море, и кругомъ поднимались и ползли бѣлыя какъ бы полосы тончайшей ткани; это были болотныя испаренія, они затягивали понемногу все кругомъ, и скоро не было видно ни полей ни воды,—одна бѣлая мгла, сквозь которую виднѣлся тяжелый шаръ тлѣющаго солнца.

Странная прохлада коснулась щекъ и груди монны Піи, и какъ бы кто-то невидимый обвѣялъ ее ледянымъ дыханіемъ.

Она вздрогнула, и въ это время Симонетта сказала ей:

— Не оставайтесь на воздухѣ, госпожа моя, закатные туманы несутъ злыя чары.

Сама она была бѣлѣе полотна, и глаза ея, обведенные темными кругами, словно провалились въ глубину и горѣли.

Она увела госпожу свою внутрь покоя и взяла ея руки, стараясь согрѣть ихъ своимъ дыханіемъ; но хотя дыханіе ея жгло, какъ вѣтеръ, прилетающій съ береговъ Африки, руки монны Піи стали холоднѣе, чѣмъ руки мраморныхъ изваяній, отдыхающихъ послѣднимъ сномъ

на гробницахъ Сіеннскаго собора. Симонетта укутала госпожу свою въ мѣха и принесла ей кубокъ вина, и сидѣла у ногъ ея,—тихо разсказывая ей, какъ они живутъ здѣсь, не видя никого, не выходя почти изъ стѣнъ замка,—пока монна Піа не забылась сномъ.

Наутро, проснувшись и сотворивъ молитву, монна Піа увидала яркіе солнечные лучи, игравшіе на стѣнахъ ея покоя, и на душѣ у нея стало мирно и радостно. Она рѣшила спокойно ожидать перемѣны своей судьбы и предаться молитвѣ и работѣ. Къ счастью и книги и работу взяла она съ собой; нашла также здѣсь прялку и пяльцы. Обошла весь замокъ, ближе ознакомилась со своими слугами, разспросила, какъ кого зовутъ; приласкала блѣдныхъ и жалкихъ дѣтей. Она проходила, сіяющая юною прелестью, съ невинными какъ у ребенка глазами цвѣта играющаго золотомъ топаза, съ улыбкой на устахъ, въ богатомъ свѣтломъ платьѣ, по мрачнымъ коридорамъ среди покрытыхъ проказой сырости и плѣсени стѣнъ—и слуги смотрѣли ей вслѣдъ и тяжело вздыхали, а женщины складывали дрожащія руки и блѣдными, увядшими устами шептали молитву о спасеніи ея.

Увидавъ во дворѣ растущій въ большомъ количествѣ душистый желтоцвѣтникъ, монна

Піа хотѣла нарвать его къ Распятію, но Симонетта остановила ее со словами:

— Нѣтъ, мадонна, берегитесь этихъ цвѣтовъ! Ихъ благоуханіе отнимаетъ всѣ силы у человѣка.

День прошелъ за работой, за чтеніемъ и въ бесѣдѣ съ Симонеттой. Но когда солнце начало клониться къ закату, смертельный холодъ вдругъ охватилъ монну Пію.

Лицо ея поблѣднѣло и приняло синеватый оттѣнокъ, который бываетъ у мертвецовъ. Шелковистая кожа ея прекрасной бѣлой груди стала странно неровной; работа выпала изъ поледенѣвшихъ рукъ; она вскрикнула, такъ какъ сильно укололась, но кровь не полилась изъ ранки и только выступила маленькой черной каплей. Глубоко впали глаза и окружились синеватой тѣнью; въ одно мгновеніе ока цвѣтущее лицо красавицы Піи стало похожимъ на ликъ покойницы.

— Что со мною, Симонетта?—воскликнула монна Піа, и не могла говорить, такъ сильно стучали ея зубы. Все тѣло тряслось, какъ отъ сильнѣйшаго мороза. Ей казалось, что ледяная смерть схватила ее въ свои объятія и не выпускаетъ. И вдругъ, точно бы она сразу потеряла упругую силу и округлость нѣжнаго тѣла, съ руки ея упалъ перстень и звеня пока-

тился по каменному полу; это показалось ей дурнымъ предзнаменованіемъ, но было только потому, что ознобъ такъ стянулъ ея кожу, что перстень сталъ слишкомъ широкимъ.

Симонетта, знавшая ужасный недугъ, съ отчаяніемъ прошептала:

— Вотъ, *она* взяла мою госпожу... теперь не выпуститъ!

Она собрала всѣ мѣха и покрывала, которые могла найти, уложила монну Пію въ постель и принесла раскаленные кирпичи ей къ ногамъ, сгибаясь подъ ихъ тяжестью.

Но ничто не помогло; долго лежала монна Піа, терзаемая ледянымъ ознобомъ, подкидывавшимъ тѣло ея такъ, какъ-будто бы она была несчастною бѣсноватой на церковной паперти. Но вдругъ приподнялась она на постели, откинула тяжелыя косы и пожаловалась:

— Меня жжетъ, Симонетта, я горю!

Блѣдность ея исчезла, словно сметенная жгучимъ дыханіемъ огня, какъ исчезаетъ снѣгъ съ земли, когда дровосѣки разложатъ костеръ на полянѣ. Волна алой крови, вернувшись вспять, залила ея лицо. Все ея молодое, прекрасное тѣло горѣло, охваченное розовой краской жара, румянецъ пылалъ на щекахъ, пересохшія уста алѣли, какъ раскрытые цвѣты гранатоваго дерева; нестерпимымъ блескомъ

горячки блестѣли потемнѣвшіе, ставшіе совсѣмъ черными, глаза, обведенные темными кругами, какъ послѣ страстныхъ ласкъ. Волосы разсыпались по обнаженнымъ плечамъ, она откидывала ихъ, срывала легкую одежду съ плечъ, такъ какъ и тяжелый шелкъ косы и ткань одежды, подобная паутинѣ, жгли и давили ее.

И она лежала, разметавшись на ложѣ, полунагая, какъ бы въ нетерпѣливомъ ожиданіи любви, и казалось самый воздухъ пылалъ зноемъ вокругъ нея.

Такъ длилось до поздней ночи, когда странный недугъ покинулъ ее, и она осталась разбитая и изнеможенная, какъ мертвая, пока не заснула крѣпко.

Слабая и блѣдная встала монна Піа на другой день, надѣясь, что болѣзнь ея прошла, какъ тяжелое сновидѣніе. Она горячо и много молилась, хотя силы измѣняли ей, и, положивъ земной поклонъ, она долго не могла подняться съ пола и лежала, прислонясь щекой къ ступенямъ аналоя.

Но Симонетта глядѣла на нее взоромъ, полнымъ затаеннаго страха и горя и нѣжности, ибо прекрасная госпожа своей кроткой прелестью сразу приковала къ себѣ ея сердце прочнѣе желѣзныхъ цѣпей. Смотрѣла и ждала. И

съ закатомъ солнца опять леденящая струя смерти коснулась монны Піи и невѣдомая сила охватила ея существо, и она уже не принадлежала себѣ.

Съ этихъ поръ дни ея пошли въ ожиданіи часовъ заката; и знала монна Піа, что ничто не измѣнитъ велѣнія судьбы, и какъ только кровавые лучи солнца упадутъ на мраморную статую Мадонны въ углу, такъ придетъ что-то невѣдомое и властное, и безпощадное и станетъ предавать ее то терзанію ледяного холода, то мукѣ пламени, какъ бы дыханія изъ геенны, доходящаго до нея.

Съ каждымъ днемъ исчезали силы монны Піи, одежды спадали съ ея похудѣвшаго тѣла. Не могли бы уже теперь трубадуры сравнивать ее съ сладчайшею алою розой, но развѣ надломленной лиліей назвали бы ее, если бы видѣли теперь.

Тщетно молила она Святую Дѣву сократить ея муки и повторяла молитву святого Франциска:

— Братъ мой огонь! Изъ всѣхъ вещей, на красоту имѣющихъ право, создалъ тебя Господь прекраснымъ, полезнымъ и сильнымъ. Братъ мой огонь! Будь милостивъ ко мнѣ въ этотъ часъ, будь моимъ другомъ; ибо сердце мое всегда любило тебя. Пусть Господь, со-

здавшій тебя, смягчитъ твою силу до кроткаго тепла, чтобъ мнѣ возможно было переносить ее, братъ мой огонь!

Но съ каждымъ днемъ сильнѣе были потрясавшія ея тѣло мученія, и странныя видѣнія представлялись ей.

Видѣлся ей небесный городъ, окруженный четыреугольною стѣною, съ тремя воротами, блистающими золотомъ, жемчугами и драгоцѣнными каменьями. Ангелы съ огненными мечами стерегли его. Дома въ немъ были изъ бѣлаго мрамора, украшеннаго лазурью и золотомъ. Улицы же мощены были золотомъ, серебромъ и хрусталемъ. И текла тамъ рѣка въ зеленыхъ берегахъ, окруженная деревьями и цвѣтами, испускавшими сладостное благоуханіе. Птицы пѣли тамъ, и пѣніе ихъ смѣшивалось со звуками віолъ, лютней и свирѣлей; и ангелы въ розовыхъ вѣнкахъ, держась за руки, водили хороводы и пѣли. Она приближалась къ рѣкѣ, чтобы испить изъ нея, ибо кто пьетъ изъ этой рѣки, тотъ не знаетъ болѣзни и смерти, но тутъ все темнѣло передъ нею, огненные мечи поднимались надъ нею, и окружала ее мрачная бездна, гдѣ пахло смолой и сѣрой, и рѣки огня и лавы текли, огибая бездну ядовитыми потоками, а около нихъ росли терніи и колючія какъ мечи растенія. Змѣи шипѣли кругомъ, вставая и вытя-

гиваясь на хвостахъ. А ее хватали, тащили куда-то и съ ликованіемъ демоны кричали:

— Въ огонь! Въ огонь!

И она металась, пожираемая неугасимымъ пламенемъ, пока блѣдная луна не заглядывала въ окно башни и не выводила ее изъ страшнаго сна.

И такъ шли дни.

Отъ супруга ея не было извѣстій. Тщетно она молила суроваго капеллана передать синьору Паннокіески просьбу пріѣхать, выслушать ея оправданія, позволить ей вернуться въ родной городъ, чтобы хоть умереть тамъ, вдали отравленныхъ чумнымъ дыханіемъ горячки Маремммъ. Онъ оставался непоколебимъ, и отвѣчалъ ей только, что она должна сносить испытанія съ кротостью, и что супругъ ея знаетъ, какъ поступать.

Въ одинъ день, утромъ, еще изнеможенная, монна Піа вышла на балконъ освѣжиться послѣ мучительной ночи, пославъ Симонетту за питьемъ себѣ. И что же представилось ея глазамъ? Въ отдаленіи, за воротами замка, на отлогой, едва холмившейся равнинѣ, стоялъ всадникъ на бѣломъ конѣ и жадно смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ она находилась. Монна Піа вглядѣлась— и узнала прекраснаго Агостино Гизи.

Любовь научила его, какъ узнать, гдѣ монна Піа.

Съ помощью шута Пасерелло, подкупившаго одного изъ всадниковъ, сопровождавшихъ синьора Паннокіески, малаго молодого и влюбленнаго, которому поэтому важенъ былъ лишній дукатъ, чтобы купить лентъ для своей красотки, онъ вывѣдалъ, куда отвезли монну Пію. И хотя ничего не могъ бы сдѣлать синьоръ Агостино для своей возлюбленной, но и Маремы не пугали его, и каждое утро онъ пріѣзжалъ на своемъ лихомъ скакунѣ и ждалъ, не увидитъ ли монну Пію.

Увидалъ онъ ее—и сразу не узналъ бы, если бы не прежніе глаза и волосы прекрасной монны Піи. Черезъ большое разстояніе теперь они могли переговариваться только глазами. И сказали другъ другу то же, что тогда въ соборѣ. Но только теперь монна Піа сказала ему взглядомъ.

— Я умираю!

А синьоръ Агостино, заливаясь слезами, отвѣтилъ:

— Какъ я васъ жалѣю, мадонна!..

Долго смотрѣли они другъ на друга, и синьоръ Агостино простиралъ руки къ ней. Она же подняла руку и указала ему на небо. И скрылась, чтобы больше не выйти.

Вернувшись въ свои покои, долго сидѣла монна Піа, вся дрожащая, уронивъ голову на руку, въ своемъ большомъ креслѣ, и тщетно старалась найти слова для молитвы.

Въ это время чьи-то нѣжныя руки тихо коснулись ея, и чудесный ароматъ разлился вокругъ.

Вздрогнула монна Піа, взглянула и увидала, что въ простотѣ своей Симонетта, чтобы утѣшить свою госпожу, принесла ей самое драгоцѣнное, что у нея было: кустъ лиліи, который вырастила съ великой заботой, и курильницу съ фиміамомъ, которую когда-то принесъ ей странникъ изъ Святой Земли. Все это она берегла, чтобы въ день, когда ей минетъ шестнадцать лѣтъ, принести въ даръ Святой Дѣвѣ, но такъ велика была любовь ея къ госпожѣ, что она отдала ей свои сокровища и сказала:

— Вотъ, что у меня было дорогого, я дарю вамъ, мадонна.

— Сегодня прекрасный день для меня!— отвѣтила монна Піа, и слабая улыбка освѣтила черты ея, неземная тѣнь той улыбки, которую воспѣвала вся Сіенна такъ недавно. И въ душѣ своей сказала себѣ:

«Сегодня прекрасный день! Взглядъ любви, даръ нѣжной дружбы и бѣлыя лиліи... О, спокойная сестра моя—смерть!.. Сейчасъ я встрѣчу тебя съ радостью».

И безропотно отдалась монна Піа подкравшейся къ ней холодной лихорадкѣ.

Но въ этотъ день видѣніе слетѣло къ ней иное, чѣмъ всегда.

Когда уже болѣе она не владѣла собой и не могла творить молитву, и лежала пылающая на своемъ ложѣ,—не муки ада представлялись ей: иное пламя охватило ее, жгучее дыханіе любви обвѣяло ее всю, и громко призывала она имя, не бывшее именемъ ея супруга, и говорила такія рѣчи любви и ласки, какихъ наяву никогда не произносили уста ея, и простирала горячія объятія въ истомѣ, и смѣялась тихимъ смѣхомъ блаженства.

Такъ что старая бабка Симонетты, пришедшая было помочь внучкѣ ходить за госпожей, такъ какъ у Симонетты едва хватало силы удерживать монну Пію на ложѣ и не давать ей бѣжать куда-то, испугалась и ушла; и долго разсказывали потомъ между челядью, что старая Беппа сама видѣла, какъ огненный драконъ влетѣлъ черезъ каминъ въ опочивальню ихъ госпожи— и съ нимъ она вела любовныя рѣчи.

Когда огонь горячки оставилъ наконецъ монну Пію, она какъ бы заснула. Долго утромъ Симонетта не смѣла будить ее; и солнце уже высоко стояло на небѣ, когда она окликнула ее. Монна Піа не отвѣчала и не пошевелилась

Душа ея отлетѣла, счастливая и готовая подняться къ звѣздамъ.

На другой день синьоръ Агостино увидалъ монну Пію, когда гробъ съ тѣломъ вынесли изъ воротъ замка, чтобы торжественно отвезти въ Сіенну въ семейный склепъ. Немногимъ блѣднѣе была монна Піа, чѣмъ когда онъ видѣлъ ее послѣдній разъ, стоящею на балконѣ.

И въ первый и послѣдній разъ онъ коснулся устами чела ея, и взялъ бѣлую лилію съ ея груди, поклявшись, что ни другихъ поцѣлуевъ, ни другихъ цвѣтовъ знать не будетъ, — и уѣхалъ, и въ скорости постригся въ монахи и, кончилъ дни свои весьма святымъ человѣкомъ.

Синьоръ же Нелло Паннокіески взялъ себѣ въ жены молоденькую красавицу Чіангеллу изъ дома Буонкомпаньи.

Исторія о томъ какъ Якопо Бенедетти изъ Тоди любилъ прекрасную монну Ванну и какъ любовь эта божественнымъ огнемъ страданія очистила его душу.

Въ зеленой Умбріи, тамъ, гдѣ бѣгущій съ высотъ Тоди бурно бросается въ объятія Найи, на склонѣ горы, въ славномъ городѣ Тоди жилъ нѣкогда именитый мессеръ Бенедетти. Городъ Тоди былъ весьма богатъ и славился на всю Умбрію крѣпостью своихъ стѣнъ и доблестью своихъ гражданъ. Три стѣны окружали его: первая была сложена изъ громадныхъ каменныхъ глыбъ еще руками этрусковъ, когда-то обитавшихъ здѣсь, вторая—построена была при великихъ цезаряхъ, называвшихъ городъ этотъ—Тудерціумъ; и только третья уже при папахъ, чтобы защищать предмѣстья разраставшіяся съ каждымъ годомъ.

Четырнадцать окрестныхъ замковъ, подобно могучимъ стражамъ, охраняли тодертинскую

коммуну, и подъ знаменами ея въ любую минуту могли собраться тридцать тысячъ пѣшихъ воиновъ и десять тысячъ всадниковъ. Много знатныхъ и богатыхъ домовъ насчитывалось въ стѣнахъ Тоди, но домъ мессера Бенедетти среди нихъ считался однимъ изъ самыхъ почтенныхъ.

Самъ мессеръ Бенедетти былъ человѣкомъ высокаго ума. Господь благословилъ его доброю супругой и большой семьей; но любимцемъ и надеждою ихъ былъ первенецъ, Якопо, юноша крайне привлекательной наружности и выдающихся дарованій.

Съ дѣтства Якопо былъ окруженъ нѣжнѣйшими заботами своей матери. Сколько разъ, пока онъ былъ маленькимъ, вставала она ночью съ постели и зажигала свѣтъ и, дрожа отъ ночного холода, спѣшила съ тревогой взглянуть, хорошо ли онъ спитъ; по утрамъ сама, съ материнской улыбкой и нѣжными шутками, будила его и помогала ему одѣваться, не давая коснуться до него рукамъ наемниковъ. Не жалѣла она ему нарядовъ и одѣвала Якопо, какъ маленькаго принца.

Когда ему едва минуло 7 лѣтъ, устраивали въ Тоди торжественныя празднества въ память папы Мартина I, бывшаго тодертнискимъ уроженцемъ; по этому случаю было много великолѣпныхъ процессій и богослуженій, и по зеле-

ному склону горы то и дѣло, подобно пестрой змѣѣ, тянулись шествія къ самой почитаемой древней часовнѣ, во имя Мадонны св. Слезъ, стоящей на вершинѣ.

Впереди шли музыканты, затѣмъ вѣрующіе несли деревянныя изображенія Мадонны и святыхъ, раскрашенныя и одѣтыя въ парчу и шелка и золото, такъ что казались живыми; также хоругви и знамена; сзади слѣдовали стрѣлки и латники, а потомъ уже толпы горожанъ и поселянъ въ праздничныхъ платьяхъ, и торговцевъ сладостями, плодами, орѣхами, четками и святыми реликвіями.

На празднества эти прибылъ папскій легатъ; и вотъ тогда маленькій Якопо, одѣтый ангеломъ, съ крыльями и въ вѣнкѣ на темныхъ кудряхъ, выступилъ впередъ и произнесъ легату латинское привѣтствіе, которое самъ сочинилъ, чему легатъ весьма изумился; отвѣтилъ ему также по-латыни, затѣмъ поднялъ его высоко на руки, поцѣловалъ и предсказалъ счастливой матери, что будетъ ея сынъ великимъ человѣкомъ.

Но хорошо, что не знала мать, какою цѣною купитъ ея сынъ свое величіе; иначе гордая улыбка ея затмилась бы слезами, какъ солнечный день въ горахъ Умбріи внезапно смѣняется грозовыми темными тучами.

Когда Якопо вошелъ въ возрастъ, любящій

отецъ рѣшилъ отправить его въ ученую и свободную Болонью, куда со всѣхъ четырехъ вѣтровъ стекались не только молодежь, но и зрѣлые люди, и дѣти коронованныхъ особъ, чтобы въ Фельзинскомъ храмѣ премудрости, какъ звали Болонскій университетъ, постигнуть науку права.

Хорошо жилось дома молодому Якопо; но все же, когда раннимъ утромъ, напутствуемый благословеніями матери, снабженный деньгами и письмами, въ сопровожденіи наставника и слугъ, Якопо на своемъ арабскомъ конѣ выѣхалъ въ Сполетанскую долину и вдохнулъ полной грудью свѣжій весенній воздухъ, то ему показалось, будто крылья развернулись у него за спиною; онъ пришпорилъ своего благороднаго коня и помчался, такъ что только вѣтеръ свистѣлъ у него въ ушахъ, навстрѣчу новой жизни.

Болонья, лежащая въ цвѣтущей долинѣ между Рено и Савенной, словно раскинувшаяся на отдыхъ веселая красавица, показалась юношѣ городомъ сплошного праздника послѣ спокойнаго Тоди.

По узкимъ, извилистымъ улицамъ, вдоль которыхъ тянулись портики со сводами, въ дурную погоду защищающіе отъ дождя, а въ жары дающіе прохладу, безпрерывно двигались толпы народа; были тутъ и важные германцы

съ длинными свѣтлыми волосами, пользовавшіеся въ Болоньѣ многими правами и преимуществами; и фламандцы съ голубыми какъ у дѣтей глазами; и тонкіе и гибкіе на видъ, подобно молодымъ дѣвушкамъ, но смѣлые и насмѣшливые французы; и даже темные арабы въ бѣлыхъ покрывалахъ; но всѣ понимали другъ друга, ибо всѣ говорили на латинскомъ нарѣчіи. Тогда еще живъ былъ великій глоссаторъ Аккурціусъ, хотя уже и старъ, такъ что нерѣдко замѣняла его удостоенная докторской мантіи дочь его, столь же прекрасная, сколь и мудрая монна Дота д'Аккорсо, блиставшая среди убѣленныхъ сѣдинами лекторовъ и профессоровъ подобно бѣлой голубкѣ среди стаи сизыхъ орловъ.

Не только ученые, но и купцы изо всѣхъ странъ съѣзжались въ Болонью.

У подножія башни Гаризенды и подъ сводами портиковъ, въ открытыхъ лавкахъ лежали роскошныя ткани, шитыя золотомъ, шелковыя, выдѣлывавшіяся въ Болоньѣ или привозимыя съ востока; стояли чеканные золотые и бронзовые кувшины и хрустальные кубки; манили взоръ сочные плоды и заморскія вина.

Женщины Болоньи были свободны и смѣлы, ибо наравнѣ съ мужчинами имѣли право посѣщать университетъ и присутствовать на теологическихъ и иныхъ диспутахъ. Нѣкоторыя изъ

нихъ изучали даже еврейскій, халдейскій и арабскій языки, и многія заслужили большую славу.

Прибывъ въ Болонью, Якопо не только предался наукѣ, но и кинулся въ бурныя развлеченія юношества; и тому и другому отдавался онъ съ большою страстью, благодаря своему кипучему нраву. Богатый, щедрый, остраго ума, великолѣпно слагающій любовные стихи, не уступающіе канцонамъ Чіулло или императора Федериго, онъ быстро сталъ любимцемъ своихъ товарищей и былъ неоднократно избираемъ ими въ совѣтъ. Онъ усердно твердилъ пандекты и дигесты, вызывая удивленіе профессоровъ блестящими своими дарованіями; писалъ сочиненія и трактаты; изучалъ великихъ классиковъ: Цицерона, Аристотеля, Виргилія, Тита-Ливія и многихъ другихъ. Но это не мѣшало ему принимать участіе во всѣхъ развлеченіяхъ и продѣлкахъ своихъ товарищей.

Забавлялись они тѣмъ, что срывали лѣпныя или деревянныя вывѣски, висѣвшія передъ лавками, и перевѣшивали ихъ; такъ, напримѣръ, они очень обидѣли почтеннаго банкира, м. Оньибене, привѣсивъ ему у входа въ его домъ толстую раскрашенную свиную голову, снятую съ дома колбасника; а достойному канонику Лоренцо придѣлали надъ дверью бочонокъ,

служившій вывѣской трактирщику. По ночамъ бѣгали они веселыми и шумными толпами по улицамъ, и когда разбуженные горожане высовывали изъ оконъ головы въ ночныхъ колпакахъ они пугали ихъ криками: «пожаръ» или «на помощь, убійство!» Тѣмъ же лекторамъ, которыхъ они не любили, устраивали они музыку: мяукали по-кошачьи, лаяли, свистѣли и били въ мѣдные тазы. Были у нихъ продѣлки и не такія невинныя; они цѣловали встрѣчавшихся монахинь, или похищали дѣвицъ изъ-подъ родительскаго крова; кромѣ того, принимали живѣйшее участіе въ раздиравшемъ тогда всю Италію междоусобіи Гвельфовъ съ Гибеллинами, и нерѣдко въ харчевняхъ за пирушкой мѣняли кубки на мечи.

Такъ прожилъ нѣсколько лѣтъ Якопо въ Болоньѣ; наконецъ, сталъ онъ докторомъ; и торжественно, въ красной докторской мантіи, объѣхалъ весь городъ верхомъ, предшествуемый университетскими трубачами, герольдами и музыкантами и сопутствуемый товарищами. Съ балконовъ знакомыя и незнакомыя дамы и дѣвицы бросали ему цвѣты и посылали улыбки; и три дня послѣ этого пировалъ Якопо съ товарищами, и такъ закончилъ свои бурные студенческіе годы.

Вернувшись въ Тоди, Якопо увидѣлъ, что отецъ его очень постарѣлъ и угнетенъ былъ

тѣмъ, что большая часть его богатствъ ушла на долги и расходы не считавшаго золота Якопо.

— Теперь, отецъ, отдыхай, а я буду умножать наше состояніе!— со смѣхомъ сказалъ Якопо, и сдержалъ свое слово.

Весь Тоди гордился молодымъ юрисконсультомъ, какъ бы своимъ собственнымъ ребенкомъ. Такъ онъ былъ образованъ, уменъ, къ тому же красивъ и веселъ, что всѣ охотно шли къ нему и поручали ему свои дѣла и тяжбы. Скоро, когда Якопо прогуливался на площади въ часъ заката, толпа кліентовъ сопровождала его подобно свитѣ. Немного лѣтъ прошло, какъ у него уже былъ свой пышный домъ, и о праздникахъ, дававшихся тамъ, говорилъ весь городъ.

Вздыхала только мать его, видя разсѣянную жизнь свое сына и полное отсутствіе въ немъ благочестія; и часто уговаривала его жениться, надѣясь, что бракъ усмиритъ его. Но Якопо смѣялся и отдѣлывался шутками. То говорилъ онъ:

— Я женюсь, матушка, если вы найдете мнѣ такую невѣсту, чтобы у нея были: глаза флорентинки, волосы венеціанки, ручка веронки, походка испанки, бедра фламандки, зубы неополитанки, станъ гречанки, покорность славянки, умъ француженки и гордость римлянки; на меньшемъ я не помирюсь!

То увѣрялъ:

— Хорошая жена и дурная одинаково просятъ палки!— и не хотѣлъ и думать о женитьбѣ, хотя часто искалъ общества прекрасныхъ дамъ и развлекалъ ихъ игрой на лютнѣ и нѣжными пѣснями, такъ что не одинъ супругъ съ тревогой замѣчалъ, какъ жена его бросаетъ слишкомъ умильные взоры на молодого доктора правъ.

Но разъ, возвращаясь съ пирушки раннимъ утромъ и проѣзжая мимо церкви св. Фортунато, мессеръ Якопо увидѣлъ молодую дѣвицу, монну Ванну, дочь мессера Бернардино ди Квидонэ, графа Кольдимецца. Воспаленные и усталые глаза мессера Якопо остановились на чистой красотѣ монны Ванны, какъ на небесномъ видѣніи; онъ спрыгнулъ съ коня, привязалъ его къ дереву и вошелъ въ церковь, чего не дѣлалъ почти съ дѣтства; но въ церкви онъ не молился, а только смотрѣлъ на монну Ванну, и такъ сталъ у чаши со святой водой, чтобы подать ей воды; и когда дотронулся до ея прекрасныхъ тонкихъ пальцевъ, то весь задрожалъ такъ, что даже монна Ванна замѣтила это и подняла на него глаза, смущенная; увидѣвши же пылающій взоръ Якопо, еще больше смутилась, покраснѣла и поспѣшно покинула церковь.

Якопо же узналъ, кто она, пришелъ къ матери и сказалъ:

— Матушка, я пересталъ смѣяться надъ женитьбой: высватай мнѣ графиню Ванну ди Кольдимецца, и тогда можешь готовиться къ свадьбѣ.

Благородна была монна Ванна кровью, но еще болѣе благородна прелестью; дѣвственна тѣломъ, но еще чище душою; богата красотой, но еще богаче чудесной скромностью.

Отецъ ея не повторялъ, подобно многимъ своимъ согражданамъ: «Храни насъ Боже отъ ослицы ревущей и отъ дочки, разумѣющей по-латыни», но, наоборотъ, далъ ей прекрасное образованіе; и мудростью монна Ванна могла поспорить съ любымъ докторомъ философіи, но невинностью можно было ее сравнить съ пасхальнымъ барашкомъ.

Мать монны Ванны, графиня Катарина, воспитала дочь свою въ духѣ чистаго христіанства. Она не только имѣла счастье лицезрѣть святую Клару при жизни ея, но даже пользовалась ея поученіями, и сама принадлежала къ третьему ордену миноритовъ: это были всѣ тѣ, кто, не вступая въ монашество и оставаясь въ мірѣ, по мѣрѣ силъ своихъ служили тремъ великимъ францисканскимъ добродѣтелямъ: Бѣдности, Смиренію и Чистотѣ. Графиня Катарина знала, что труднѣе сохранить эти добродѣтели въ міру, чѣмъ укрывшись въ тихихъ стѣнахъ монастыря. И хотя она оставалась покорною женой своему

супругу и господину, и жила во дворцѣ и одѣвалась, какъ подобало ея высокому положенію, но питалась скромнѣе любой своей служанки, и часть ночи всегда проводила въ бдѣніи и молитвѣ; ни одинъ просящій не уходилъ отъ нея съ пустыми руками, и никогда никто не слышалъ отъ нея рѣзкаго слова или крика, и несправедливой нападки. Такою же кроткой выростала монна Ванна, и нѣжный голосъ ея врачевалъ душу, а глядя ей въ глаза, хотѣлось сложить руки въ благоговѣйной молитвѣ.

Мессеру Якопо, когда онъ увидѣлъ ее, показалось, что такою должна была быть златокудрая Изольда, царская дочь, въ день, когда впервые склонилась надъ Тристаномъ, чтобы перевязать его раны; или Джиневра королева, когда Ланчелотъ преклонилъ передъ нею колѣни въ Камалотскомъ дворцѣ, провозгласивъ ее своей дамой; такой царственной прелести полна была монна Ванна.

Ростомъ она была высока, станъ же имѣла тонкій и гибкій. Волосы ея отъ природы обладали тѣмъ цвѣтомъ, котораго добивались другія дамы съ помощью разныхъ втираній и жидкостей и сидѣнья часами подъ палящими лучами солнца. Особенно прекрасны были ея руки, тонкія, съ длинными нѣжными пальцами, чуть розовѣющими на концахъ; глядя на нихъ,

мысленно называлъ ее Якопо розоперстою зарею.

Словомъ, не только въ Тоди, но и во всей Умбріи и во всей Италіи трудно было бы найти дѣвицу красивѣе и достойнѣе молодой графини ди Кольдимецца.

Когда родители монны Ванны сообщили ей, что Якопо Бенедетти проситъ ея руки и что бракъ этотъ вполнѣ угоденъ имъ, то сердце ея сперва наполнилось смущеніемъ и страхомъ. Ранѣе часто мечтала она о блаженной судьбѣ св. Клары. Въ тишинѣ своей дѣвической свѣтлицы, вышивая шелками и золотомъ изображенія святыхъ, и читая разсказы Григорія Турскаго о чудесахъ мучениковъ, или житіе человѣка Божія Алексѣя, или любимую свою исторію о красавицѣ Урсулѣ, дочери британскаго короля, промѣнявшей земную любовь и царскую корону на любовь небесную и мученическій вѣнецъ — она задумывалась, и чудесныя видѣнія проходили передъ ея глазами; а когда окликнутъ ее — она не слыхала, и потомъ точно возвращалась на землю снова, побывавши въ надзвѣздныхъ краяхъ.

Но когда она увидала темнокудраго Якопо и узнала въ немъ того, кто смутилъ ее въ церкви св. Фортунато, и взглянула въ его огненные глаза, и услыхала его живую рѣчь—сердце ея

забилось предчувствіемъ любви и горя, и она безропотно приняла отъ судьбы новое чувство, открывшееся ей.

Когда же по ночамъ Якопо становился неподалеку отъ ея окна и, играя на десятиструнной арфѣ, пѣлъ канцонетты, сложенныя въ честь ея, то ей было и жутко, и сладостно, и вмѣстѣ съ теплымъ вѣтеркомъ, обвѣвающимъ ея щеки и сыплющимъ на нее бѣлые померанцевые лепестки, проникало къ ней въ душу невѣдомое и знойное вѣяніе; и охватывалъ ее такой трепетъ, и такъ замирала она, какъ когда въ дѣтствѣ качаясь съ подругами на качеляхъ, летѣла внизъ съ высоты и, казалось, вотъ-вотъ упадетъ.

Свадьбу отпраздновали съ необыкновенной пышностью.

Долго отъ Тоди до Сполето всѣ говорили о торжествахъ, устроенныхъ старымъ Бенедетти.

Двѣ недѣли продолжались свадебныя празднества.

Въ саду Бенедетти били фонтаны изъ вина, мельничные жернова, въ устроенныхъ нарочно мельницахъ съ золотыми крыльями, размалывали благовонныя травы. На вертелахъ жарились туши телятъ и ягнятъ. Выписаны были музыканты, плясуны по канату, люди, которые глотали на глазахъ у всѣхъ огонь и отточенные мечи. Все это было для увеселенія простонародья.

Въ самомъ домѣ переходили отъ пировъ къ танцамъ и пѣнію; когда раздавался второй звонъ о тушеніи огней, то почти всѣ оставались ночевать въ домѣ, чтобы не расходиться.

За трапезами каждый изъ пирующихъ получалъ на свою долю или цѣлаго каплуна, или телячью ногу, или четверть дикой козы, и много всякой птицы, на серебряномъ вызолоченномъ блюдѣ, которое потомъ могъ унести съ собою.

Въ большихъ тазахъ приносили между каждымъ кушаньемъ розовую воду, чтобы омывать руки, и полотенца тончайшаго фламандскаго полотна. Многія кушанья—телячьи головки, молодые молочные кабанчики, пироги—были искусно вызолочены и высеребрены; павлины подавались какъ бы живые, роскошно распустившіе хвосты свои въ видѣ опахалъ, а также лебеди, красиво изогнувшіе бѣлыя шейки; были и цѣлые барашки съ золотыми рогами, покрытые бѣлой, какъ снѣгъ, шкуркой, и украшенные цвѣтами; молочные поросята и голуби, и цыплята, облитые розовой водой и вареные съ шалфеемъ и сахаромъ, и всякія рыбы, и артишоки, и плоды, айва, свѣжая корица, всевозможныя печенія изъ миндаля, меду и тонкой муки. Всего перемѣнъ по пятнадцати; и между каждымъ блюдомъ были пѣсни и музыка, а потомъ входили слуги и вносили новое блюдо,

а передъ нимъ несли золотую клѣтку и въ ней живыхъ животныхъ, или птицъ, и овощи того же рода, какого подавалось кушанье: чтобы всякій зналъ, что онъ будетъ ѣсть. Между перемѣнами буффоны выдѣлывали разные прыжки и головоломныя упражненія; или же разсказывали такія смѣшныя исторіи, что многіе, даже почтенные старики не могли ѣсть и держались за бока и наклонялись взадъ и впередъ, и отъ смѣха у нихъ текли изъ глазъ крупныя слезы.

На всей свадьбѣ тиха и скромна была только молодая, по своей застѣнчивости. Мессеръ Якопо не сводилъ съ нея глазъ, и даже пошелъ противъ обычая. Когда молодыхъ отводили въ первую ночь въ ихъ домъ, то молодежь Тоди устроила имъ серраліо, то-есть протянула поперекъ улицы гирлянду изъ цвѣтовъ и потребовала выкупа. Послѣ выкупа надлежало, чтобы самый красивый юноша сказалъ бы новобрачной стихи и подъ руку довелъ бы ее до порога. Но когда мессеръ Арриго вознамѣрился сдѣлать это, то Якопо оттолкнулъ его и воскликнулъ:

— Никто, кромѣ меня, съ моей женой не пойдетъ!

Это вызвало большое раздраженіе, и уже схватился кое-кто за мечъ; и только ангельскій голосъ монны Ванны, попросившей ради ея

свадьбы не начинать ссоры, обезоружилъ молодежь, и ихъ пропустили; но многіе затаили надолго вражду противъ гордаго Якопо.

Якопо осыпалъ свою молодую жену подарками. Свадебный ларецъ, подаренный имъ, былъ великолѣпной работы, изъ санталоваго дерева, украшенный золотой рѣзьбой, слоновой костью и живописью. Только почтенныя дамы неодобрительно покачивали головами, что изображено тамъ было не Благовѣщеніе или Рожденіе Св. Дѣвы, какъ это было принято, а исторія прекрасныхъ грѣшницъ древности: Елены, Медеи и Клеопатры.

Но содержимое ларца заставляло ихъ забыть о языческой живописи на немъ. Были тамъ роскошныя одежды, полосатыя и затканныя цвѣтами, и тонкая тафта, и бархатъ, и багряница, и шерстяныя ткани изъ Кана и Ипра, и нѣжныя багдадскія, съ золотою нитью, прорѣзающей ихъ, какъ лучи солнца прорѣзаютъ морскую волну, и венеціанскій самитъ, и мѣха съ далекаго сѣвера, и надушенныя перчатки, и ожерелья, и пояса, и застежки, и все, чего бы могла пожелать молодая прекрасная женщина для украшенія своего тѣла и для удовольствія своихъ глазъ.

Первое время послѣ свадьбы Якопо не отходилъ отъ монны Ванны. Онъ заперся отъ всѣхъ

и часами лежалъ на коврѣ у ея ногъ, положивъ голову къ ней въ колѣни. То пѣлъ ей пѣсни, то цѣловалъ подолъ ея платья и плакалъ, говоря, что это онъ плачетъ отъ счастья.

Самъ онъ наряжалъ ее, заплеталъ и расплеталъ ея косы и перевивалъ ихъ жемчужными нитями и бирюзой и изумрудами, смотря, что лу[illegible]ше.

Иногда же онъ складывалъ руки, колѣнопреклоненно молился ей, какъ молятся Мадоннѣ, говоря ей, что она Мадонна Красоты; и пугалъ ее тѣмъ, что сравнивалъ ея земную прелесть съ красотою Пречистой Дѣвы и заставлялъ ее сразу и дрожать отъ страха, чтобы Господь не покаралъ его за богохульство, и ощущать жгучій восторгъ при мысли о силѣ любви его.

Но, какъ бурный потокъ, стремящійся съ горъ весною, лѣтомъ пересыхаетъ и медленно и тихо катитъ лѣнивыя струи, такъ и страсть Якопо, когда́ минула весна ея, успокоилась; и сталъ онъ прежнимъ Якопо.

Понемногу возвратился онъ къ прежней жизни: сталъ опять заниматься своими дѣлами, работалъ со своими клерками, и снова окружилъ себя товарищами, которые давно уже съ усмѣшкой кивали на его запертыя двери.

Днемъ онъ часто уходилъ по дѣламъ, или же къ нему являлись люди, и замкнувшись въ сво-

емъ рабочемъ покоѣ, онъ часами говорилъ съ ними; по вечерамъ же онъ началъ посѣщать снова веселыя пирушки своихъ товарищей, говоря, что человѣкъ безъ друзей — все равно, что замокъ безъ стѣнъ.

Такимъ образомъ онъ началъ часто оставлять въ одиночествѣ молодую жену свою, что не мѣшало ему любить ее и гордиться ея красотой.

Монна Ванна въ первые мѣсяцы послѣ ихъ свадьбы, какъ бы обвѣянная и согнутая вихремъ страсти Якопо, забыла весь міръ и всецѣло предалась новой для нея наукѣ, сладкой и мучительной наукѣ любви, и жила какъ бы въ чаду или въ волшебномъ туманѣ, подобно туманамъ феи Морганы закрывавшемъ отъ нея міръ и превращавшемъ его въ зачарованный садъ.

Но когда монна Ванна осталась одна и могла начать думать, она устыдилась, что, подобно язычницѣ, все это время предавалась земной любви. И чувствовала она, что изъ-за супруга своего сама совершала великій грѣхъ, отдалившись отъ молитвъ и богослуженій и святыхъ книгъ.

Поэтому охлажденіе супруга приняла она, какъ должное, и тоже вернулась къ прежнимъ своимъ занятіямъ; и только иногда закрывала лицо руками и сжимала сердце, чтобы отгонять видѣнія недавняго прошлаго.

Мало-по-малу монна Ванна стала привыкать къ своей новой жизни. Дѣла было у нея много, хотя Богъ и не далъ ей познать сладкой радости материнства.

Но домъ Якопо Бенедетти былъ великъ и слугъ много, и отъ житницы до погреба все было подъ ея наблюденіемъ. Кромѣ того, мессеръ Якопо нерѣдко устраивалъ пиршества для своихъ друзей и людей, съ которыми имѣлъ дѣла, а также онъ требовалъ, чтобы монна Ванна присутствовала на всѣхъ торжествахъ и празднествахъ въ городѣ и была одѣта, какъ королева.

Когда городской совѣтъ издавалъ какіе-нибудь законы для прекращенія неразумной роскоши женскихъ одеждъ, мессеръ Якопо только смѣялся и говорилъ:

— Припусти еще нѣсколько локтей къ длинѣ твоей юбки и надѣнь лишнюю нить жемчуговъ: не будь я Якопо Бенедетти, если они заставятъ меня изъ страха денежной пени повиноваться ихъ законамъ.

И приносилъ ей постоянно новыя драгоцѣнности.

Но несмотря на его частые подарки и баловство, чѣмъ дальше жила со своимъ супругомъ монна Ванна, тѣмъ тяжелѣе становилось у нея на сердцѣ. Уменъ и красивъ былъ ея супругъ: умнѣе и красивѣе всѣхъ въ городѣ Тоди, такъ

ей казалось; Господь создалъ его въ минуту милости своей. Но онъ далекъ былъ отъ того, чтобы исполнять волю Божію. Благочестія онъ чуждался; вмѣсто твореній святыхъ отцовъ и учителей церкви читалъ онъ языческія книги, и въ нихъ черпалъ свою мудрость. Отъ приходившихъ къ нему требовалъ онъ денегъ, и если имѣли что дать ему, то не смотрѣлъ, справедливо ли дѣло его или нѣтъ, а если не имѣли, то не приказывалъ пускать къ себѣ на глаза. Онъ служилъ сильнымъ и богатымъ, притѣсняя бѣдныхъ ради ихъ выгоды. Все это знала монна Ванна, и не разъ долетали до ея слуха упреки и тяжкія обвиненія мессеру Якопо. Такъ, разъ, когда она шла къ обѣднѣ, какая-то простая женщина указала на нее и воскликнула:

— Видите эти алмазы на ея шеѣ? Это-слезы моихъ разоренныхъ дѣтей!

Какъ отъ удара кинжаломъ въ сердце пошатнулась монна Ванна и вся блѣдная вернулась домой, и тамъ на колѣняхъ начала умолять супруга бросить неправедныя дѣла. Но онъ грозно оттолкнулъ ее, крикнувъ:

— Видно правда, что хорошая жена такъ же проситъ палки, какъ дурная!

И, хлопнувъ дверью, ушелъ изъ дома и не вернулся всю ночь.

Самому ему стало стыдно и жаль, когда на

другой день увидѣлъ онъ, какъ измучена и встревожена была монна Ванна; и онъ подарилъ ей въ знакъ примиренія драгоцѣнный перстень съ двумя пылающими рубинами, но при этомъ прибавилъ, чтобы она помнила свое женское дѣло и никогда не заговаривала съ нимъ о томъ, чего ей знать не надлежитъ.

— Помни,— сказалъ онъ ей,— мужская воля— это все равно, что сильный пахарь. Онъ терпитъ холодъ и жару, обливаясь потомъ. Гнется надъ своимъ ярмомъ, но ничто не помѣшаетъ ему вспахать свою полосу, ничто не заставитъ его бросить плугъ, пока поле не воздѣлано. Неужели ты думаешь, что его можетъ остановить нѣжный цвѣтокъ, попавшійся въ полѣ? Женщина — это прекрасный и слабый цвѣтокъ, который можетъ украсить нашу жизнь, но не больше.

Послѣ этого монна Ванна не рѣшалась больше говорить съ нимъ о его дѣлахъ. Но она не любила перстня, который онъ подарилъ ей, и рубины эти представлялись ей двумя капельками крови.

Мессеръ Якопо продолжалъ заботливо собирать богатства и дозволенныхъ вещей было ему мало. Хотя онъ наживалъ золото не для того, чтобы прятать его, какъ скупецъ въ подвалы, но и не для дѣлъ милосердія, а для тлѣнныхъ забавъ и наслажденій. Хорошія лошади, охота съ соколами, драгоцѣнные кубки, полные старымъ

виномъ, игра въ кости, открытый веселью домъ и красавица жена, нарядамъ которой завидовали всѣ женщины города — вотъ что нужно было Якопо.

А что за спиной называли его нечестивымъ, алчнымъ, гордецомъ—надъ этимъ онъ только смѣялся; и какъ ему иногда приходилось спорить съ собственной совѣстью—на это онъ старался закрывать глаза. Зато слава его росла и доходила до папскаго и королевскаго дворовъ. И если бѣдные втихомолку не произносили его имени иначе, какъ съ ненавистью, то что изъ этого? Бѣдняковъ никто не слышалъ, что они тамъ ворчали, какъ псы въ своихъ жалкихъ землянкахъ; зато у сильныхъ міра сего былъ Якопо — желанный гость.

Монна Ванна, памятуя, что первый долгъ жены — повиноваться мужу, научилась молчать и таить свои чувства. Подобно тому, какъ иныя скрываютъ свою суетность и гордость подъ личиной набожнаго смиренія, такъ она свою небесную скромность прятала подъ выраженіемъ спокойнаго величія.

И многіе считали ее такой же надменной и гордой, какъ ея супруга, хотя и восхищались ея красотой. Но никто не зналъ, что все, что могла, она тайно раздавала бѣднымъ, а многіе часы ночью, пока не приходилъ Якопо, что часто

случалось уже на разсвѣтѣ, молилась, стоя на колѣняхъ на каменномъ полу; и лишь заслышавъ шаги Якопо, ложилась, вся дрожащая, подъ горностаевое одѣяло и дѣлала видъ, что спитъ, прося у Бога прощенія за свою невинную ложь, ибо знала, что Якопо будетъ смѣяться или гнѣваться, узнавъ объ этомъ.

Въ одинъ день праздновалась въ Тоди свадьба сына подесты, бывшаго другомъ мессера Якопо. Городъ, чтобы почтить своего подесту, рѣшилъ устроить по этому случаю публичныя игры.

— Смотри же, будь прекраснѣе всѣхъ!— сказалъ мессеръ Якопо своей супругѣ.

И дѣйствительно, какъ луна затмѣваетъ своимъ сіяніемъ самыя яркія звѣзды, такъ монна Ванна затмила своей красотою всѣхъ дамъ города. На ней была одежда изъ венеціанскаго серебрянаго самита, затканнаго цвѣтами бѣлыхъ лилій съ золотыми тычинками, и на каждой лиліи, какъ капля росы, или трепетала матовая жемчужина или мерцалъ алмазъ. На рукавѣ ея, какъ принято было у благородныхъ дамъ, вышитъ былъ девизъ: «Castitas — ornamentum meum», что означало: «чистота — украшеніе мое». Съ головы ея спускалось тончайшее прозрачное покрывало, окутывавшее ее подобно тому, какъ утренній серебристый туманъ обнимаетъ уже

розовѣющія вершины горъ. Золотой обручъ придерживалъ его, а изъ-подъ покрывала виднѣлись бѣлые цвѣты жасмина, увѣнчивавшіе прекрасную гордую головку. Тонкій станъ монны Ванны, казалось, сгибался подъ тяжестью безчисленныхъ украшеній изъ жемчуговъ и алмазовъ, какъ гнутся весною вѣтви апельсинныхъ деревьевъ, слишкомъ отягощенныя бѣлымъ цвѣтомъ своимъ. И когда, подобно бѣлой лебеди, плывущей по тихому озеру, легкой и плавной походкой своей шла она по устланной коврами площади объ руку съ мессеромъ Якопо, взоры всѣхъ обращались на нее; юноши слѣдили за ней съ восторгомъ, женщины—съ завистью, но всѣ знали, что монна Джіованна Бенедетти такъ же прекрасна, какъ и недоступна.

Сіяя царственною прелестью, прошла она на приготовленныя для знатнѣйшихъ дамъ города трибуны. Супругъ довелъ ее и вернулся внизъ. Тамъ онъ со своими товарищами бродилъ, обмѣниваясь съ ними веселыми разговорами и шутками. Говорили они о томъ, что въ таверну стараго Чекко привезли такое вино изъ Греціи, что кто его выпьетъ больше кувшина, того невидимая сила прикуетъ къ сидѣнью и встать онъ уже не можетъ. И о томъ, что красавица куртизанка Нина сочиняетъ латинскіе стихи не хуже любого клерка, и на-дняхъ написала трактатъ

«О добродѣтеляхъ». И о томъ, что на послѣднемъ конскомъ ристалищѣ побѣдила лошадь прихода св. Георгія. И о многомъ другомъ. А тѣмъ временемъ онъ прислушивался, какъ кругомъ раздавались похвалы его супругѣ. Говорили, что она превзошла красотою невѣсту; и называли ее жемчужиной Тоди; и восхищались ея прелестью и роскошью наряда, и драгоцѣнностями, которымъ не было равныхъ въ Тоди. Когда же мессеръ Якопо взглядывалъ наверхъ, на трибуну, гдѣ подобно цвѣтнику красовались прекрасныя дамы города, и видѣлъ среди нихъ улыбавшуюся ему монну Ванну, то невыразимая гордость, что она принадлежитъ ему, переполняла его сердце.

Въ этотъ день мессеръ Якопо былъ наверху удачи. Онъ выигралъ тяжбу одного знатнаго Гибеллина противъ племянника самого папы и зналъ, что это — ступень къ возвышенію, даже къ власти; и въ головѣ его носились честолюбивыя мысли о томъ, какъ онъ покинетъ Тоди, какъ при королевскомъ дворѣ будетъ блистать его красавица-жена. И онъ полонъ былъ радости, и веселило его ярко-синее, какъ чаша изъ лазурита, небо, и протянутые черезъ улицы пестрые ковры и гирлянды цвѣтовъ. Съ удовольствіемъ прислушивался онъ къ веселому смѣху и говору нарядно одѣтыхъ горожанъ и къ го

юсамъ продающихъ плоды, опахала, святыя
ѣтки изъ Іерусалима и цвѣты, и къ пѣснямъ
уличныхъ пѣвцовъ. Веселило его и состязаніе
ъ силѣ и ловкости лучшихъ юношей города.
И думалъ онъ, что хотя далеко не юноша, но
ъ любымъ изъ нихъ могъ бы поспорить въ до-
лести.

Въ то время какъ онъ, со всѣми другими, смо-
рѣлъ на арену, гдѣ сплетались въ тѣсныхъ объя-
іяхъ какъ бы изъ бронзы вылитыя тѣла бор-
овъ,—вдругъ раздался оглушительный трескъ
стоустый вопль, и на мгновеніе все стихло,
всѣ какъ бы окаменѣли, не зная, что случи-
ось. Потомъ поняли, что это обвалилась часть
рибуны, устроенная въ видѣ выступа, и увле-
ла въ своемъ паденіи сидѣвшую тамъ женщину
погребла ее подъ своими обломками. Ничего
е было видно, только облачко бѣлой известко-
ой пыли стояло въ воздухѣ.

Якопо взглянулъ наверхъ и среди смятенныхъ
плачущихъ женщинъ сразу не увидѣлъ одной.
той одной была монна Ванна.

Какъ раненый звѣрь, съ нечеловѣческимъ
рикомъ бросился онъ впередъ, расталкивая
олпу; и дѣйствительно, подъ обломками ба-
окъ, известковыхъ лѣпныхъ украшеній и зе-
еныхъ вѣтокъ лежала монна Ванна; кровь
руилась по ея золотымъ волосамъ, заливала

серебро парчи, и бѣлыя лиліи стали алыми в
многихъ мѣстахъ.

Мессеръ Якопо молча кинулся къ своей женѣ
Изъ смятенной толпы уже выдѣлились бывшi
тамъ врачи, одинъ самый знаменитый въ Тоди –
Іеронимусъ, учившійся у арабскихъ мировт
Но онъ едва взглянулъ на нее, какъ тихо при
казалъ вызвать ея духовника. Все же онъ в
лѣлъ разстегнуть и освободить одежды раненоi
чтобы осмотрѣть ее.

Но она погасающимъ взоромъ смотрѣла н
своего супруга, словно моля его о чемъ-то,
старалась слабѣющими пальцами воспрепя
ствовать ему разстегнуть ея одежду. Якопо ж
думая, что причиною этого только женска
стыдливость, не понималъ ея нѣмой мольбы
дрожащими руками разрывалъ завязки и з
стежки, но не могъ ничего сдѣлать отъ волн
нія, и наконецъ разрѣзалъ ея одежду кинж
ломъ. Но когда поддалась плотная кован
парча, вмѣсто тонкой нижней одежды увида
онъ на нѣжномъ тѣлѣ своей молодой жены
грубую власяницу кающейся, въ кровь разд
равшую ея грудь; тонкій же станъ ея бы
сдавленъ желѣзнымъ обручемъ такъ, что багр
вая полоса перерѣзала его.

— Во имя Бога, Джіованна! Что это? —
ужасомъ воскликнулъ мессеръ Якопо, хват
руки жены.

— За тебя... за тебя! — едва прошептала монна Ванна, съ невыразимой тоской и любовью взглянувши на своего супруга; и съ этими словами чистая душа ея отлетѣла туда, гдѣ уже давно ждали ее святые ангелы, пѣсни и улыбки безсмертныхъ духовъ.

Когда покойницу перенесли въ пышный домъ Якопо Бенедетти, то онъ остался съ нею одинъ на всю ночь.

И сперва былъ онъ подобенъ слѣпому, кричащему на дорогѣ и не находящему ни откуда помощи, и падающему во мракѣ.

Но потомъ мысли вернулись къ нему, и при свѣтѣ факеловъ глядѣлъ онъ на прекрасную жену свою лежащую подобно изваянію, и спрашивалъ себя:

— Къ чему же существуетъ міръ, и кипитъ, и борется подъ знаменемъ земной славы, если счастье ея такъ тлѣнно? Падаетъ ея величіе, подобно тому, какъ разбивается глиняный сосудъ. Можно ли вѣрить лжи земного міра? Это все равно, что вѣрить письменамъ, начертаннымъ на льду. Короткій праздникъ, радость его проходитъ, какъ тѣнь человѣка. Вотъ она, блѣдная смерть, мрачная, обезображивающая! Тѣло, бывшее такимъ нѣжно прекраснымъ, теперь добыча червей. Гдѣ же глаза, смотрѣвшіе такъ ясно?

Гдѣ лобзанія румяныхъ устъ?.. Гдѣ объятія сильныхъ и стройныхъ рукъ? Ни голоса, ни звука, и кто остался при ней? Вотъ, уже измѣняется любовь къ ней — въ страхъ, и близкіе должны удалить ее изъ своего дома, и дать ей могилу въ жилище. О, земля! Не гордись собою! Горсть праха, не прославляйся! Человѣкъ, червь земляной, ты долженъ умереть. Почему было думать, что эта чаша минетъ меня? Гдѣ Соломонъ во всей славѣ его? Гдѣ непобѣдимый Самсонъ? Куда ушелъ Цезарь, спустившись съ высотъ своего величія, и неправедный богачъ, окончивъ свой пиръ? Однодневная трава должна увянуть. Какъ гордо въ блескѣ и славѣ поднималъ я свою голову? И вотъ лежу, уничтоженный, во прахѣ... Что же можно назвать своимъ, когда все обречено на погибель? Вотъ передо мною — неподвижная вещь, горсть праха... Капля росы! Небытіе!.. Зачѣмъ же жить, когда не знаешь — не умрешь ли завтра?

Такъ вопрошалъ ночную тьму Якопо, глядя на блѣдный ликъ монны Ванны и на власяницу которой не велѣлъ снимать съ нея.

И хотѣлъ онъ быть мертвымъ, потому что понималъ теперь, какъ плохо жилъ. И понималъ какое терзаніе доставлялъ своей нѣжной подругѣ; и начиналъ то съ сухими глазами прядать, какъ левъ, по компатѣ, и мысли вилис

у него въ головѣ подобно разорваннымъ тучамъ и сухимъ листьямъ во время бури; то кидался къ ногамъ монны Ванны, цѣлуя ея мраморныя руки, обливая ихъ слезами и умоляя ее встать, причемъ говорилъ съ ней какъ съ живой, и давалъ ей клятвы измѣнить свою жизнь и примириться съ Богомъ. И такъ рыдалъ и рычалъ, какъ раненый звѣрь, что слуги, не спавшіе, за дверью крестились и дрожали отъ ужаса, думая, что господинъ ихъ сойдетъ съ ума.

Потомъ онъ падалъ, безгласный, на полъ и лежалъ подобно мертвому тѣлу, въ душѣ умоляя смерть взять его. Но вдругъ вскочилъ и воскликнулъ:

— *Не стою я смерти, ибо плохо жилъ!*

И вотъ пришло къ нему откровеніе. И рѣшилъ онъ въ мысляхъ своихъ, что недостоинъ онъ смерти, но долженъ отречься и отъ земной жизни. И сколько бы ему ни пришлось еще остаться въ земной юдоли — не знать ни одной радости земной. Заслужить славу безумца; общее презрѣніе, отречься отъ самого себя.

— Не даромъ же ты за меня молилась, Джіованна! — сказалъ онъ своей супругѣ, и при колеблющемся свѣтѣ факеловъ показалось ему, будто дрогнули и улыбнулись нѣмыя уста.

Никто не зналъ, что было съ Якопо въ эту ночь; но только, кто увидѣлъ его наутро—

изумился, ибо Господь отмѣтилъ его своимъ знаменіемъ: вошелъ мессеръ Якопо въ домъ свой темнокудрымъ и стройнымъ мужемъ, въ расцвѣтѣ силъ, вышелъ же оттуда сѣдымъ и согбеннымъ старцемъ.

Послѣ похоронъ монны Ванны мессеръ Якопо въ одинъ день продалъ свой домъ и все свое имущество и роздалъ деньги бѣднымъ, чтобы каждый бралъ, сколько хотѣлъ.

И покинулъ онъ своихъ родителей, родныхъ и друзей, покинулъ навсегда веселое общество прекрасныхъ дамъ и дѣвицъ со всѣми ихъ ухищреніями и смертоносными стрѣлами; покинулъ звуки музыки и пѣсни; покинулъ флорины, дукаты, карлины и генуэзскіе червонцы,—которые собиралъ когда-то съ такимъ рвеніемъ, — какъ нестоящій товаръ. Покинулъ также Сократа, Платона, чудесныя искусства, тайны которыхъ постигъ Аристотель, старыя книги, которыя такъ любилъ, и рубрики Цицерона, мелодія коихъ была столь сладостна ему. Бросилъ и свои пышныя одежды, и обнажилъ тѣло, какъ обнажилъ душу, ничего не оставивъ себѣ, кромѣ желанія испытать свои силы въ борьбѣ мощной и суровой, ринуться въ великую битву съ самимъ собою, на великій трудъ побѣды надъ жизнью и смертью.

И скрылся онъ въ лѣсахъ и жилъ тамъ десять лѣтъ. Полунагой, едва прикрытый лохмотьями, питался кореньями и древесной корою, спалъ въ норѣ, вырытой своими руками. Терпѣлъ стужу, голодъ, болѣзни. Иногда же нарочно показывался въ Тоди, гдѣ толпы жестокихъ дѣтей бѣжали за нимъ, и дразнили его, и кидали въ него камнями со свистомъ и воемъ, а взрослые, бывшіе нѣкогда его друзьями, указывали на него пальцемъ и, кто съ жалостью, а кто съ насмѣшкой, говорили: «вотъ безумный Якоплоне!»

И не зналъ, что бы ему еще сдѣлать, чтобы больше заслужить насмѣшекъ и презрѣнія.

И хотѣлъ покорно переносить всѣ лишенія этой жизни, всю тоску, всѣ муки, всѣ страданія, которыя только можно выразить словомъ или постигнуть мыслью. И также хотѣлось ему, чтобы по смерти его демоны схватили бы его душу и унесли въ мѣсто пытокъ, и тамъ чтобы вынести ему всѣ муки ада, взять на себя страданія всѣхъ грѣшниковъ. И было бы для него великимъ утѣшеніемъ, если бы всѣ они вернулись въ обитель рая, но даже не знали бы, что этимъ обязаны ему: такъ велико было его презрѣніе къ себѣ.

Съ этими мыслями жилъ онъ въ лѣсахъ, рыдалъ и бичевалъ себя; скитался, гонимый всѣми

встрѣчавшими его, боявшимися его, точно ди-
каго звѣря; онъ же радовался, что вызываетъ
ужасъ и отвращеніе, и благословлялъ страда-
нія; и носилъ онъ два щита, съ которыми не
боялся никакой раны. Первый щитъ, твердый
какъ брилліантъ, была его ненависть къ самому
себѣ; второй, пылающій какъ гранатъ, была его
любовь къ памяти монны Ванны, зовущая его
къ Богу.

Десять лѣтъ прожилъ онъ такъ, и въ концѣ
этого времени Богъ сжалился надъ нимъ. Онъ
укротилъ его муки, претворивъ истерзавшее его
раскаяніе въ великій даръ слагать пѣсни.

Въ этихъ пѣсняхъ то, какъ звонъ набата,
бичевалъ онъ пороки, отъ которыхъ такъ стра-
дала за него его кротчайшая лилія; то, какъ
струны арфы, славилъ Христа и Мадонну, ко-
торыхъ любила она такой нѣжной любовью.
И до сихъ поръ еще въ храмахъ повторяютъ
сладкозвучнѣйшую пѣснь его «Stabat Mater
dolorosa», о томъ, какъ Матерь скорбная стояла
у Пречистаго Креста.

И сталъ Якопоне изъ Тоди считаться вели-
чайшимъ поэтомъ не только Умбріи и Тосканы,
но и всей Италіи, колоколомъ, звенящимъ во
славу божественной любви. Но обличенія его
навлекли на него гнѣвъ папы Бонифація, ибо папа
не любилъ правды, и Якопоне ввергли въ темницу.

Въ полномъ мракѣ, прикованный короткой цѣпью къ каменной стѣнѣ, томился престарѣлый Якопо, какъ левъ, въ плѣну; но и изъ-за тюремной рѣшетки раздавались по Италіи его пѣсни, и, слушая ихъ, краснѣли отъ стыда и гнѣва недостойные служители церкви, торгующіе именемъ Божьимъ, и исполнялись великаго огня чистыя души послѣдователей правды.

Послѣ смерти папы Бонифація Якопоне вышелъ изъ темницы больной, умирающій, но окрѣпшій духомъ. Послѣдніе дни своей земной жизни провелъ онъ въ обители францискан-скихъ братій.

Въ рождественскую ночь, какъ-разъ въ то время, когда рядомъ въ церкви начиналась рождественская месса и пѣли «Gloria in Excelsis» — глазамъ Якопо, лежавшаго въ одиночествѣ своей келіи на одрѣ болѣзни, представилась сіяющая лѣстница.

Лѣстница эта, вся изъ золота и хрусталя, вела въ небеса; цвѣтущія вѣтви пальмъ, лавровъ и миртъ украшали ее, и стройными рядами высились вдоль ея сторонъ бѣлыя лиліи. На каждой ступени лѣстницы возсѣдали всѣ добродѣтели: Чистота и Справедливость, и дама сердца св. Франциска, святая Нищета, и Смиреніе, и всѣ, малыя и великія; на самомъ же верху, передъ

лазоревой завѣсой, изъ-за которой струился ослѣпительный свѣтъ, стояла Любовь, съ пламеннымъ мечомъ въ рукѣ, увѣнчанная короной.

А рядомъ съ нею увидѣлъ Якопоне прекрасную, въ бѣломъ одѣяніи, съ жемчугами въ золотыхъ, какъ лучи заходящаго солнца, волосахъ, небесную свою лилію, монну Ванну, которая съ лучезарной улыбкой на устахъ звала его къ себѣ. Онъ простеръ къ ней руки, — и умеръ также съ блаженною улыбкой: ибо искупилъ свои грѣхи и заслужилъ соединеніе съ той, которая ждала его въ небесахъ.

Правдивая исторія о жизни Франческо Бернардоне изъ Ассизъ, о любви къ нему Кьяры Шиффи и о его святой кончинѣ.

(Посвящ. М. А. и Л. В. Мамонтовымъ).

«Costui, la cui mirabil vita.
Meglio in gloria del Ciel si canterebbe»... [1])
(Dante, Paradiso, canto X).

«Chiara di nome, piu chiara di vita,
Preziosissima margarita» [2]).
(T. da Celano).

Между Тупино и потокомъ, спускающимся съ высотъ, излюбленныхъ блаженнымъ Убальдо, тамъ, гдѣ цвѣтущій склонъ высокой горы Субазіо какъ бы умѣряетъ разбѣгъ своей кру-

---

[1]) «Тотъ, чью дивную жизнь лучше было бы воспѣвать ангеламъ въ небесной славѣ».
(Данте, Рай, пѣснь X).

[2]) «Свѣтла по имени, свѣтлѣе по жизни, Драгоцѣннѣйшая жемчужина». *(Т. да Челано).*

тизны, въ городѣ Ассизахъ, жилъ почтенный торговецъ тканями и сукнами, мессеръ Пьетро Бернардоне. Мессеръ Пьетро былъ человѣкъ суровый и любящій золото, но справедливый и въ торговлѣ весьма честный; такъ что дѣла его процвѣтали, и каждый въ городѣ зналъ и уважалъ мессера Пьетро. Самые знатные граждане и рыцари не гнушались знакомствомъ съ нимъ и прибѣгали къ его услугамъ. Бѣдные же люди знали и благословляли супругу его, монну Пію, къ которой приходили по праздникамъ за щедрымъ подаяніемъ. А когда мессеръ Пьетро отлучался изъ города, — что бывало часто, такъ какъ онъ постоянно ѣздилъ на ярмарки, и не только въ Пизу, или въ Геную, или въ Римъ, но и въ Португалію, и во Францію, и во Фландрію, и во многія далекія страны, — тогда бѣдные люди приходили къ моннѣ Піи не только по праздникамъ, но и чаще; и всегда получали свѣжіе хлѣбы, и сыръ, и бобы, и многія другія пригодныя для ѣды вещи, а также и теплыя одежды.

Мадонна Піа была кротка и прекрасна лицомъ. Одна происходила изъ благородной фамиліи графовъ Борлемонтскихъ, замокъ которыхъ стоялъ когда-то на берегахъ Роны, но былъ разрушенъ во время войны и родъ графовъ Борлемонтскихъ потерпѣлъ изгнаніе и лишенія.

Домъ мессера Пьетро былъ полною чашей; но тѣмъ не менѣе монна Піа томилась частымъ одиночествомъ; и въ холодныхъ Ассизахъ, гдѣ зимою густой снѣгъ покрываетъ окрестные лѣса и дуетъ съ горъ рѣзкій вѣтеръ, монна Піа казалась перенесенною изъ богатаго розами Прованса бѣлою розой, такъ блѣдна и печальна была она. Суроваго супруга своего, бывшаго много старше ея, она почитала, но боялась. Привыкшая къ дружной и веселой жизни въ родной семьѣ, къ пѣснямъ и бесѣдамъ съ юными сверстницами, монна Піа тщетно старалась наполнить свое одиночество домашними занятіями. Она носила ключи, распредѣляла работу, чинила бѣлье, смотрѣла за погребомъ и житницей; знала рецепты и лѣкарства, знала пѣсенки, которыми усыпляютъ и утѣшаютъ, и много читала, также посѣщала церковь, и всегда была занята своими обязанностями; но этого мало было душѣ ея. И вотъ Святая Дѣва услышала ея молитвы, и она къ великой радости своей почувствовала себя матерью.

Когда пришелъ ей часъ разрѣшиться отъ бремени, мессера Бернардоне не было въ городѣ. Страданія монны Піи были очень велики. Окружавшія ее служанки, весьма любившія свою молодую госпожу, боялись, что нѣжное здоровье ея не выдержитъ подобныхъ мученій,

И онѣ вздыхали и ломали руки, спрашивая другъ друга со страхомъ: что скажетъ мессеръ Пьетро, если, вернувшись, вмѣсто ожидаемаго наслѣдника, найдетъ опустѣвшій домъ и новую могилу въ склепѣ?..

Въ это время въ двери дома постучался нѣкій странникъ, съ просьбой, чтобъ его впустили обогрѣться и переночевать, такъ какъ ночь была бурная и лилъ сильный дождь. Женщины впустили его въ просторную кухню, посадили у пылавшаго очага и сказали, чтобы онъ самъ взялъ себѣ хлѣба съ полки и что̀ найдетъ поѣсть, такъ какъ имъ некогда заботиться о немъ, ибо госпожа ихъ въ тяжкихъ мукахъ, и онѣ боятся, что не пережить ей этой ночи.

— Если вы хотите, чтобы госпожа ваша легко разрѣшилась, — сказалъ имъ на это старецъ: — вынесите вы ее изъ пышной опочивальни и положите въ стойлѣ на солому: тогда она родитъ сына безболѣзненно.

Многія женщины воскликнули съ негодованіемъ, что не подумаютъ дѣлать этого; но старѣйшая изъ нихъ задумались и возразила:

— Если Мать Господа нашего могла положить Его на солому въ ясли, то и нашей госпожѣ въ этомъ нѣтъ позора; а испробовать надо все!

И вотъ онѣ перенесли монну Пію въ стойло, гдѣ были коровы, жевавшія жвачку, и сѣрый

осленокъ, и овцы. Животныя сначала испугались появленія людей съ фонарями, но скоро успокоились. А какъ только положили монну Пію на солому, рядомъ съ яслями, стоны ея утихли и муки прекратились, и она разрѣшилась сыномъ. Младенца прибрали и положили въ ясли, на свѣжее сѣно, какъ въ колыбель; мать же лежала на соломѣ съ блаженной улыбкой и такъ, улыбаясь, и заснула, какъ-будто бы видѣла ангеловъ. Женщины не хотѣли тревожить ее и оставили тамъ до утра. А когда онѣ пошли, чтобы поблагодарить и наградить странника, посовѣтовавшаго имъ это, его уже не оказалось въ домѣ.

Такъ родился сынъ Пьетро Бернардоне.

При крещеніи нарекли его Джіованни, но, цѣлуя и прижимая его къ сердцу, мать его, въ воспоминаніе о далекой родинѣ, называла его своимъ маленькимъ «Франческо», то-есть уроженцемъ Франціи — и такъ имя это осталось за нимъ на всю жизнь.

Первые годы дѣтства Франческо оставался на попеченіи матери; монна Піа любила его больше души своей. Мессеръ Пьетро попрежнему часто отсутствовалъ; но уже монна Піа не чувствовала себя одинокой. Насколько при строгомъ супругѣ своемъ привыкла она быть молчаливой и сдерживать свою молодость и

природную живость, какъ подобаетъ супругѣ почтеннаго человѣка и хозяйкѣ богатаго дома, настолько, оставаясь съ сыномъ своимъ, давала монна Піа волю святой радости и утѣшалась маленькимъ Франческо. Она учила и ласкала его и говорила съ нимъ, какъ съ единственнымъ другомъ. Гуляя, она называла ему цвѣты, научала его различать птицъ и животныхъ, а также не мучить ихъ и любить; разсказывала ему многія исторіи о томъ, какъ живутъ голуби въ лѣсахъ и зайчики въ норахъ; пѣла ему нѣжнымъ своимъ голосомъ колыбельныя пѣсни на родномъ языкѣ и учила его молитвамъ. Но чаще всего показывала она ему въ молитвенникѣ своемъ, доставшемся ей отъ матери и разрисованномъ великолѣпно киноварью, лазурью и золотомъ руками благочестивыхъ монаховъ изъ Сициліи, изображеніе Рождества Христова; и разсказывала, что онъ, Франческо, также родился, подобно Младенцу Спасителю, на соломѣ, среди коровъ и овецъ; и что онъ, значитъ, долженъ стараться во всемъ быть подобнымъ Младенцу Спасителю, пославшему ему такимъ образомъ свое знаменіе, и любить Іисуса всѣмъ сердцемъ. Маленькій же Франческо очень любилъ слушать этотъ разсказъ и каждый вечеръ требовалъ, чтобы мать повторила ему все сначала. Если же онъ не слушался или по дѣтской

кивости шалилъ, то стоило только сказать ему, то маленькій Іисусъ такъ Свою Мать не огор-алъ, какъ онъ стихалъ и, широко открывая лаза, говорилъ:

— Тогда и я не буду.

И все спрашивалъ, такъ ли дѣлалъ маленькій исусъ, и такъ ли онъ учился, и такъ ли слушал-я, когда его укладывали спать. И доставлялъ тимъ матери большое утѣшеніе.

Такъ росъ Франческо и былъ ребенкомъ нѣж-ымъ и ласковымъ, хотя живымъ и горячимъ. Но когда онъ началъ входить въ возрастъ, то Пьетро Бернардоне рѣшилъ, что довольно ему ыть при матери, и взялъ его на свое попеченіе: талъ пріучать его къ дѣлу, брать съ собой въ оѣздки и внушать, что надо человѣку умѣть аживать и беречь деньги.

Насколько монна Піа пеклась о небесномъ, астолько мессеръ Пьетро заботился о земномъ. ына онъ старался сдѣлать достойнымъ своимъ аслѣдникомъ; чтобы пріохотить юношу къ ѣлу, онъ не жалѣлъ ему наградъ и щедро да-алъ ему денегъ на его удовольствія.

Франческо былъ юноша стройный и пріятной аружности; волосы имѣлъ свѣтлые, а глаза емные—подобно своей матери; и взглядъ его ривлекалъ и имѣлъ странное свойство мѣнять-я, будучи то веселымъ и какъ бы пламеннымъ,

то кроткимъ подобно ангельскому. Не одна прекрасная дѣвица уже поглядывала на него украдкою изъ-за молитвенника въ церкви и почтенныя матроны бесѣдовали между собою о томъ, какимъ завиднымъ мужемъ будетъ юный сынъ Бернардоне. Одѣвался онъ пышно; пѣлъ пріятнымъ голосомъ пѣсни, перенятыя еще отъ матери, сочинялъ и самъ превосходныя пѣсни, подобно трубадурамъ; искусно водилъ фарандолы; въ карманахъ его всегда было золото, котораго онъ не жалѣлъ и давалъ, сколько просили; и не было проказы, въ которой онъ не принималъ бы участія, но при этомъ всегда оставался вѣжливымъ и избѣгалъ грубаго сквернословія, воспитанный матерью, какъ настоящій графскій сынъ.

Благодаря всему этому, быстро сдѣлался онъ любимцемъ ассизской молодежи и неоднократно былъ выбираемъ «королемъ праздника» и, увѣнчанный цвѣтами, предсѣдательствовалъ на пирушкахъ. Но часто товарищи его замѣчали, какъ во время веселья Франческо вдругъ прерывалъ шутку на полусловѣ, смѣхъ его смолкалъ, и, блѣднѣя, онъ начиналъ смотрѣть вдаль, какъ бы видя нѣчто недоступное ихъ глазамъ. А въ это время на память ему приходили дѣтскіе годы, и онъ спрашивалъ себя: такъ ли онъ исполняетъ обѣщаніе, данное имъ матери, ста-

раться подражать жизнью своей Спасителю? И смутно становилось на душѣ у Франческо, когда онъ говорилъ себѣ, что истинный рыцарь, какъ тѣ, о которыхъ читалъ онъ въ разсказахъ о Кругломъ Столѣ, долженъ держать свою клятву. Но товарищи шумомъ и пѣснями прогоняли тучи съ его чела и заглушали голосъ его совѣсти.

* * *

Однажды, когда Франческо замѣнялъ уѣхавшаго отца своего, въ лавку вошелъ нищій; старая служанка его матери говорила потомъ, будто это былъ тотъ же старецъ, что приходилъ въ ночь рожденія Франческо, и совсѣмъ не измѣнившійся, но никто и не узналъ, такъ ли это было. Зима стояла въ то время суровая и люди очень бѣдствовали. Нищій попросилъ Франческо подаянія обычными словами:

— Ради любви къ Богу, дайте мнѣ что-нибудь.

Франческо былъ не въ духѣ отъ занятія, котораго не любилъ, и потому нетерпѣливо приказалъ старику уйти. Но не успѣлъ нищій уйти, какъ Франческо подумалъ:

«Вотъ если бы онъ пришелъ и сказалъ, что его прислалъ какой-нибудь графъ или баронъ изъ тѣхъ, что удостаиваютъ отца знакомствомъ— развѣ я отказалъ бы ему въ подаяніи?»

И стыдно стало юношѣ и больно, что въ чемъ онъ не отказалъ бы ради земной власти, въ томъ отказалъ ради небесной любви. И почувствовалъ въ душѣ такую тревогу, что бросилъ покупателей, выбѣжалъ на улицу и сталъ искать старика. Но долго не находилъ его и началъ просить Бога указать ему путь—и нашелъ нищаго уже около часовни Санъ-Даміано. Тогда онъ отдалъ ему деньги и плащъ, бывшій на немъ, за что старикъ благословилъ его и сказалъ такія слова:

— Ты еще будешь милосердіемъ подобенъ Величайшему.

Франческо же вернулся домой и, когда никто не видѣлъ его, ушелъ и плакалъ.

Съ тѣхъ поръ все чаще сталъ онъ задумываться о своей праздной жизни. Душа его жаждала подвиговъ, особенно хотѣлось ему быть настоящимъ рыцаремъ. И скоро пришло ему время отличиться.

Франческо было 17 лѣтъ, когда въ Ассизахъ вспыхнула жажда свободы, и городъ поднялся противъ стараго Конрада Швабскаго, противъ вельможъ и бароновъ, притѣснявшихъ народъ. Тѣ обратились за помощью къ Перузѣ, и вспыхнула кровопролитная война. Франческо вмѣстѣ съ другими таскалъ камни и строилъ укрѣпленія, и какъ львенокъ сражался въ первыхъ рядахъ. Но непріятель былъ сильнѣе, и ассизцы были

разбиты, и многіе изъ нихъ взяты въ плѣнъ— въ томъ числѣ и Франческо. Цѣлый годъ пробылъ онъ въ плѣну; при чемъ, во вниманіе къ его благородству и вѣжливому обращенію, раздѣлять тюрьму заставили его не съ простыми воинами, а съ тѣми рыцарями и вельможами, которые оставались вѣрны Ассизамъ и защищали ихъ противъ Перузы.

Въ плѣну, подобно солнечному лучу, юноша оживлялъ и радовалъ своихъ товарищей по несчастью своей кротостью и веселостью, съ которой онъ переносилъ лишенія, вспоминая имъ о страданіяхъ, претерпѣнныхъ за людей Спасителемъ, и говоря, какъ по сравненію съ Его— ничтожны ихъ страданія. И какъ въ горѣ человѣкъ обращается къ лучшему другу, такъ Франческо за этотъ годъ испытанія поддерживалъ свой духъ мыслями о Спасителѣ, такъ же, какъ нѣкогда въ дѣтствѣ утѣшалъ себя мыслью, что Младенецъ Іисусъ также слушался Свою Мать, и не лѣнился и не шалилъ.

Увидѣлъ онъ также за долгій этотъ годъ, проведенный среди рыцарей, что рыцарство еще далеко не означаетъ совершенства, и что можно быть рыцаремъ и служить пороку.

Когда вернулся Франческо изъ плѣна, то друзья встрѣтили его какъ воскресшаго изъ мертвыхъ и окружили его веселостями и пирами,

не замѣчая, что вернулся къ нимъ другой Франческо, а не прежній ихъ легкомысленный товарищъ; въ немъ же шла такая великая борьба, что онъ не выдержалъ ея и заболѣлъ опасно. И долго боролась жизнь со смертью, но побѣдила, и смерть отошла на время, ибо жизни предстояло еще совершить великое.

Въ долгіе дни выздоровленія, какъ въ дѣтствѣ, оставался Франческо со своей матерью, и опять безконечныя бесѣды приблизили ихъ сердца: ей казалось, что съ нею снова маленькій ея сынокъ, и она пѣла ему прежнія пѣсни своимъ все еще нѣжнымъ голосомъ и разсказывала ему о той ночи, когда онъ родился, подобно Младенцу Христу, на соломѣ и былъ положенъ въ ясли.

Когда онъ могъ выходить, онъ сталъ удаляться въ горы, опираясь на посохъ отъ слабости и тамъ сидѣлъ въ тѣни оливъ въ полной тишинѣ и одиночествѣ, которыя были сладки его душѣ, смотря на открывающіяся передъ нимъ долины цвѣтущей Умбріи и на заходящее солнце.

И думалъ и рѣшалъ, какъ бы доказать любовь свою Христу.

Въ это время одинъ другъ началъ уговаривать его вступить въ отрядъ капитана Джентиле, служившаго по вольному найму у его святѣйшества папы Иннокентія III.

Отецъ его былъ очень этому радъ и сдѣлалъ

ему доспѣхи и аммуницію богаче, чѣмъ у самого начальника отряда; серебристо-сѣрый конь изъ Аравіи купленъ былъ имъ для сына, и весь городъ дивился щедрости отца и восхищался красотой сына.

Незадолго до отъѣзда Франческо, друзья устроили пышный праздникъ въ честь юнаго воина. Не было недостатка ни въ цвѣтахъ, ни въ мальвазіи, ни въ разныхъ вкусныхъ яствахъ. Приглашены были жонглеры, шуты и плясуны на канатѣ, а также молодыя красавицы изъ тѣхъ, что продавали ласки свои за деньги, но готовы были отдать даромъ ихъ юношѣ, привлекавшему всѣ сердца.

Въ разгарѣ пира вдругъ увидѣли, что нѣтъ Франческо въ залѣ. Бросились искать его и нашли на мраморной террасѣ, задумавшимся до того, что не слышалъ ихъ шаговъ. Онъ смотрѣлъ на небо, похожее на покровъ темно-синяго александрійскаго бархата, расшитый золотыми, серебряными и алмазными гвоздиками; вдыхалъ запахъ левкоевъ и не видѣлъ ничего кругомъ себя.

— Франческо мечтаетъ о дамѣ своего сердца!—стали шутить друзья, а онъ какъ бы очнулся, обвелъ ихъ взоромъ, возвратившимся изъ горнихъ странъ, и сказалъ:

— Да, вы правы: я думаю о дамѣ своего сердца, но вы не знаете ея.

Говоря это, онъ думалъ о святой Нищетѣ; но друзья его не знали этого, а продолжали допытываться, кто же это его невѣдомая дама.

— Кто она?—отвѣчалъ онъ, загорѣвшись.—Ей служилъ тотъ, у кого я недостоинъ развязать ремень на обуви. Она чиста, свободна и прекрасна—и я послѣдую за ней и буду ей до гроба вѣрнымъ рыцаремъ и паладиномъ!

И такъ и не открылъ имени своей дамы.

Но когда друзья съ почетомъ проводили его въ отрядъ—онъ пробылъ въ отлучкѣ всего день, продалъ свои доспѣхи и коня, отдалъ деньги священнику его любимой часовни Санъ-Даміано на неугасимую лампаду,—ибо часовня была такъ бѣдна, что и лампады въ ней не было,—а самъ въ рубищѣ вернулся въ родной городъ.

Такъ онъ рѣшилъ смирить свою гордость.

* * *

Даже дѣти на площадяхъ встрѣтили его насмѣшками; друзья же его возмущались и не знали, что́ подумать, ибо храбрость свою онъ доказывалъ неоднократно въ сраженіяхъ и стычкахъ. Ярости мессера Бернардоне не было границъ. Онъ назвалъ сына безумцемъ и бросилъ его въ подземелье, заперевъ тамъ, чтобы Фран-

ческо одумался. Но въ отсутствіе его монна Піа пришла къ сыну, и обмѣнялись они многими словами и слезами, и душа ея наполнилась великимъ утѣшеніемъ, и мать сказала сыну:

— Иди, сынъ мой, даю тебѣ свободу!

Знала она, что супругъ жестоко накажетъ ее, но все рѣшила вынести изъ любви къ Франческо и увѣренности, что путь его правильный. Вернувшись, мессеръ Пьетро избилъ монну Пію, какъ если бы она была ему не супругой, а строптивой рабой, но и это она снесла съ терпѣніемъ, утѣшаясь мыслью, что сынъ ея свободенъ.

Франческо же удалился въ скалы возлѣ Санъ-Даміано и проводилъ время свое въ томъ, что носилъ камни на спинѣ и собственноручно отстраивалъ и обновлялъ ветхую часовню, радуясь возможности хотя украсить домъ Божій своими трудами. И вотъ онъ рѣшилъ еще болѣе смирить свою гордыню и идти просить кирпичей и нехватавшихъ ему вещей для постройки, а также подаянія на масло для лампадъ у ассизскихъ гражданъ. Босой, съ непокрытой головой, пошелъ онъ въ городъ и умильно просилъ у людей зажиточныхъ, говоря:

— Кто дастъ мнѣ кирпичъ—получитъ одну награду на небѣ, кто дастъ два—и двѣ награды получитъ.

Находились злые люди, что травили его со-

баками, а одинъ кинулъ въ него камнемъ; но онъ поднялъ камень и сказалъ:

— Спасибо, и камень пригодится мнѣ.

И тотъ очень устыдился.

И разъ подошелъ онъ къ дому Ріэти, гдѣ еще недавно часто пировалъ; и стыдъ охватилъ его, и онъ хотѣлъ отойти отъ этого дома. Но потомъ устыдился этого чувства и смѣло вошелъ въ залу, какъ бы званый, очутившись во власяницѣ своей среди блестящихъ кавалеровъ и прекрасныхъ дамъ, подобныхъ цвѣтамъ въ лѣтній день. Музыка смолкла, и танцующіе остановились въ недоумѣніи и испугѣ. Узнавши же Франческо многіе готовы были насмѣяться надъ нимъ. Но такъ просто, смиренно и радостно разсказалъ Франческо бывшимъ друзьямъ своимъ, что́ привело его сюда,—что никто не нашелъ въ себѣ духа порицать его, а всѣ умилились и помогли ему, и онъ унесъ даже золото, часть котораго употребилъ на церковь, часть же—на несчастныхъ прокаженныхъ, которыхъ онъ въ это время постоянно навѣщалъ и врачевалъ и тѣла ихъ и души.

Увидѣвъ такое поведеніе сына своего, мессеръ Пьетро пришелъ въ бѣшеную ярость и пошелъ къ епископу съ жалобой на сына и просьбой изгнать его, чтобы онъ не позорилъ своимъ безуміемъ его сѣдины,—наслѣдникомъ

же своимъ просилъ сдѣлать Анжело, младшаго брата Франческо.

Когда назначенъ былъ день суда, и появились передъ епископомъ и многими духовными лицами и именитыми горожанами мессеръ Бернардоне и сынъ его, то мессеръ Бернардоне началъ жаловаться на сына и отрекаться отъ него, и всячески поносить его, и называть безумцемъ. Франческо же воскликнулъ.

— Слушайте всѣ! Донынѣ я звалъ Пьетро Бернардоне отцомъ моимъ; но если ему дороже земныя богатства, чѣмъ душа моя—вотъ, отдаю ему все немногое, чѣмъ я владѣю.

И онъ бросилъ къ ногамъ отца бывшіе у него въ мѣшочкѣ тайно данные ему матерью нѣсколько цехиновъ, которые тоже хотѣлъ употребить на украшеніе церкви, и одежду, прикрывавшую его, и остался нагимъ, дрожа отъ холода и говоря:

— Такимъ я созданъ отъ Господа, такимъ отдаюсь Ему, и хочу служить Ему вѣрно до гроба, называть же отцомъ своимъ буду только Отца Небеснаго.

Отецъ схватилъ деньги и проклялъ его, епископъ же, умиленный горячей вѣрой Франческо, прикрылъ его своимъ плащомъ и сказалъ:

— Иди и служи Богу, какъ хочешь.

Тогда Франческо подошелъ къ нищему, сидѣвшему у воротъ, и сказалъ:

— Отецъ проклялъ меня, благослови ж
ты меня, какъ бы ты былъ моимъ отцомъ.

Старикъ поднялъ руки и благословилъ его
и тутъ Франческо увидалъ, что это былъ тотъ ж
старецъ, который приходилъ къ нему за подая
ніемъ и котораго онъ настигъ у Санъ-Даміано

Послѣ этого онъ удалился въ Санъ-Даміано
и жизнь его пошла въ служеніи Богу и ближнему
Когда же онъ отстроилъ Санъ-Даміано, т
началъ строить церковь Маріи св. Ангеловъ
и тамъ бенедиктинцы Монте-Субазіо дали ем
для пребыванія, чтобы этимъ угодить народу
малый клочокъ земли, Порціункулу. И вскор
не было человѣка во всей Италіи и внѣ ея, кт
бы не зналъ о небесной добротѣ, смиреніи
чистотѣ Франческо. И тосты стекались слушат
его слова, всѣ голодные и несчастные шли к
нему; онъ училъ ихъ, и любилъ, и кормилъ
самъ работая и прося милостыню, чтобы накор
мить несчастныхъ около Трапезы Господней
Рыцари и разбойники, пастухи и трубадуры
всѣ, кто жаждалъ и алкалъ любви и правд
и тяготился жизнью, погрязшей въ распутствѣ
порокахъ, разбояхъ и войнахъ, шли къ нем
и становились его учениками. Скоро цѣлое бра
ство «меньшихъ братій», какъ они называли себя
чтобъ показать свое смиреніе, собралось вокруг
Франческо, и девизомъ ихъ было только:

— Любите всѣхъ и помните Христа.

Правиломъ же ихъ были: Смиреніе, Нищета и Чистота—три великія добродѣтели Христовы.

* * *

Въ то время въ Ассизахъ жилъ знатный и богатый рыцарь по имени Фаворино Шиффи. Супруга его, мадонна Ортолана, родила ему трехъ дочерей, дѣвицъ, отличавшихся красотой и скромностью. Прекраснѣе же всѣхъ была старшая, монна Кьяра, имѣвшая лицо, подобное ангельскому. Волосы ея были похожи на золотыя нити; лобъ былъ чистый и гладкій, и брови дугой, черныя и тонкія, немного отдѣленныя одна отъ другой, а глаза синіе какъ небо. Когда же она улыбалась, то на щекахъ ея появлялись ямочки, такія, что всякому, кто видѣлъ ихъ, хотѣлось поцѣловать ее. Многіе молодые люди добивались руки монны Кьяры, едва только она вышла изъ отроческаго возраста; многіе посвящали ей стихи; а по ночамъ, особенно весною, когда зацвѣтало дерево Іудеи, за благоуханіе розовыхъ цвѣтовъ своихъ называемое еще деревомъ любви, передъ балкономъ Кьяры пѣли юноши пламенныя канцоны, въ которыхъ называли ее цвѣткомъ среди цвѣтовъ, сравнивали ликъ ея съ серебряной луной, въ то время освѣщавшей извилистыя улицы и остроконечныя кровли ассизскихъ домовъ.

Но монна Кьяра не обращала вниманія на вздохи и мольбы влюбленныхъ, и сердце ея оставалось какъ бы запертымъ на ключъ драгоцѣннымъ ларцомъ.

Отецъ Кьяры, человѣкъ добрый, но горячаго нрава, гнѣвался на нее неоднократно и говорилъ, что насильно выдастъ ее замужъ за хромого нищаго, что сидитъ у порога Санъ-Джорджіо, если она будетъ упрямиться и отвергать знатныхъ и богатыхъ искателей. Но Кьяра только опускала глаза и смыкала уста, какъ бы блюдя свою великую тайну. Тайна же у нея была дѣйствительно, и была эта великая тайна въ томъ, что сердцемъ Кьяры давно завладѣлъ не кто иной, какъ Франческо Бернардоне.

Съ самаго нѣжнаго возраста почувствовала Кьяра склонность къ Франческо.

Еще съ дѣтства привыкла она часто слышать о немъ разсказы его матери.

Монна Піа навѣщала иногда монну Ортолану, и, конечно, о чемъ же могли у нихъ итти бесѣды, какъ не о любезномъ ея сердцу сынѣ, который своимъ непонятнымъ, какъ говорили, нравомъ возбуждалъ общіе толки въ Ассизахъ. Маленькая Кьяра присутствовала при этомъ, ибо дѣвицъ съ малолѣтства пріучали къ обществу, чтобы пріохотить ихъ къ пристойнымъ развлеченіямъ. Сидя на скамейкѣ у ногъ своей

матери съ работой въ рукахъ, дѣлая венеціанскую бахрому или вышивая ленты, часто слышала она имя Франческо. И вообще слышала она это имя постоянно. Ассизы городъ небольшой, и въ немъ всегда всѣ знали, что́ у кого дѣлается: зарѣзала ли наконецъ монна Клариче своего каплуна, и сколько мѣръ вина далъ виноградникъ мессеру Ламберто, и какую штуку тонкаго полотна изъ Реймса подарила канонику вдова мессера Куррадо. Такъ говорили и о томъ, какую новую канцонетту сочинилъ Франческо; и молодыя дѣвицы, слышавшія ее отъ братьевъ своихъ, потихоньку повторяли ее, а младшія слушали внимательнѣе, чѣмъ думаютъ, ибо дѣтскіе глаза зорки и дѣтскій слухъ остеръ.

Еще говорили о празднествахъ, которыя задавалъ Франческо своимъ друзьямъ; о томъ, какъ они веселой компаніей, съ факелами и цвѣтными фонарями, пробѣгали шумной фарандолой по всѣмъ улицамъ и площадямъ Ассизъ и будили перепуганныхъ горожанъ.

Также говорили о томъ, какъ мессеръ Бернардоне не считаетъ денегъ для своего первороднаго сына и какіе богатые наряды дѣлаетъ ему; и еще о томъ, какіе наряды навѣрно будетъ онъ дарить будущей снохѣ своей, не жалѣя для нея самыхъ богатыхъ своихъ товаровъ, дамасскаго шелка, парчи, вышитой павлинами, цвѣтами

и иными чудесными узорами, тонкихъ арабскихъ, золотомъ затканныхъ матерій и всего, что лежитъ въ ларцахъ у монны Піи, одѣвающейся скромно по благочестію своему.

И много еще чего слышала Кьяра о Франческо. Любовалась она, когда онъ проѣзжалъ мимо ихъ дома на кровномъ конѣ своемъ, въ сіяющемъ золотомъ вооруженіи, юный и стройный подобно Георгію-побѣдоносцу; и мысленно сравнивала его съ тѣми рыцарями, о которыхъ читала въ романахъ: Тристаномъ, и Ланчелотомъ, и особенно Персевалемъ, чистымъ рыцаремъ святого Грааля. Вспоминала она также неосторожно произнесенныя когда-то монной Піей слова, какъ бы въ шутку—когда она положила свою руку на золотые волосы Кьяры и сказала:

— Вотъ, будь ваша Кьяра постарше, я лучшей невѣсты не хотѣла бы моему Франческо; да жаль, не думаетъ онъ о бракѣ.

И по ночамъ Кьяра окружала отроческими мечтами своими одного Франческо, подобно горлинкѣ, летающей все около одного куста.

Едва 15-я весна зацвѣла на нѣжныхъ щекахъ монны Кьяры, когда мать взяла ее на праздникъ въ домѣ мессера ди-Ріэти. И вотъ тамъ, среди украшенныхъ гирляндами цвѣтовъ и зелени колоннъ, при блескѣ сотенъ восковыхъ свѣчей, подъ звуки віолъ, лютней и цитръ, увидала

ионна Кьяра Франческо. Но онъ не пришелъ
въ парчѣ и золотѣ, чтобы вмѣшаться въ веселый
анецъ и подать руку одной изъ прекрасныхъ
цамъ; а пришелъ въ темной власяницѣ, съ не-
окрытой головой и съ босыми ногами, просить
миренно подаянія.

И когда Кьяра увидѣла рыцаря своего въ
томъ нищенскомъ одѣяніи, съ протянутой
рукой, среди тѣхъ, кто недавно пировали у него
а столомъ, а теперь готовы были отвернуться
тъ него съ насмѣшкой, какъ отъ безумца, то
ердце ея со всей силой устремилось къ нему,
первая сорвала она съ руки золотой перстe-
екъ и отдала ему, сама зардѣвшись отъ соб-
твенной смѣлости, со словами:

— Возьмите на ваше доброе дѣло, мессеръ
Франческо.

И тогда всѣ устыдились и съ радостью помогли
му; и благодаря этому цѣлый годъ теплились
ампадки въ церковкахъ Санъ-Даміано и Маріи
в. Ангеловъ.

Съ тѣхъ поръ Кьяра не переставала думать
немъ одномъ, и вспоминала его благодарный
зоръ, и считала, что онъ рыцарь не менѣе
остойный, чѣмъ Гаретъ, сражавшійся съ дра-
кономъ: ибо побѣдилъ страшнаго дракона гор-
ыни. Но глубоко скрывала въ сердцѣ своемъ
ти чувства, хотя, когда было возможно, искала

встрѣтить Франческо. А было это нетрудно, потому что слава о его проповѣдяхъ разнеслась по всей Италіи, и многіе приходили послушать его вдохновенныя рѣчи; ибо говорилъ онъ съ народомъ не по-латыни, какъ попы и ученые книжники-монахи, а первый заговорилъ съ нимъ о вещахъ божественныхъ на свѣтскомъ языкѣ понятномъ каждому. Также училъ онъ, что всѣ равны передъ Богомъ, и рай и блаженство небесное не зависитъ отъ чиновъ и богатствъ земныхъ. И оттого рѣчи его были дороги простому народу и вызывали въ немъ глубокое умиленіе.

Часто гдѣ-нибудь на зеленой полянѣ Умбріи у ручья или въ тѣни оливъ, онъ начиналъ говорить собравшимся вокругъ него людямъ; и слушали его рыцарь рядомъ съ погонщикомъ муловъ, и знатная дама, проѣзжавшая мимо въ золоченой кароццѣ, и бѣдная поселянка прикрывшаяся отъ зноя длиннымъ бѣлымъ платкомъ; и всѣхъ онъ любилъ одинаково, и всѣ были для него сестры и братья: свирѣпый волкъ въ лѣсу, и ручная горлица, чистая дѣвушка и страшный разбойникъ.

Иногда и Кьяра примѣшивалась къ толпѣ слушавшихъ его, и когда онъ призывалъ къ любви небесной и совершенству, душа ея горѣла.

Но иногда Кьярѣ удавалось бесѣдовать наединѣ съ нимъ. Когда въ лѣтніе дни она с

маленькой сестрой поднималась въ горы искать прохлады, часто шаги ея, помимо воли ея, приводили ее мимо виноградниковъ и оливковой рощи въ Порціункулу, и тамъ она встрѣчала Франческо, обычно занятаго какимъ-нибудь трудомъ. То онъ собиралъ топливо, то лѣкарственныя травы, то носилъ воду. Ибо и онъ и ученики его работали какъ простые крестьяне или ремесленники, каждый что умѣлъ, хотя многіе изъ нихъ были очень высокаго происхожденія, какъ синьоръ Бернардо ди-Квинтавалле, или рыцарь Анджело Танкреди ди-Ріэти и многіе другіе. Потомъ, что выручали, они отдавали бѣднымъ, оставляя себѣ только хлѣбъ для дневного пропитанія, но никогда не на два дня: и такъ служили вѣрно своей дамѣ, небесной Нищетѣ, что не имѣли ничего даже для украшенія церкви, кромѣ неугасимой лампады. И когда разъ пришла за подаяніемъ къ Франческо одна старая женщина,—мать двухъ его учениковъ—и у него не было ничего, что бы дать ей, то онъ спросилъ фра Ліоне:

— Есть ли у насъ что?

И Ліоне отвѣтилъ:

— Только требникъ, съ которымъ мы служимъ мессу.

Франческо сказалъ тогда:

— Она отдала двухъ своихъ сыновей Богу,

неужели не хорошо, братъ мой, отдать требникъ, чтобы пошла и продала его? Мы же будемъ служить изъ сердца, а не изъ книги.

И такъ и сдѣлалъ. И фра Ліоне разсказывалъ потомъ, что такъ служилъ просвѣтленный Франческо и такія молитвы говорилъ, какъ-будто ангелы невидимо подсказывали ему, какими словами они хвалятъ Бога въ горнихъ странахъ. Ибо въ немъ говорилъ Господь.

* * *

Когда Кьяра приходила въ Порціункулу, она обычно становилась въ темный уголъ церкви и простаивала тамъ всю службу, слушая, какъ молится Франческо. Потомъ выходилъ онъ изъ церкви; тогда Кьяра рѣшалась подойти къ нему, и они обмѣнивались многими словами, которыя потомъ она уносила съ собою, какъ сокровища, и каждое какъ драгоцѣнную жемчужину нанизывала на нить своей памяти. Франческо же говорилъ съ нею дружественно и не зналъ, что иногда смутныя чувства волновали Кьяру: такъ хотѣлось ей видѣть его не въ рубищѣ, а прежнимъ Франческо, подобнымъ графскому сыну. Хотя прекраснымъ казался онъ ей и теперь, поблѣднѣвшій и исхудавшій, съ свѣтящимися какъ звѣзды глазами. Дома же не могла она вкушать обильную пищу за трапезой, зная что Франческо питается черствымъ хлѣбомъ

водой; когда ложилась на мягкое ложе, украшенное богатой рѣзьбой и покрытое камкой, бархатомъ и мѣхомъ, то думала, что вотъ—онъ спитъ на камняхъ; облекаясь въ роскошныя одежды, вспоминала о его власяницѣ и о томъ, что во время холодныхъ зимнихъ вѣтровъ онъ остается все въ томъ же рубищѣ и босой. И она не могла ни спать ни ѣсть, и въ теплыхъ покояхъ у пылающаго очага дрожала какъ бы отъ смертельнаго холода, радуясь, что Господь посылаетъ ей воможность такимъ образомъ дѣлить его лишенія. Но когда она спрашивала его, какъ можетъ онъ такъ, улыбаясь и радостно, переносить нищету, онъ говорилъ ей:

— Смотри—развѣ я не богаче любого рыцаря? Видишь, какой зеленый шатеръ изъ вѣтвей даетъ намъ тѣнь, какой прекрасный бѣлый камень приготовилъ здѣсь Господь вмѣсто стола, и какой чистый ручей бѣжитъ рядомъ для утоленія нашей жажды. А хлѣбъ, который я вкушаю, дали мнѣ любовь и милосердіе: какая же это нищета?

И такъ благостно хвалилъ нищету, дающую свободу; и говорилъ, что золото, дома, вещи—все это цѣпи рабства для души,—и что ничего этого не надо,—что и Кьяра начинала думать то же самое.

Когда Кьярѣ уже пошелъ 18-й годъ, отецъ

сталъ принуждать ее выйти замужъ за Роберто ди-Тольфа, богатаго и красиваго молодого человѣка изъ Неаполя, и говорилъ, что дѣвушка—это товаръ, который не долженъ залеживаться, и грозилъ насильно выдать ее, если она не пойдетъ по доброй волѣ.

Но мысль покинуть Ассизы, а значитъ, и Франческо, была ужасна Кьярѣ, ибо жизнь ея проходила въ томъ, что, когда одинъ день кончался, она вспоминала о томъ, какъ видѣла Франческо и о чемъ говорила съ нимъ; а когда наступалъ слѣдующій день, то она спрашивала себя: какъ бы ей скорѣе увидѣть Франческо и услышать его голосъ, утоляющій ея душу, какъ струя воды въ знойный день. Цѣлыя ночи обливалась она слезами, не зная, какъ ей быть, и желала смерти, какъ другіе желаютъ жизни.

Наконецъ, рѣшила она открыться Франческо и послѣдовать совѣту, который получитъ отъ него. Одѣвши темный плащъ, пошла она въ церковь Маріи св. Ангеловъ и, пока Франческо служилъ мессу, она простояла все время на колѣняхъ на каменномъ полу, обливая его слезами. Когда же Франческо кончилъ, то она подошла къ нему и обратилась со словами:

— Здравствуй, Франческо!

Онъ же отвѣтилъ ей своимъ обычнымъ привѣтствіемъ:

— Миръ душѣ твоей, Кьяра!

— За этимъ-то я и пришла къ тебѣ, Франческо!—сказала Кьяра; и когда они вышли въ его любимую оливковую рощу, то разсказала ему, что отецъ настойчиво желаетъ выдать ее замужъ, а она не хочетъ этого.

— Отчего?—спросилъ Франческо.—Дѣвицѣ твоихъ лѣтъ и твоей прекрасной наружности пристойно думать о бракѣ.

Кьяра зардѣлась отъ гордой радости, понявъ изъ этихъ словъ, что замѣтилъ Франческо ея красоту; но тутъ же подумала, что такъ же онъ смотритъ и на красоту бѣлой полевой лиліи, и на красоту лѣсной голубки, видя въ нихъ только совершенство творенія Божьяго. И она опустила глаза и сказала ему;

— Я не хочу быть женою Тольфа, такъ какъ я люблю другого, но этотъ другой не можетъ любить меня.

— Отчего же онъ не любитъ тебя, достойную любви?—опять удивился Франческо.

Тутъ безумной надежды исполнилось сердце Кьяры, и она отвѣтила:

— Оттого, что это *тебя* я люблю, Франческо.

И не поднимала глазъ, такъ что видѣла, какъ колебалась весенняя трава у ногъ ея и ползъ золотой жучокъ между тонкихъ стеблей. А Франческо молчалъ долго, а потомъ сказалъ:

— И я тебя люблю, *сестра* моя Кьяра.

Кьяра въ трепетѣ подняла къ нему глаз свои, и тутъ совершилось нѣчто дивное: пока залось ей, что Франческо преобразился; нѣкі свѣтъ исходилъ отъ него, и какъ бы свѣтлы крылья сіяли за его спиной. И было лицо ег прекраснымъ, и божественнымъ, и недосягае мымъ, такъ что Кьяра упала передъ нимъ н землю ницъ; онъ же возложилъ ей руки на голо ву и ласково сказалъ:

— Встань, и если ты не хочешь выходит замужъ—отдай жизнь свою Богу и ближнимъ

Тогда Кьяра поняла, что это отвѣтъ его, что единая близость съ нимъ—будетъ близост небесная, но и это ей показалось желаннымъ лишь бы не покидать его.

— Возьми же меня подъ свою защиту, *брат* мой Франческо!—попросила она:—и не отдава меня нелюбимому супругу.

Тогда Франческо, какъ рыцарь, обѣщалъ е быть защитникомъ ея и избавить ее отъ нена вистнаго брака. Они условились, что въ ноч на Вербное воскресенье Кьяра тайно уйдет изъ родительскаго дома, и Франческо своим руками посвятитъ ее Богу и отдастъ ее ново жизни, долженствующей соединить ихъ в чистой небесной близости. Выбрала же она Верб ное воскресенье потому, что въ тотъ день любя

щіе обмѣниваются оливковыми вѣтвями съ лентами, обозначающими разныя признанія, и всѣ молодыя дѣвушки ждутъ, не получатъ ли голубой ленты, обозначающей любовь, и боятся красной, что значитъ: «между нами вражда».

* * *

Ночь была теплая, и свѣтила полная луна, когда тайкомъ отъ домашнихъ Кьяра собралась уйти. Она омылась водою, согрѣтою съ ароматичными травами, и расчесала свои волосы, какъ невѣста, одѣвающаяся къ вѣнцу. Облеклась въ лучшее свое отороченное соболемъ платье изъ тяжелой парчи цвѣта спѣющаго маиса, по которой вытканы были розовыя розы, такъ искусно сдѣланныя, что казались живыми. Жемчужную сѣтку надѣла на голову, переплела и косы жемчугами, на руки надѣла запястья тонкой венеціанской чеканки, также украсила себя цѣпочками и поясомъ, усаженными цвѣтными каменьями.

Въ послѣдній разъ оглядѣла она свѣтлицу свою, въ которой столько ночей провела безъ сна, думая о Франческо, и не пожалѣла въ ней ничего.

Накинула темное покрывало и потайной дверью ушла навсегда изъ-подъ родительскаго крова. По узкимъ улицамъ пробиралась она мимо торопящихся уже къ заутренѣ горожанъ

съ оливковыми вѣтвями въ рукахъ. Луна освѣщала ея путь по выбитымъ въ скалахъ лѣстницамъ, мимо виноградниковъ и оливковой рощи, къ маленькой и смиренной церкви Маріи св. Ангеловъ, гдѣ должна была совершиться судьба ея. Когда она пришла туда, дрожа и задыхаясь отъ быстрой ходьбы, то Франческо съ братіей уже ждали ее, стоя съ длинными восковыми свѣчами въ рукахъ; пламя свѣчей колебалось подъ низкими сводами темной церкви. Когда же Кьяра скинула свой плащъ и предстала въ своемъ роскошномъ нарядѣ, и огоньки свѣчей отразились въ цвѣтныхъ каменьяхъ и преломились въ тяжелыхъ складкахъ золотой парчи, то всѣмъ бывшимъ тамъ показалось, что Мадонна снизошла въ смиренную церковь, душа же Франческо преисполнилась великимъ утѣшеніемъ что подобную красоту радостно приноситъ Кьяра въ жертву божественной любви.

Потомъ Франческо самъ совершилъ обрядъ постриженія, взявъ въ руки ея волосы, похожіе на золотыя нити, мягкіе какъ шелкъ и издававшіе сладостный запахъ, подобно весеннимъ цвѣтамъ въ полѣ; и ласково прикоснулся онъ къ нимъ, и тогда Кьяра почувствовала блаженство неизъяснимое, и не пожалѣла она упавшей и разсыпавшейся, подобно снопу золотыхъ лучей на темномъ каменномъ полу, косы. Затѣмъ сняла

она богатыя одежды и осталась во власяницѣ; все же: и одежды и украшенія — отдала она, чтобы продать и деньги раздать бѣднымъ. Франческо самъ отвезъ ее въ монастырь бенедиктинокъ, бывшій неподалеку, съ тѣмъ, чтобы сестры-бенедиктинки пріютили ее, пока Франческо не устроитъ для нея собственнаго пріюта, куда могли бы присоединяться къ ней другія подруги во Христѣ, которымъ онъ, Франческо, будетъ духовнымъ пастыремъ и наставникомъ.

На другой же день въ монастырь явился рыцарь Фаворино Шиффи съ вооруженными друзьями своими и угрожалъ дочери и монахинямъ, но тщетно: что отдано Богу — возвращено быть не можетъ, и Кьяра осталась въ монастырѣ.

Но немного времени провела она у сестеръ-бенедиктинокъ. Было ей съ ними тяжело: ибо сестры были суровы, много говорили объ адѣ и дьяволѣ, и преслѣдовали Кьяру за все; даже когда застали ее поливающей кустикъ дикой розы во дворѣ монастыря, чтобы не засохъ отъ зноя, строго упрекали ее за мірскую любовь къ цвѣтамъ; и не позволяли ей ласкать и приручать голубей. Кьяра же привыкла слышать отъ Франческо, что нѣтъ грѣха въ любви къ животнымъ, и самъ онъ при ней, напримѣръ, когда увидѣлъ зайца, попавшаго въ силки, освободилъ его и сказалъ: «Иди, братецъ зайка, но

не попадайся впередъ»; и самъ приручалъ голубей и пускалъ обратно въ рѣку рыбъ, если ему дарили рыбаки, а особенно любилъ цвѣты, называя ихъ «улыбками Божьими».

Также хотѣла Кьяра не замкнутаго моленія въ темныхъ кельяхъ и бичеванія себя, а любви къ людямъ дѣятельной и нѣжной, служенія имъ съ лицомъ свѣтлымъ и радостнымъ — того, о чемъ проповѣдывалъ Франческо. Врачевать больныхъ, кормить голодныхъ, утѣшать плачущихъ — вотъ чего желала Кьяра. Франческо же все время думалъ о сестрѣ души своей; и удалось ему наконецъ выпросить для нея обитель у тѣхъ же бенедиктинцевъ Монте-Субазіо, что предоставили ему Порціункулу. Они ему оказали помощь охотно, чтобы раздосадовать епископа Гвидо, не одобрявшаго Франческо за свободу его вѣры и проповѣдей, гдѣ онъ именно говорилъ, что не надо жить такъ, какъ жили духовныя лица въ тѣ времена: въ роскоши и чревоугодіи и кровавыхъ распряхъ.

Бенедиктинцы отдали ему Санъ-Даміано, церковь, нѣкогда его руками отстроенную; и ее онъ сдѣлалъ домомъ Кьяры.

Вскорѣ присоединилась къ ней любимая сестра ея, ставшая впослѣдствіи аббатиссой монастыря Монтичелли во Флоренціи — Агнеса, и еще нѣсколько дѣвицъ, а затѣмъ и мать Кьяры,

мадонна Ортолана, не выдержавъ жизни, вдали отъ любимыхъ дочерей, рѣшила посвятить себя Богу. И такъ стали жить онѣ, подобно сестрамъ, чистыя духомъ, презрѣвъ земную роскошь. Одѣвались онѣ въ грубыя власяницы, спали на цыновкахъ и питались хлѣбомъ, водою и взрощенными ихъ же руками овощами и плодами. Жизнь ихъ проходила въ работѣ, за пряжей; а также Франческо присылалъ къ нимъ больныхъ, которыхъ онѣ лѣчили, голодныхъ и заблудшихъ, и какъ добрыя сестры самому лютому грѣшнику подавали онѣ помощь и утѣшеніе. Терпя же всѣ лишенія, къ которымъ сперва была весьма непривычна, раня о камни нѣжныя ноги и укрываясь въ стужу жалкими одеждами, Кьяра несказанно утѣшалась, что дѣлить лишенія эти съ Франческо.

Франческо навѣщалъ ихъ, хотя не часто; иногда сестры сами вызывали его, если имъ нуженъ былъ совѣтъ или духовное наставленіе, и въ этомъ Франческо никогда не отказывалъ имъ. Но хотя Кьяра рѣдко видѣла его тѣлесными очами, духовными она видѣла его ежечасно и находилась съ нимъ въ непрерывномъ общеніи и перепискѣ.

Въ Ассизахъ сначала отъ епископскаго дворца и до послѣдней лачуги судили и толковали о поступкѣ прекрасной дочери рыцаря Шиффи;

но потомъ, особенно когда узнали, что мать ея присоединилась къ ней, а также продолжая видѣть ея непорочную жизнь, перестали злословить, а тамъ стали и почитать ее, а тамъ и помогать ея добрымъ дѣламъ. И женщины, удрученныя ли мірскими заботами и тяготами, измученныя ли горемъ, привыкли идти въ маленькую церковь Санъ-Даміано и искали, съ нѣкоторой благоговѣйною завистью, утѣшенія и поддержки у юной и прекрасной, но утратившей видъ земной дѣвы, Кьяры и называли ее «агницей непорочной, голубкою серебряной и чистѣйшею лиліей».

* * *

Но не одни чужіе искали поддержки у Кьяры: она имѣла ту великую радость, что и Франческо въ минуты сомнѣнія и скорби обращался къ ней. Такъ, разъ, когда впалъ онъ въ глубокое сомнѣнье и раздумье: смѣетъ ли онъ нести людямъ проповѣдь свою, или же ему лучше только молиться про себя? — и въ смиреніи своемъ сталъ опасаться, что недостоинъ вѣщать слово любви, онъ призвалъ къ себѣ любимаго брата своего, Массео, и попросилъ его:

— Иди къ сестрѣ Кьярѣ; пусть помолится и укажетъ мнѣ, что лучше: чтобы я только молился, или же и проповѣдывалъ людямъ?

На что Кьяра отвѣтила: «Не только для твоего спасенія призвалъ тебя Господь, но для того, чтобы ты собиралъ жатву душъ и многія спасъ своею любовью!»

И такъ отвѣтъ этотъ былъ радостенъ Франческо, что взыграло сердце его, и онъ рѣшилъ сейчасъ же идти проповѣдывать.

Когда же онъ шелъ по дорогѣ между Армано и Беваньо, то, поднявъ глаза, увидѣлъ великое множество птицъ, и восхитился, и сказалъ:

— Я начну проповѣдь съ сестеръ моихъ птицъ!

И вошелъ въ поле и началъ проповѣдывать птицамъ, бывшимъ на землѣ. Тогда всѣ, какія были на деревьяхъ, тоже прилетѣли къ нему и стали смирно слушать его, не двигаясь съ мѣста и не пугаясь, когда онъ задѣвалъ ихъ полами своего плаща.

А проповѣдь его была такая:

— Сестры мои птицы, многимъ обязаны вы Создателю вашему и всегда и во всѣхъ мѣстахъ должны Его хвалить, ибо далъ Онъ вамъ свободу летать повсюду; затѣмъ сохранилъ сѣмя ваше въ Ноевомъ ковчегѣ, чтобъ родъ вашъ не уменьшился въ мірѣ. Также обязаны вы Ему за стихію воздуха, которую Онъ предоставилъ вамъ; кромѣ того, не сѣете вы и не жнете, а Господь вашъ питаетъ васъ! И далъ вамъ рѣки и

ручьи для утоленія вашей жажды, и горы и долины для вашего пріюта; и высокія деревья, чтобы вить гнѣзда. И, зная, что не умѣете вы ни прясть ни шить — одѣваетъ васъ и птенцовъ вашихъ. Значитъ, много возлюбилъ васъ Создатель, что далъ вамъ столько благъ; остерегайтесь же, сестры мои, грѣха неблагодарности и учитесь всегда хвалить Творца!

Разсказывалъ потомъ фра Массео, что когда кончилъ Франческо говорить, то всѣ птицы начали открывать клювы, и вытягивать шейки, и благоговѣйно склонять головки къ землѣ; и всѣми движеніями и пѣніемъ высказывали, какую радость доставили имъ слова Франческо. И не разлетѣлись раньше, чѣмъ онъ не благословилъ ихъ.

А Франческо радовался самъ и говорилъ, что такъ и они должно быть подобны птицамъ: не имѣть ничего своего, быть свободными и, переходя изъ страны въ страну, повсемѣстно пѣть хвалу Творцу, какъ истинные трубадуры Божіи.

Такъ и поступалъ Франческо, какъ говорилъ; и много хвалебныхъ пѣсенъ слагалъ онъ, подобно птицѣ, во славу Творца; и всякую отдавалъ или отсылалъ Кьярѣ, которую звалъ «любимымъ растеніемъ своимъ» и «чистой Божьей травкой».

Она же заучивала пѣсни его наизусть и пѣла съ сестрами во время служенія.

Еще какъ-то увидѣлъ Франческо, что пастухъ ведетъ на убой двухъ барашковъ. Ему стало жаль ихъ, и онъ выкупилъ ихъ у пастуха, говоря:

— Эти со́лиди я собралъ для милостыни, но, чтобы спасти жизнь двумъ созданіямъ Божіимъ, развѣ не слѣдуетъ отдать нѣсколько серебряныхъ кружочковъ?

И взялъ барашковъ и отвелъ ихъ въ Санъ-Даміано. Кьяра и сестры очень утѣшились этимъ! Когда же пришло время снять съ нихъ шерсть, то Кьяра своими руками спряла ее и соткала Франческо одежду, которую онъ носилъ изъ любви къ ней.

Иногда Франческо призывалъ Кьяру въ Порціункулу, и за скромной трапезой они забывали о пищѣ земной, вкушая пищу духовную.

* * *

Такъ проходили годы, и уже тринадцать разъ смѣняла весна суровую зиму, что такъ жила Кьяра.

Много за это время исходилъ странъ Франческо, трубадуръ Божій; она же оставалась въ Санъ-Даміано. За монастыремъ, на самомъ верху скалы, было какъ бы маленькое возвышеніе, откуда далеко было видно все кругомъ. Тамъ Кьяра устроила себѣ цвѣтникъ, гдѣ разводила

гвоздику, левкои, лаванду, размаринъ и другіе пріятные цвѣты и полезныя травы. Когда же на закатѣ солнца она выходила поливать цвѣты, то видѣла, какъ солнце освѣщало стѣны Порціункулы, и онѣ были озарены розовымъ небеснымъ сіяніемъ, чистымъ, какъ любовь ея.

* * *

Когда Франченко совершилъ большое свое путешествіе въ Св. Землю, Египетъ и Сирію, проповѣдуя невѣрнымъ слово Христово и многихъ обращая, то разнесся слухъ о его смерти. И одна только Кьяра не вѣрила этому и знала, что еще увидитъ его. Франческо же, узнавъ объ этомъ слухѣ, сѣлъ на корабль и черезъ Венецію вернулся на родину. Но много засталъ онъ тамъ дурного. Въ его отсутствіе братство его стало не такимъ, какъ онъ хотѣлъ его сдѣлать. Дома и монастыри вырастали, братья начинали откладывать полученныя деньги; присоединялись къ нимъ тунеядцы. Одна Кьяра непоколебимо хранила завѣты Франческо и соблюдала обѣтъ нищеты, трудолюбія и смиренія. Но видѣлъ Франческо, какъ бы воскресшій изъ мертвыхъ богачъ, какъ расточаютъ невѣрные наслѣдники завѣщанныя имъ сокровища—свободу и небесную нищету; какъ они мѣняютъ ихъ на алчность, чревоугодіе и гордость другихъ толстыхъ слугъ сатаны, носящихъ монашескую

рясу, волковъ подъ личиной овецъ. И онъ своими руками хотѣлъ разрушить новые дома и кельи монастыря, какъ нѣкогда этими же руками строилъ храмы Божіи. Но уже руки его не были такъ сильны, и онъ сложилъ съ себя начало надъ братіей и самъ назначилъ себѣ преемника, а себя назвалъ младшимъ изъ братьевъ.

Самъ же онъ сталъ вести жизнь отшельническую и удалился на гору Альверніумъ, между истоками Тибра и Арно, отданную ему графомъ Орландо Кіузи изъ замка Монтефельтро. Тамъ находился онъ въ непрестанномъ общеніи съ Богомъ и даже получилъ св. стигматы,—такъ слился онъ со страданіями Христа.

Неподалеку отъ него, но такъ, чтобы не слышать его голоса, оставались трое изъ братій; самъ же онъ жилъ въ полномъ уединеніи, въ каменной пещерѣ, среди темныхъ сосенъ и ярко-зеленыхъ буковъ, вѣтви которыхъ производили шумъ торжественный и важный, подобно церковному пѣнію. Каждое утро будилъ его скрипымъ крикомъ своимъ и ударами крыльевъ братъ соколъ, которому онъ позволялъ входить въ пещеру и кормилъ его хлѣбными крохами. Соколъ этотъ напоминалъ ему о часѣ утренней службы; когда же Франческо былъ слабъ или боленъ, соколъ, подобно существу сострадательному и скромному, будилъ его позже. Только братъ

Ліоне приходилъ къ нему по утрамъ, принося ему немного хлѣба и воды, и спрашивалъ его: «Отецъ, отверзи уста мои?» И если получалъ отвѣтъ, то помогалъ ему служить обѣдню; церковью же для нихъ былъ лѣсъ сосенъ и буковъ; пѣвчими—птицы, которыхъ тамъ было великое множество; и у ногъ ихъ цвѣли буквицы, анемоны и генціаны, и внимали ихъ служенію.

Но чаще фра Ліоне заставалъ Франческо погруженнымъ въ такую задумчивость, что не получалъ отвѣта на свой вопросъ, и тогда благоговѣйно удалялся, зная, что Франческо не на землѣ.

* * *

Въ то время, хотя Франческо было немногимъ болѣе 40 лѣтъ, почувствовалъ онъ, что земной путь его оконченъ, и рѣшилъ спуститься съ горы, съ которой простился трогательно, говоря:

— Я разстаюсь съ вами; храни васъ Богъ! Храни тебя Богъ, гора Альверніумъ, гора Ангеловъ, дорогая моя! храни тебя Богъ, дражайшій братъ мой соколъ! Благодарю тебя за всю твою любовь и попеченіе обо мнѣ. И тебя храни Богъ, скала; благодарю, что въ нѣдрахъ своихъ укрывала меня отъ искушеній; всѣхъ васъ храни Богъ!

Потомъ сѣлъ онъ на осла, такъ какъ былъ

очень слабъ и уже ходить не могъ; и его повезли черезъ Монте Акуто и Монте Аркоппе и Форесто. Когда же еще можно было хорошо видѣть вершину Альверно, онъ опять остановился и еще простился съ нею, говоря:

— Храни тебя Богъ, гора святая! Mons coagulatus, mons in quo bene placitum est Deo habitare! Никогда мы болѣе не увидимся!

Ибо онъ зналъ, что разстается съ жизнью. Послѣ этого рѣшилъ онъ повидаться съ Кьярой и прожилъ въ Санъ-Даміано два мѣсяца, ибо тамъ сильно заболѣлъ. Особенно страдали глаза его, и въ теченіе дней 15 слѣпота его была такова, что онъ ничего не видѣлъ; но не жаловался и все бралъ двѣ вѣтки, одну держалъ какъ віолу, а другую какъ смычокъ, и импровизировалъ такія вдохновенныя пѣсни, что слушавшимъ казалось, будто дѣйствительно слышатъ музыку.

Кьяра устроила ему бесѣдку въ саду, такъ какъ время было лѣтнее, и тамъ онъ жилъ. Она же лѣчила его и ходила за нимъ, и бесѣдами заставляла забыть о недугѣ, и была ему подобно солнечному лучу въ темнотѣ. Иногда онъ плакалъ и говорилъ ей, что это отъ полноты счастья.

Какъ-то разъ, сидя за трапезой, онъ не прикасался къ пищѣ и молчалъ. Кьяра, заботливо слѣдившая за нимъ и принесшая ему

плодовъ и чистаго меду, встревожилась и спросила, отчего онъ не вкушаетъ пищи?

— Да будетъ похваленъ Господь!—воскликнулъ Франческо.—Слушай, сестра моя!

И только-что одухотворилъ его Господь, и онъ сталъ говорить:

— Творецъ великій, вѣчный, всемогущій въ
Тебѣ почетъ, Тебѣ—благодаренья. небесахъ!
Передъ Тобой склоняемся во прахъ.
Съ смиреннымъ славословьемъ на устахъ:
Хвала Тебѣ за всѣ Твои творенья!
За брата Солнце первая хвала!
Его Твоя десница намъ дала,
Чтобы земную освѣщать обитель.
Оно даетъ намъ день, оно даритъ тепло,
Оно блестяще, пышно и свѣтло;
Оно—Твой символъ, Вседержитель.
И за сестру Луну еще Тебѣ хвала!
Она весьма чиста, прекрасна и свѣтла.
И за сестеръ—небесныхъ Звѣздъ, несмѣтныхъ,
Сверкающихъ, невинныхъ, самоцвѣтныхъ.
И за тебя, о Вѣтеръ, вольный братъ!
Хвала за все, что намъ дарятъ
Свободный воздухъ, свѣжій дождь и тучи.
И за тебя хвала, Вода, моя сестра!
Ты такъ чиста, скромна, полезна и мудра.
И за тебя, мой братъ, Огонь могучій,
Ты такъ красивъ, силенъ и веселъ такъ,
И ярко ночи освѣщаешь мракъ.
И за тебя, сестра и мать Земля, съ плодами,
И травами, и пестрыми цвѣтами,

За то, что носишь и питаешь насъ.
За это все вы славу воздавайте,
Хвалу Творцу смиренно воспѣвайте
Всегда, вездѣ и всякій часъ!

Такъ пѣлъ Франческо, слѣпой, о солнцѣ и цвѣтахъ; и кругомъ него всѣ забыли о трапезѣ и слушали, поднявъ очи и воздѣвъ руки къ небу; Кьяра же припала къ его рукамъ и обливала ихъ слезами въ умиленіи восторга; и казалось ей: еще немного—и душа ея не выдержитъ этой сладости и покинетъ тѣло.

* * *

Вскорѣ послѣ этого онъ простился съ Кьярой, обѣщавъ еще побывать въ Санъ-Даміано, но взявъ съ нея обѣщаніе именемъ святого послушанія, что сама она въ Порціункулу безъ его зова не придетъ. Кьярѣ больно это было, но она привыкла повиноваться ему безпрекословно. Онъ же сдѣлалъ это потому, что былъ не только кротокъ, но и мудръ, и опасался, что при видѣ смерти его, про которую зналъ, что она близка, Кьяра не выдержитъ, и горе ея соблазномъ наполнитъ многія души.

И тихо сталъ угасать Франческо. Не противился стараніямъ братьевъ, совѣтовавшихся съ арабскими и еврейскими врачами; позволялъ мучить себя прижиганіями раскаленнымъ желѣзомъ и только, кротко улыбаясь, говорилъ:

— Много я въ жизни прегрѣшилъ противъ брата моего, тѣла земного; мучилъ и изнурялъ его; пора ему отдохнуть!

И сочинялъ хвалебныя пѣсни, полныя любви и посылалъ ихъ Кьярѣ, и еще обѣщалъ, что прибудетъ въ Санъ-Даміано, чтобы она его ждала. Кьяра же каждый день подолгу стояла въ своемъ цвѣтникѣ, закрывъ глаза рукою отъ солнца, и все смотрѣла на дорогу изъ Порціункулы: не ѣдетъ ли онъ?

А Франческо былъ бодръ и радостенъ и съ пѣніемъ шелъ навстрѣчу Смерти, повторяя свой гимнъ Солнцу. Но какъ-то очень захотѣлось ему звуковъ музыки, и онъ попросилъ фра Пачифико, бывшаго въ міру трубадуромъ и даже отъ короля увѣнчаннаго вѣнцомъ «царя стихотворцевъ», достать віолу и сыграть ему. Но фра Пачифико усомнился, не вызоветъ ли это удивленіе, что, готовясь къ смерти, вмѣсто молитвъ и слезъ, будетъ слушать Франческо музыку. И хотя душа Франческо алкала и жаждала звуковъ музыки, какъ голодный пищи, онъ быстро отказался отъ своего желанія. Но въ эту же ночь явился ему ангелъ съ длинными бѣлыми крыльями, въ золотой одеждѣ, такъ что въ темной кельѣ стало свѣтло. И волосы у ангела были похожи на золотыя нити, а на одеждѣ цвѣли живыя розы и сверкали тысячи звѣздъ.

И въ одной рукѣ ангелъ держалъ віолу, а въ другой—смычокъ, и игралъ онъ Франческо всю ночь до зари такъ сладко и дивно, что ему казалось, будто онъ въ раю.

* * *

На другой день прибыла изъ Рима почтенная престарѣлая мадонна Якона ди-Сеттесоли, со своими двумя сыновьями-сенаторами и со свитой. Она привезла Франческо все, что нужно для положенія во гробъ, и пріятнаго прохладительнаго питья, которымъ когда-то въ Римѣ утишала его горячку. Она усладила его послѣднія минуты, и ей же онъ вручилъ, чтобы передать Кьярѣ, послѣднее свое письмо, гдѣ слалъ ей свое благословеніе и просилъ продолжать во имя и въ память его жить и трудиться въ чистотѣ, бѣдности и смиреніи.

Потомъ попросилъ, чтобы опять спѣли его гимнъ солнцу; но когда фра Анджело дошелъ до славословія, онъ остановилъ его и прибавилъ:

—Хвала и за сестру—земную Смерть,
Которой избѣжать никто не можетъ.
О, горе тѣмъ, кто во грѣхѣ погрязъ;
Но счастливъ тотъ, кто жилъ въ святой Господней волѣ:
Вторая Смерть его не устрашитъ ужъ болѣ.

Улыбнулся ангельской улыбкой и сказалъ:

— Привѣтъ, привѣтъ тебѣ, сестра моя Смерть!

Потомъ въ послѣдній разъ пожелалъ слабѣющими руками преломить хлѣбъ со своими братьями и благословилъ всѣхъ. И мракъ спустился на тѣлесныя очи его, и земное сознаніе стало покидать его,—и рука тщетно искала благословить ту, которой съ нимъ не было.

Когда же Франческо испустилъ послѣдній вздохъ, что было въ ночь съ субботы на воскресенье 4-го октября 1226-го года, тогда безчисленное множество ласточекъ, которыя, какъ всѣмъ извѣстно, никогда не поютъ послѣ заката солнца, опустились на крышу его кельи и пѣли и щебетали сладкогласно, какъ бы отпѣвая брата, любившаго сестеръ своихъ ласточекъ.

* * *

На другой день послѣ кончины его толпы народа пришли, чтобы съ великою торжественностью перенести гробъ съ тѣломъ Франческо въ Ассизы, но по пути остановились въ Санъ-Даміано, согласно послѣдней волѣ усопшаго.

Такъ Франческо исполнилъ обѣщаніе, данное имъ Кьярѣ, еще побывать въ Санъ-Даміано.

Какъ испуганныя голубки вышли сестры ко гробу того, кто былъ ихъ свѣтомъ и пастыремъ, и обливали его слезами. И вышла Кьяра, величавая въ своей нѣмой скорби, и подошла къ нему, но тутъ силы оставили ее, и она упала

на грудь его и прильнула первымъ и послѣднимъ поцѣлуемъ къ холоднымъ устамъ того, кто былъ ей дороже міра, и такъ прощалась съ нимъ, съ такими словами и рыданіями, что никто не могъ безъ слезъ смотрѣть на это, но она не видала ничего и никого.

* * *

Кьяра осталась по завѣту Франческо жить и продолжать его труды, во имя и въ память его.

И подобно тому, какъ за яркимъ и сіяющимъ солнцемъ слѣдуетъ прекрасная и нѣжная луна, такъ нельзя произнести имени Франческо, ставшаго святымъ по волѣ народа и его святѣйшества папы Григорія IX-го, не назвавши при этомъ имени святой Кьяры.

И имена ихъ нераздѣлимы такъ же, какъ, вѣрно, неразлучны ихъ души въ обители райскаго блаженства, гдѣ святые праведники и чистыя дѣвы подъ звуки арфъ и лютней, славятъ небесную Любовь въ вѣчно цвѣтущихъ райскихъ садахъ.

О томъ, какъ Франческо Бернардоне пристыдилъ прекрасную блудницу и вернулъ душу ея святой любви.

Было это въ то время, когда одушевленные пламенемъ желаніемъ послужить Богу, пятеро братьевъ меньшихъ, Бернардо, Пьетро, Аккурсій, Оттонъ и Адъютусъ отправились проповѣдывать слово любви невѣрнымъ и приняли мученическую кончину въ Марокко. Франческо Бернардоне, отпустившій братьевъ своихъ, какъ пять голубей, изъ зеленой Умбріи за моря въ края, гдѣ не знали Христа, сильно скорбѣлъ о постигшей ихъ участи; особенно жаль ему было совсѣмъ юнаго Пьетро. Но вмѣстѣ съ тѣмъ невольно и завидовалъ имъ, болѣе доказавшимъ великую любовь свою къ Богу, чѣмъ онъ—такъ онъ думалъ. И рѣшилъ тоже послѣдовать ихъ примѣру, и нести священный хлѣбъ любви небесной не только любимымъ дѣтямъ, но и чужимъ, помня, что нѣтъ заслуги любить того кто любитъ насъ.

Однако, не удалось Франческо запечатлѣть свою проповѣдь кровью. Куда ни являлся онъ—всюду рядомъ съ нимъ шли Любовь и Чистота; кто взглядывалъ въ глаза ему—тотъ забывалъ грѣшныя и кровожадныя мысли; и кто начиналъ говорить съ нимъ—не могъ дурно окончить свою рѣчь.

Возлѣ Даміетты пробылъ Франческо много времени, переходя изъ лагеря крестоносцевъ безбоязненно въ лагерь сарациновъ, и тамъ и тутъ уговаривалъ онъ не проливать крови; и многіе проникались его ученіемъ, и присоединялись къ великой семьѣ «меньшихъ братьевъ». Самъ Египетскій Суданъ милостиво принялъ его и много бесѣдовалъ съ нимъ о вѣрѣ, и далъ ему указъ за своей печатью, чтобы его безпрепятственно и безъ помѣхъ допустили въ Святыя мѣста. Но когда все же прибывшія войска осадили Даміетту, и городъ охватили, какъ пожаръ, ужасы войны и великія бѣдствія, и трупы побѣжденныхъ и побѣдителей валялись по улицамъ, схватившись въ тѣсномъ объятіи, а чума свирѣпствовала и уносила немногихъ, оставшихся въ живыхъ—кроткій голосъ Франческо уже не былъ слышенъ, какъ неслышенъ зовъ одинокаго пловца во время бури. Тогда онъ покинулъ Даміетту и пошелъ дальше. Гдѣ—моремъ, когда изъ милости брали его на палубу

капитаны галеръ; гдѣ—пѣшкомъ, а гдѣ—на верблюдѣ, если добросердечный вожатый предлагалъ его довести съ караваномъ. И такъ онъ обходилъ горы и моря со своею проповѣдью, то поучалъ кочевыхъ бедуиновъ, раскинувшихъ звѣздной ночью шатеръ въ свѣжемъ оазисѣ, то—бенедиктинскихъ монаховъ Черной горы близъ Антіохіи, то жителей пышнаго Дамаска. Посѣтилъ онъ, по давнишнему горячему желанію своему и Святыя мѣста. Видѣлъ онъ Виѳлеемъ, гдѣ родился Спаситель міра, и со слезами умиленія преклонилъ колѣна подъ оливами Геѳсиманскаго сада; исходилъ всѣ берега Генисаретскаго озера, и всюду душа его переполнялась любовью къ своему Учителю, и ему казалось не разъ, что кто-то тихій шествуетъ рядомъ съ нимъ незримо по выжженнымъ солнцемъ дорогамъ Палестины.

Такъ, полный небесной любви, пришелъ онъ въ Сирію, гдѣ въ Акрѣ долженъ былъ сѣсть на корабль, отплывающій въ Венецію.

Акра была мѣстомъ весьма шумнымъ и многолюднымъ, ибо соединяла весь Востокъ съ Италіей; многія тысячи галеръ и торговыхъ кораблей приходили въ гавань Акры и уходили изъ нея ежегодно; крестоносцы, торговцы невольниками, искатели славы или золота, трубадуры, бѣглые рабы, пилигримы—стекались туда со

всѣхъ четырехъ вѣтровъ. И цвѣтные и бѣлые паруса, и знамена всѣхъ странъ развѣвались надъ синимъ моремъ въ гавани.

Корабль уходилъ рано утромъ, и Франческо рѣшилъ зайти въ первую попавшуюся харчевню, чтобы утолить голодъ кускомъ хлѣба и переночевать.

Онъ вошелъ въ просторную комнату съ земляннымъ поломъ, посрединѣ котораго на сложенныхъ въ видѣ очага каменныхъ плитахъ горѣлъ огонь и на немъ жарился молодой барашекъ. Кромѣ того, въ комнатѣ были скамьи и столы. И было тамъ нѣсколько человѣкъ, которые уже собирались уходить съ шумомъ и весельемъ; между ними были и женщины.

Франческо попросилъ хлѣба и сѣлъ въ сторонѣ; хозяинъ же, бывшій христіаниномъ, принесъ ему козьяго молока, и сыра, и оливокъ, и радушно предложилъ святому брату подкрѣпиться и отдохнуть.

Франческо не зналъ, что харчевня эта славится въ Акрѣ, такъ какъ содержалъ ее венеціанецъ, бывшій когда-то на службѣ у графовъ Триполійскихъ и умѣвшій замѣчательно приготовлять рисъ съ шафраномъ, краснымъ перцемъ и мясомъ молодыхъ козлятъ, такъ что послѣ этого рису жажда мучила человѣка, какъ грѣшника въ аду, и онъ могъ бы выпить все море, если бы

оно было наполнено Дамасскимъ виномъ. Наживъ деньги, венеціанецъ, котораго звали Чекко, ушелъ отъ графа, уѣхалъ въ Акру и тамъ открылъ свою харчевню. И у него были служанки, умѣвшія угодить гостямъ, и простымъ морякамъ и воинамъ, и знатнымъ рыцарямъ. За простою комнатой у него были красиво убранные покои, куда и принцы и графы не гнушались приходить смотрѣть на пляски негритянокъ съ золотыми кольцами въ носу, глотающихъ огонь, или стройныхъ женщинъ Іемена, сгибающихся такъ, что у нихъ голова сходилась съ пятками, или египтянокъ съ кожей цвѣта шафрана и голубыми цвѣтами въ волосахъ.

Франческо же не зналъ этого, и спокойно сидѣлъ, задумавшись, и не замѣтилъ, что понемногу всѣ ушли, осталась только въ углу женщина, плотно закутанная въ свѣтло-синій плащъ, подобный тѣмъ, въ какихъ сирійскія дѣвушки ходятъ къ водоемамъ; и хотя уходившіе звали ее съ собою, она только покачала головою, и осталась сидѣть тихо и не шевелясь. Она сидѣла, положивъ на столъ и подперевъ руками подбородокъ, и смотрѣла на Франческо. Лица ея не было видно, потому что плащъ закрывалъ ее всю. Только видно было, какъ глаза ея блестѣли.

Она вдругъ встала, подошла къ Франческо

и остановилась передъ нимъ. И тронула его рукой за плечо, видя, что онъ не смотритъ на нее.

Тогда онъ поднялъ глаза и увидалъ, что она стройна и высока. При каждомъ движеніи отдѣлялось отъ нея тонкое благоуханіе, и казалось будто дуновеніе вѣтра долетало къ Франческо изъ апельсинныхъ рощъ и розовыхъ садовъ.

— Кто ты, женщина?..—коротко спросилъ ее Франческо.

— Я—Аэлисъ, то-есть такъ звала меня когда-то мать въ далекой Франціи, но здѣсь зовутъ меня—Линда-Райя, что значитъ—«красивый цвѣтокъ»,—сказала женщина.—И я очень красива.

Тогда она сбросила закрывавшій ее плащъ, и осталась въ одеждѣ такой роскошной, что странно было видѣть ее въ бѣдной харчевнѣ, а казалось, что она вышла изъ пышнаго дворца мавританскаго халифа.

Она была тонка и гибка. Въ темныхъ волосахъ ея, заплетенныхъ въ тяжелыя косы, свѣтились красноватыя нити, какъ бы темной мѣди, подобно тому, какъ въ часъ заката облиты красноватымъ свѣтомъ темные стволы кедровъ въ Ливанскихъ лѣсахъ. Глаза ея были глубоки, какъ горныя озера, и казались совсѣмъ черными, но когда она наклонилась близко къ Франческо,

онъ различилъ, что они такого синяго цвѣта, какъ море у береговъ Капреи. Ея стройныя руки были унизаны перстнями и украшены запястьями, а на каждой ногѣ, немного выше узкой щиколотки, надѣты были золотыя змѣи, обвивавшія ногу до бедра. Легкая тирская ткань, шитая золотомъ, облекала ея станъ. Нѣжная грудь ея была надушена мускусомъ, а въ темныхъ косахъ, пониже маленькихъ розовыхъ ушей, краснѣли цвѣтки гранатъ.

Аэлисъ была одною изъ толпы дѣтей, что подобно стаѣ ласточекъ пустились за море, нашивъ на одежду красные кресты, въ жаждѣ способствовать своими слабыми руками освобожденію святыни Господней. Многія тысячи дѣтей, покидая любимыхъ матерей, одушевленныя божественнымъ безуміемъ, отправились тогда въ крестовый походъ. И погибли почти всѣ: кто отъ болѣзней, кто отъ лишеній, а самыя красивыя и сильныя дѣти проданы были въ рабство тѣми самыми людьми, которые увлекли ихъ именемъ Христа.

Аэлисъ продана была въ рабство старому графу Толозскому и сумѣла заслужить его ласку. Она такъ плясала «Побѣду любви», что господинъ ея, умирая, далъ ей свободу, ларецъ, полный золотыхъ базантовъ, и двухъ нубійскихъ рабынь въ придачу.

Все это разсказала Аэлисъ Франческо и прибавила:

— Теперь—я свободна.

— На что же ты употребляешь свою свободу?.. тихо спросилъ Франческо.

Аэлисъ засмѣялась такъ, что зубы ея заблестѣли, и сказала:

— Пойдемъ со мною, и ты это увидишь.

И она взяла его за руку, а онъ покорно послѣдовалъ за нею. Она же вела его черезъ низенькую потайную дверь по темному сводчатому коридору.

И вдругъ онъ увидѣлъ внутренній дворикъ, посреди котораго былъ водоемъ, весь выложенный искусно составленными кусочками цвѣтного мрамора, а изъ четырехъ угловъ его били четыре струи воды, разсыпаясь въ воздухѣ мелкой пылью. По краямъ водоема стояли вазы, въ которыхъ росли душистые цвѣты. Надъ водоемомъ наклонялась плакучая ива, а остальное пространство засажено было цвѣтущими миртами, жасминомъ и розовыми кустами; стѣны же были выкрашены въ бѣлыя и желтыя полосы. Нѣсколько арокъ, вырѣзанныхъ вверху въ видѣ подковъ, вели во внутренніе покои.

Въ одинъ изъ этихъ покоевъ Аэлисъ ввела Франческо по мраморнымъ ступенямъ. И тамъ былъ небольшой фонтанъ посреди, по стѣнамъ

же стояли низкія ложа, устланныя сарацинскими коврами. Въ углу стояла курильница и съ нея поднималась тонкая струя благовонія и завивалась въ воздухѣ такими же причудливыми завитками, какими были украшены стѣны покоя. На полу лежали египетскія цыновки, потолокъ же былъ сдѣланъ въ видѣ улья съ тысячами цвѣтныхъ ячеекъ, пестрый и золотистый какъ бы весь изъ множества крыльевъ бабочекъ.

— Намъ никто не помѣшаетъ здѣсь...—сказала Аэлисъ.—Покой этотъ—мой, я плачу за него Чекко, и Чекко—мой вѣрный рабъ. Я ухожу сюда, когда мнѣ наскучитъ мой домъ. Ты знаешь, я очень богата. Рыцари и графы осыпаютъ меня золотомъ, и я могу, если захочу, цѣлые дни лежать у себя на подушкахъ и дѣлать ожерелья и цѣпи изъ цвѣтовъ жасмина и украшать ими себя. Но мнѣ иногда становится скучно, и я ухожу къ Чекко. И рыцари и графы тоже скучны мнѣ. А ты мнѣ нравишься. У тебя мягкіе волосы... Ты вѣрно очень добрый. И у тебя прекрасные глаза... И ты ими смотришь такъ... такъ, какъ-будто я не женщина, которую ты встрѣтилъ въ притонѣ разгульныхъ моряковъ, а знатная и чистая графская дочь.

— Я смотрю на тебя и вижу, что ты прекрасна, опять тихо сказалъ Франческо.

Аэлисъ засмѣялась и протянула къ нему руки.

— Правда, я прекрасна... Кожа моя нѣжна, какъ лепестки миндальныхъ цвѣтовъ, потому что я каждый день умащаю ее семсеномъ, розовой водой и роснымъ ладаномъ. Волосы мои благоухаютъ и уста тоже. Ты слышалъ о гуріяхъ Магомета... У нихъ глаза чикарры [1]) и волосы темнѣе пчелиныхъ крыльевъ. Но я прекраснѣе ихъ.

И дѣйствительно, между Аэлисъ и другими женщинами была такая разница, какъ между луннымъ свѣтомъ, озаряющимъ праздникъ юности, и мерцающимъ свѣтомъ лампы, отражающимся въ темной поверхности водоема.

Она упала на ложе и простирала объятія Франческо.

Онъ же взглянулъ на нее сіяющими, какъ у ангела глазами, и отвѣтилъ ей:

— Я согласенъ любить тебя, но только это ложе не нравится мнѣ. Пойдемъ со мной, я выберу другое ложе, красивое, блестящее, и болѣе достойное такой прекрасной женщины, какъ ты.

Съ этими словами онъ взялъ ее за руку и изумленную повелъ за собой опять въ ту комнату, гдѣ они раньше были. И подвелъ онъ ее къ очагу, на каменныхъ плитахъ котораго горѣлъ

---

[1]) Антилопы.

огонь, и скинулъ съ себя плащъ, и бросился въ огонь на раскаленныя плиты, и сказалъ ей:

— Иди же сюда, рядомъ со мной, на это прекрасное, мягкое ложе.

И оставался такъ со спокойнымъ, радостнымъ лицомъ, долго, пока Аэлисъ не пришла въ себя и не бросилась съ крикомъ передъ нимъ на колѣни, умоляя его пощадить себя.

И поцѣловала ему руку, какъ святому.

И такъ сокрушилась въ сердцѣ своемъ и раскаялась, что вскорѣ стала великой святой... Много душъ спаслось черезъ нее въ этой странѣ, сама же она раздала все свое неправедно нажитое богатство бѣднымъ, и окончила дни свои весьма благочестиво въ Монъ-Кармельской обители.

Сказаніе о святой Маргаритѣ кортонской.

Въ селеніи Альвіано, на берегу Тразименскаго озера, жилъ небогатый крестьянинъ. Онъ воздѣлывалъ свой виноградникъ, имѣлъ нѣсколько овецъ и козъ, а кромѣ того ловилъ рыбу въ озерѣ, и жилъ безбѣдно и былъ доволенъ своей жизнью, благодаря за нее Господа, особенно когда замокъ на горѣ пустѣлъ и ленный господинъ Альвіано былъ въ отъѣздѣ. Лучшимъ же богатствомъ его была его дочь, Маргарита. Господь одарилъ ее такой несравненной красотой, что она могла бы поспорить съ любой королевской дочерью. Когда въ жаркій майскій полдень сидѣла она въ тѣни сѣдыхъ оливъ на камнѣ, кругомъ котораго росли пахучая мята, тминъ и очеретъ и, присматривая за своими ягнятами, чинила сѣти или плыла по озеру въ челнокѣ, напѣвая пѣсни, держа весла въ стройныхъ рукахъ, взмахивая ими мѣрно, точно крыльями, или гнулась подъ тяжестью вязки хвороста, которую несла изъ лѣсу на топливо,

она была одинаково прекрасна, и проходившіе и проѣзжавшіе мимо Альвіано путники, направлявшіеся въ Кьюзи, или богатый Перуджіо, останавливались и заглядывались на нее. Но Маргарита была очень скромна и знала, какъ надлежитъ себя вести, даже болѣе чѣмъ подобало крестьянской дѣвушкѣ. А было это вотъ почему: близъ Перуджіи, на холмѣ Монте-Люче, при церкви Мадонны того же имени, находилась обитель благочестивыхъ монахинь, среди которыхъ въ молитвѣ и трудѣ кончала свое земное странствіе престарѣлая родственница Маргариты, мать Конкордія. И каждый разъ, когда отецъ посылалъ Маргариту на рынокъ въ Перуджію съ корзинами плодовъ или рыбы, или съ бѣлой овечьей шерстью, или свѣжими сырами, на которые былъ большой спросъ въ городѣ, она заходила въ монастырь. Выходила она обычно на разсвѣтѣ, едва начиналъ розовѣть краій неба тамъ, гдѣ оно сходится съ землею, и пробуждались птицы въ листвѣ, а возвращалась, когда тѣни отъ черныхъ кипарисовъ падали еще совсѣмъ прямо, но успѣвала и выстоять мессу, и зайти къ своимъ любимымъ сестрамъ. Она всегда приносила имъ или душистыхъ оливокъ, или кусокъ янтарнаго масла, завернутые въ виноградные листья, или цвѣтовъ изъ своего сада; добрыя же монахини взамѣнъ этихъ да-

овъ давали ей цвѣты своей мудрости; онѣ учили
е читать по Библіи, и пѣть лауды, и писать,
прясть тонкую пряжу, и шить шелками; и
акже учили ее обхожденію, приличествую-
цему скорѣе баронской дочери или по крайней
ѣрѣ дочери богатаго горожанина, чѣмъ бѣд-
ой дѣвушкѣ. Но монахини часто шептались
ежду собою, что Маргарита отмѣчена перстомъ
Божіимъ, такъ легко дается ей все, чему ее обу-
аютъ, и такъ богато одарена ея душа, и такъ
орделиво-цѣломудренна она.

И какъ ни затрагивали ее веселые юноши,
то ни шептали ей старые купцы съ бѣгающими
лазами, когда она возвращалась домой, неся
а головѣ пустыя корзины, она умѣла прохо-
ить, опустивъ глаза, но такъ гордо, будто на
оловѣ ея, вмѣсто тростниковой корзины или
линянаго кувшина, который она поддержи-
ала одной рукой, была надѣта золотая корона.
акъ она оберегала свою дѣвичью чистоту. Къ
ому же она была просватана за сына ихъ со-
ѣда, молодого Джіо, и ждали только, когда
й минетъ шестнадцать лѣтъ, чтобы отпразд-
ать свадьбу.

И вотъ этотъ день насталъ, и Маргариту вы-
али замужъ за Джіо. Но когда сыграли свадьбу
молодежь веселилась съ пѣснями и плясками,
рубя въ рога и закидывая другъ друга цвѣ-

тами и шариками изъ сладкой муки, господин
изъ замка потребовалъ, чтобы сейчасъ же посл
вѣнца новобрачную прислали къ нему, так
чтобы она провела первую ночь послѣ брака
него. Иногда можно было откупиться отъ нег
деньгами, но тутъ онъ не захотѣлъ и слышат
объ этомъ. Когда отецъ Маргариты пришел
кланяться и предлагалъ ему на выкупъ за нее вс
золото, которое онъ могъ собрать, онъ тольк
засмѣялся и сказалъ ему:

— Напрасно просишь, старикъ: за таку
красавицу мало золота со всей вашей деревн

Былъ онъ безобразенъ и свирѣпъ такъ, чт
его за глаза прозывали «дикимъ вепремъ»;
слово его было закономъ, потому что жизн
всякому была дорога. Но Маргарита этого не
ренести не могла, и когда сказалъ ей отец
что́ ее ожидаетъ, она кинулась къ молодом
мужу и стала молить:

— Не отдавай меня Джіо, не отдавай мен
на терзаніе: лучше убей меня!

Но Джіо стоялъ растерянный, низко опуст
голову, ибо помнилъ онъ, что господинъ ег
имѣлъ право повѣсить его, сжечь или продер
жать въ тюрьмѣ сколько угодно, отдавая в
этомъ отчетъ одному Богу... И Маргариту от
вели къ рыцарю.

Когда Маргарита вернулась изъ замка, с

никто не узналъ: лицо ея было бѣло какъ у мертвой, губы крѣпко сжаты, а въ темныхъ волосахъ надъ лѣвымъ вискомъ появилась сѣдая прядь—словно выпавшій въ вешнюю ночь снѣгъ, губящій первые цвѣты. И никто больше въ домѣ не слыхалъ ея пѣсни или звонкаго смѣха. А когда Джіо узналъ, что у нея будетъ ребенокъ, и радовался и просилъ, чтобы она родила ему сына—она только взглянула на него такъ, какъ бы ударила кинжаломъ, и сказала:

— А почемъ ты знаешь, чей это будетъ сынъ?

Когда ребенокъ родился, Маргарита плакала надъ нимъ цѣлыя ночи, въ то время, какъ всѣ спали крѣпкимъ сномъ, наработавшись за день: и ребенокъ все плакалъ и скоро умеръ—а старая знахарка Мартина говорила, что это потому, что у матери молоко было горькое, какъ полынь.

Послѣ этого вскорѣ прислали изъ замка, чтобы привести Маргариту на работу въ рыцарскій дворъ. Она сказала: «Хорошо». И ушла,—и въ домѣ всѣ думали, что она пошла въ замокъ. Но черезъ два дня за ней опять прислали, и оказалось, что въ замокъ такъ она и не приходила; и куда скрылась—никто не зналъ, только Мартина говорила сосѣдкамъ, что она видно продала душу дьяволу, и это онъ ее такъ безслѣдно спряталъ.

Маргарита тѣмъ временемъ рѣшила уйти совсѣмъ, покинуть родную деревню и мужа, который не могъ уберечь ее отъ «дикаго вепря». Она думала, что все равно: лучше умереть, чѣмъ провести еще одну ночь въ замкѣ. Ибо теперь она уже знала, что́ ждетъ ее за крѣпкими стѣнами замка, изъ-за которыхъ не слышно было стоновъ и воплей,—въ мрачныхъ покояхъ, куда никто не смѣлъ войти безъ приказанія рыцаря...

Въ Перуджію она не пошла, такъ какъ понимала, что ее будутъ прежде всего искать въ монастырѣ и что монахини должны будутъ выдать ее мужу. Потому она пошла въ другую сторону—наудачу. И долго шла. Ночевала въ полѣ, подъ кустами, питалась шелковицей и дикими сливами, и ключевой водой. А наутро пришла въ большой городъ, стѣны котораго горѣли на солнцѣ; и протянулись передъ нею большія, широкія улицы, окаймленныя садами и роскошными дворцами. Когда она спросила у женщины, черпавшей воду изъ фонтана, что это за городъ—та засмѣялась ея незнанію, и сказала: «Феррара!»

Тамъ Маргарита и осталась, зная, что въ Феррарѣ она въ безопасности, такъ какъ городъ принадлежитъ дому д'Эсте, и другіе не имѣли надъ нимъ власти. Скитаясь по незнакомому городу, она почувствовала голодъ. Ди-

кихъ сливъ тутъ уже не было, и Маргарита стала стучаться въ двери домовъ побѣднѣе—ибо во дворцы заходить боялась—и спрашивала, нѣтъ ли для нея работы. И работы долго не было. Потомъ она нашла ее у ткачей. Она пряла цѣлые дни и за это ей давали хлѣба.

Но во вспышкѣ междоусобицы между Гвельфами и Гибеллинами, хозяина ея повѣсили, и работы опять не стало. Тогда ей пришлось худо. Понемногу продала она свою верхнюю одежду, чтобы питаться. Когда же истратила она послѣдній феррарезе, то осталось подкрѣплять свои силы водою да подобранными послѣ рынка на площади капустными листьями или каштанами. Стояла дождливая, студеная зима; и холодно было спать на улицахъ подъ аркадами или въ нишахъ церквей. Сквозь дыры ея рубища вѣтеръ, свистя, жегъ тѣло точно ударами бича—рѣзкій, злой вѣтеръ съ сѣвера изъ-за горъ.

Разъ, когда Маргарита сидѣла у стѣны собора, опустивъ голову на сложенныя руки и поднявъ колѣни до самаго подбородка, чтобы согрѣться, къ ней подошла закутанная старуха и предложила ей кровъ и пищу за то, чтобы она пѣла и плясала въ ея харчевнѣ передъ веселыми гостями. Старуха давно слѣдила за Маргаритой, и видѣла подъ рубищемъ нищей ея кра-

соту. Много женщинъ и дѣвушекъ прошло черезъ руки старухи: и германки, съ волосами какъ спѣлый макъ на солнцѣ; и темнокожія нубіянки съ голубыми звѣздами во лбу; и татарки съ узкими какъ у мальчиковъ бедрами и бѣлыми, острыми точно у хорьковъ зубами; и сарацинки съ глазами цвѣта ночи; но никого не видѣла она красивѣе Маргариты. Тѣло Маргариты оставалось гибкимъ и стройнымъ, будто никогда она не носила ребенка; волосы падали по плечамъ, спускаясь до колѣнъ; несмотря на голодъ и лишенія, которыя она терпѣла, уста ея алѣли подобно цвѣтамъ гранатоваго дерева въ апрѣлѣ, и, подобно синей глубинѣ Тразименскаго озера, бездонными казались глаза Маргариты.

И старуха примѣтила все это и зорко стерегла, когда придетъ ея время.

Маргарита умирала отъ голода, и все ея тѣло трепетало какъ тростникъ въ бурю, пронизанное холодно-жгучимъ вѣтромъ. И на обѣщаніе крова и пищи она встала и пошла за старухой. Та привела ее въ теплую комнату, гдѣ пылалъ очагъ, и дала ей вина, вскипяченнаго съ пряностями и травами, такого вина, что у нея сразу закружилась голова и передъ глазами пошли огненные языки, словно бы она отвѣдала адскаго зелья; а что съ ней потомъ дѣлали—она не помнила...

Съ тѣхъ поръ жизнь ея измѣнилась. Она опутилась во тьму порока, ибо ей показалось, что Господь отступился отъ нея. Она проводила дни и ночи въ вертепахъ, гдѣ люди пили и играли въ кости, забывая совѣсть до того, что проигрывали души своихъ умершихъ; она плясала при свѣтѣ смоляныхъ факеловъ и продавала себя за мѣдную монету, а когда—за кусокъ хлѣба или за глотокъ вина. И не было того грѣха, который не осквернилъ бы ея уста; не было позора, который не тяготѣлъ надъ ея темноседой головой.

Въ тѣ часы, когда ей и ей подобнымъ позволено было показываться на городскихъ улицахъ и площадяхъ, за ней бѣжали дѣти и швыряли въ нее грязью и каменьями; двери лачугъ, гдѣ она ютилась, пачкали непристойными изображеніями; а если въ неуказанное время пробиралась она, прикрывшись, въ церковь и испытный взглядъ привратника узнавалъ ее, его гнали плеткой какъ животное, и она съ воплемъ убѣгала отъ дома Божьяго, доступъ куда преграждали ей люди.

Сама она считала себя павшею безвозвратно, и стремилась только къ одному: не вспоминать синяго озера, по которому плавала когда-то въ челнокѣ; не вспоминать бѣлыхъ ягнятъ, ласкавшихся къ ея колѣнямъ въ полѣ среди ду-

шистой мяты; благовѣста вечерней молитв
разносившагося надъ водами, перекликая
изъ одной деревни въ другую; и добрыхъ с
стеръ, которыя ужаснулись бы, увидѣвъ сво
невинную любимицу въ пестрыхъ лохмотья
блудницы, продающей свое тѣло любому пь
ному стрѣлку такъ, какъ когда-то продава
темный виноградъ, покрытый серебрянымъ н
летомъ, или румяныя фиги.

Однажды въ таверну стараго Гупильо, гд
любили пировать моряки, оруженосцы и к
нюхи, пришла толпа знатной молодежи. Всѣ он
служили при дворѣ Орбиццо II д'Эсте, но им
наскучили придворные пиры, гдѣ все было чин
и благопристойно, и захотѣлось чего-нибуд
новаго. Потому, когда кто-то сказалъ имъ, ч
на окраинѣ города близъ porta Маге, въ ха
чевнѣ Гупильо, вѣдьма-жена его удивительн
готовитъ молодого козленка, варенаго въ с
харѣ съ шафраномъ, и что вино у Гупильо п
хвалилъ бы самъ папа—они цѣлой гурьбо
отправились туда.

И тамъ увидалъ Маргариту Гвидо Бекк
руцци, богатый и знатный человѣкъ, любимец
Орбиццо.

Гвидо называли страннымъ человѣкомъ;
былъ онъ такимъ. Онъ былъ въ крестовомъ п

ходѣ съ Людовикомъ Святымъ; былъ онъ и при Сицилійскомъ дворѣ; былъ и у арабовъ въ Гренадѣ.

Много видѣлъ онъ и вывезъ изъ чужихъ странъ чужіе обычаи.

Никто не зналъ, въ какого Бога вѣрилъ онъ, такъ какъ его не видѣли молящимся ни въ какой церкви; многіе говорили, что, когда онъ ходитъ по улицамъ, задумавшись такъ, что не видитъ, кто переходитъ ему дорогу—это онъ размышляетъ о томъ, что нѣтъ Бога. Читалъ онъ и изучалъ сочиненія Аристотеля язычника, и Аверроэса, и не читалъ твореній святыхъ отцовъ. Если бы не его богатство и не расположеніе къ нему Орбиццо, не безопасна была бы его жизнь; и такъ у него было много тайныхъ враговъ; хотя явно всѣ въ немъ заискивали. О его загородномъ домѣ на одномъ изъ притоковъ По разсказывали чудеса немногіе, проникавшіе туда; говорили, что онъ отъ арабовъ вывезъ такіе ковры, и золотую утварь, и оружіе, равныхъ которымъ не было и во дворцѣ д'Эсте. А больше всего удивлялись тому, что онъ скупалъ у монаховъ всѣ старые и ненужные имъ свитки рукописей, хотя бы списки имущества уже не существующаго или старинные рецепты; и что-то такое дѣлалъ надъ ними (говорили, не безъ помощи волшебства), что

стирались и исчезали начертанныя святыми отцами на пергаментѣ литеры, а вмѣсто нихъ выступали другія, составлявшія звучные, но языческіе стихи, которые онъ произносилъ вслухъ, упиваясь ими какъ прозрачнымъ медомъ и читалъ передъ немногими избранными.

Случалось также неоднократно, что монахи или крестьяне отрывали во время работы мраморныя изваянія, очевидно, изображенія языческихъ идоловъ, и съ отвращеніемъ и проклятіями старались уничтожить ихъ; тогда Гвидо скупалъ остатки у корыстолюбивыхъ монаховъ и самъ ихъ опять дѣлалъ такими, будто никогда ихъ и не разбивалъ ихъ благочестивый молотъ. И тайно хранилъ ихъ у себя въ загородномъ домѣ.

Вотъ когда этотъ Гвидо увидѣлъ Маргариту, то его соколиные глаза заблестѣли сильно, и онъ остановился, пораженный ея красотой. А она, какъ увидала его, подумала, что Михаилъ-Архангелъ сошелъ сюда, тотъ, что стоялъ надъ вратами собора съ мечомъ въ рукахъ. Она въ это время рѣзала острымъ ножомъ лимоны, и такъ случилось, что не замѣтила, какъ порѣзала себѣ пальцы очень глубоко, и какъ полилась ея кровь—не замѣтила, а молчала и дрожала.

И онъ долго молча смотрѣлъ на нее и вдругъ подошелъ близко, и сказалъ:

— Я угадываю, кто ты.

Она же очень испугалась, думая, что онъ узналъ, что она изъ Альвіано, и отправитъ ее туда, и, вся помертвѣвъ, спросила:

— Откуда ты меня знаешь?

— Я видѣлъ тебя,—отвѣтилъ онъ.—Ты—Психея, которую нечаянно нарядили въ эти пестрые лохмотья. Или ты Дафна, легконогая нимфа? Пойдемъ ко мнѣ, я покажу тебѣ, какой ты должна быть. Хочешь?

И она не могла ему противиться; все молчала и дрожала, почувствовавъ силу надъ собой, какъ арабская кобылица вдругъ позволяетъ одному наѣзднику укротить себя и не бьется и слушается его голоса, дрожа всѣмъ тѣломъ. Тогда Гвидо посадилъ ее на своего коня, позади себя, и къ великому соблазну всей Феррары такъ и провезъ Маргариту по городу къ своему лѣтнему дому, что стоялъ надъ рѣкой.

Домъ былъ бѣлый, и бѣлая мраморная лѣстница вела къ рѣкѣ: розовые лавры росли кругомъ, и запахъ ихъ былъ сладокъ и вмѣстѣ горекъ, какъ поцѣлуй прощанья.

При входѣ Маргариту встрѣтили съ признаками великаго почета слуги и сняли ее бережно съ лошади. А Гвидо повелъ ее по всему дому, по галлереямъ и переходамъ, и наконецъ отдернулъ занавѣсъ, голубую со звѣздами, какъ въ храмѣ, и они очутились въ странномъ, обшир-

номъ покоѣ. Вмѣсто потолка было только синее небо, на которомъ уже зажглись звѣзды; вмѣсто стѣнъ—какъ бы узоры, сплетенные изъ мрамора, колонны, арки, подковы и вѣнки; сквозныя эти стѣны были выложены цвѣтными узорами нѣжнѣйшихъ оттѣнковъ радуги, пыли съ крыльевъ бабочки, золота и серебра,—такими яркими и красивыми, что Маргаритѣ показалось, будто она долго зажимала глаза пальцами и потомъ отпустила, и передъ ними плывутъ пятна въ причудливыхъ сочетаніяхъ красокъ. Посреди покоя былъ высокій фонтанъ, стекавшій въ мраморный водоемъ, и брызги его искрились въ огнѣ безчисленнаго множества восковыхъ падуанскихъ свѣчей, освѣщавшихъ все такъ ярко, что было видно какъ днемъ. Кругомъ росли цвѣтущіе кусты, розы и мирты, и въ зелени ихъ увидѣла Маргарита изображеніе обнаженной женщины изъ мрамора, но такое совершенное, что въ колеблющемся блескѣ огней она казалась живымъ. И Гвидо сказалъ Маргаритѣ.

— Видишь—это твое изображеніе.

И онъ сорвалъ съ нея лохмотья и поставилъ рядомъ съ мраморной женщиной—и нельзя было сказать, какая прекраснѣе: мраморная или живая. У обѣихъ одинаково пышный узелъ волосъ точно оттягивалъ назадъ маленькую

головку; у обѣихъ было такое же нѣжное и совершенное тѣло: гибкая спина, и дѣвическая грудь, и бедра округленно-покатыя, какъ стѣнки тутъ же стоявшихъ греческихъ вазъ, и длинныя, стройныя ноги; но въ то время, какъ одна была холодно-бѣла и недвижна, у другой подъ золотистою кожей переливалась кровь и бились тонкія жилки и она съ трепетомъ закрыла лицо свое распустившимися волосами: ибо въ эту минуту почувствовала блудница стыдливость, и муку, и счастье любви.

* * *

Чтобы видѣть Маргариту такъ часто, какъ хотѣлъ, но не дѣлать присутствія ея обычнымъ, какъ присутствіе любимой охотничьей собаки, Гвидо поселилъ ее въ часѣ ходьбы отъ своего дома, въ виллѣ небольшой, но убранной со всею роскошью, съ какою онъ могъ, а это было много. Онъ поселилъ съ нею нѣсколькихъ прислужницъ, которыя должны были исполнять всѣ ея желанія и по выраженію ея глазъ угадывать ихъ. Каждое утро, когда она просыпалась, онѣ приготовляли ей въ большомъ серебряномъ бассейнѣ грѣтую съ ароматными травами и лепестками розъ воду; потомъ снова укладывали ее на ложе и нѣжными, но сильными руками умащали ея тѣло, чтобы возбудить къ болѣе быстрому движенію кровь. И пока одна

втирала въ шелковистую кожу мазь изъ цвѣтовъ скабіозы или драгоцѣнныя благовонія, другая держала передъ Маргаритой серебряное зеркало, отражавшее ея красоту, а остальныя обвѣвали опахалами, чтобы скорѣй просыхали капли влаги, сіявшія на нѣжномъ тѣлѣ какъ капли росы на лепесткахъ цвѣтовъ. Потомъ онѣ приносили тяжелые ларцы изъ санталоваго дерева, съ золотыми украшеніями и искусной рѣзьбой, и выбирали наряды.

Чего только не было въ этихъ ларцахъ! Ожерелья, запястья, цѣпи и перстни, жемчужные головные уборы, надушенныя перчатки, неаполитанскія мыла, арабскія благовонія, маски, цвѣты, сдѣланные такъ, что казались живыми,— все это щедрой рукой дарилъ Гвидо своей возлюбленной. Одежды ея были изъ бархата и мессинскаго шелка, перемѣшанныхъ съ золотомъ, жемчугами и драгоцѣнными камнями; у нея было болѣе ста тончайшихъ шелковыхъ рубашекъ, окаймленныхъ золотой бахромой; мѣховые плащи; обувь, шитая каменьями; на шеѣ носила она ожерелье, стоившее по меньшей мѣрѣ двѣсти дукатовъ чистаго золота; покрывала ея были бѣлоснѣжны и пропитаны рѣдкостными ароматами, и сама она благоухала эссенціей порея, амбры и мускуса, излюбленною Гвидо, и распространяла вокругъ себя сладост-

ное вѣяніе, какъ нѣкогда въ родномъ полѣ душистая мята, тминъ и медовый трехлистникъ. Золотые пояса съ любовью сжимали ея тонкій станъ; волосы она или распускала, или подбирала въ тонкую золотую сѣть, а по бокамъ прикалывала живые цвѣты, и такъ это было красиво, что Гвидо только радовался, что возлюбленная его не имѣетъ права носить на своей маленькой головкѣ тяжелаго тюрбана—достоянія честныхъ замужнихъ женщинъ.

Въ этой нѣгѣ и роскоши красота Маргариты расцвѣтала подобно весеннему дню, но какъ ни была она прекрасна въ царственныхъ нарядахъ и украшеніяхъ—всего прекраснѣе казалась она ему, когда онъ стоялъ передъ ней на колѣняхъ, сравнивая ее со своими статуями, и на живомъ мраморѣ ея тѣла считалъ ритмъ своихъ любимыхъ стиховъ, прикасаясь къ нему влюбленно перстами, какъ къ дорогому инструменту, и заставляя всю ее трепетать, и когда единственнымъ ея украшеніемъ были алые цвѣты въ темныхъ волосахъ.

Какъ прекрасная сказка, текли теперь дни ея; когда онъ былъ съ нею, она тонула въ счастьѣ любви; когда его не было, она думала только о немъ и отрывалась отъ другихъ мыслей, отъ повседневныхъ заботъ и обычныхъ мелкихъ дѣлъ—чтобы кинуться въ мысли о немъ—какъ уто-

мленный путникъ кидается въ волны морскія и наслаждается, отдаваясь ихъ синей безпредѣльности.

Немногіе были друзьями Гвидо, но особенно любилъ онъ двоихъ: поэта Феррари и рыцаря Бенвенуто Строцци. Ихъ подругамъ—Изоттѣ и венеціанкѣ Бизіо—Гвидо поручилъ научить Маргариту всему, что надлежало знать служительницѣ любви и земныхъ наслажденій. И какъ быстро когда-то она перенимала науку тихихъ монахинь Монте-Люче, такъ и теперь удивляла дарованіями своихъ прекрасныхъ подругъ-наставницъ.

Изотта была умна и учена; сама слагала стихи и писала трактаты; она много путешествовала, много видѣла; и тайны тривіума и квадривіума не были чужды ей. Многому научила она Маргариту и читала и разсказывала ей чудесныя исторіи о рыцаряхъ Круглаго Стола, о ихъ дамахъ, и о волшебникѣ Мерлинѣ, и о коварной Вивіанѣ, оказавшейся хитрѣе кудесника, и говорила, что женщина должна походить на Вивіану умомъ и умѣньемъ чаровать самыхъ мудрыхъ и опытныхъ мужчинъ. Читала ей также стихи своего друга Феррари и другихъ поэтовъ и уводила душу Маргариты въ невѣдомый ей дотолѣ міръ.

Венеціанка Бизіо знала меньше, но она была

смѣла и безстрашна, какъ молодой пажъ. Она и ходить любила въ нарядѣ юноши, и со стороны нельзя было сразу сказать: красивый ли это мальчикъ, или прекрасная молодая женщина, какою она была на самомъ дѣлѣ. Она всегда носила короткій мечъ на боку, и разъ, когда онѣ ночью ѣхали вдвоемъ изъ Феррары въ домъ Маргариты, соблазнившись луннымъ свѣтомъ, она отразила напавшихъ на нихъ двухъ бродягъ, ранивъ одного изъ нихъ.

Она учила Маргариту ѣздить верхомъ, пѣть венеціанскія пѣсни; давала ей наставленія, какъ придавать волосамъ такой золотистый оттѣнокъ, точно въ нихъ собраны лучи солнца. Иногда онѣ часа три-четыре сидѣли въ саду Маргариты, подставивъ подъ жаркіе лучи солнца распущенные волосы, предварительно смоченные составомъ, въ который входилъ пепелъ отъ виноградныхъ лозъ, бересклетъ, ячменная солома, солодковое дерево безъ коры и сокъ лимона—или же лупинусы, смѣшанные съ селитрой.

Въ это время она много разсказывала Маргаритѣ разныхъ тайнъ, полученныхъ ею отъ еврейскихъ и арабскихъ женщинъ: какъ сдѣлать кожу нѣжной, зубы бѣлыми и прозрачными, глаза блестящими; какъ придать тѣлу упругость; и много другихъ вещей знала она и говорила:

— Теперь тебѣ это не нужно—но можетъ пригодиться потомъ... Когда молодость начнетъ распускать свои крылья и—улетитъ отъ тебя.

И обѣ, безпечно смѣясь, не предчувствовали, что еще не улетитъ молодость одной изъ нихъ, какъ уже могильнымъ мракомъ замѣнится ея жизнь.

И еще учила Маргариту Бизіо тѣмъ двадцати четыремъ поцѣлуямъ, которые лучше и крѣпче всякаго приворотнаго корня держатъ человѣка и отъ которыхъ забываютъ все на свѣтѣ, кромѣ сладкаго мученія любви.

Когда къ нимъ присоединялись ихъ друзья, то они или занимались игрою въ кости и карты, или подобно дѣтямъ перебрасывались мячами, состязаясь въ ловкости, съ веселымъ смѣхомъ; или же въ широкой лодкѣ подъ пурпурнымъ навѣсомъ, устланной коврами, уплывали внизъ по рѣкѣ въ сопровожденіи пѣвцовъ и музыкантовъ; иногда же читали любимые стихи Гвидо, или занимались игрою въ макателле, задавая другъ другу шутливыя загадки и придумывая проигравшимъ всевозможныя забавныя наказанія. Иногда и вдвоемъ уплывали Гвидо и Маргарита далеко по рѣкѣ, и она вспоминала свое родное озеро и брала сама весла, и взмахивала ими какъ крыльями, и пѣла Гвидо пѣсенки

воихъ пятнадцати лѣтъ, и была сама какъ эти
ѣсенки: прекрасна, нѣжна и проста.

И пиромъ ласкъ и любви проходила сіяющая
кизнь, и уже не думала больше царица сердца
видо о томъ грѣхѣ, въ которомъ пребывала,
акъ какъ грѣхъ надѣлъ праздничную личину
счастье земной любви опьяняло Маргариту
ильнѣе, чѣмъ крѣпкое вино съ ароматами,
сильнѣе охватывали волны забвенія соблаз-
енную душу.

Такъ шло время, когда въ одинъ вечеръ Гвидо
е явился къ Маргаритѣ. Случалось это, ко-
ечно, и раньше, но тогда онъ обычно присы-
алъ посланнаго съ извѣщеніемъ, чтобы его не
ждали, и съ нѣсколькими словами, написан-
ыми на пергаментѣ и запечатанными воскомъ,
нѣжными словами, которыя Маргарита цѣло-
вала и, засыпая, перечитывала.

Маргарита встревожилась и опечалилась, но
ще болѣе встревожилась, когда и на второй
и на третій день онъ не пріѣхалъ. Нѣсколько
ней ждала она его съ трепетомъ и волненіемъ.
У друзей его она не хотѣла спрашивать—не
наютъ ли, гдѣ Гвидо, потому что гордость мѣ-
шала ей показать имъ, что онъ могъ покинуть
е безъ предупрежденія. Но не спала ни одной
ночи; если забывалась, то ей представлялись

мучительныя видѣнья, и, пробуждаясь съ кри
комъ, она тщетно искала рядомъ съ собою воз
любленнаго, еще думая, что это тяжелый сонъ
и что онъ тутъ, съ ней; но когда вмѣсто жар
кихъ объятій Гвидо встрѣчала темную, холод
ную пустоту—то падала ничкомъ и кусала по
душки, чтобы заглушить рыданія, и, какъ дит
свою мать, жалобно и тихо звала:

— Гвидо, мой Гвидо, любовь моя! Гдѣ ж
ты?..

Пять дней такъ прошло, и болѣе она не могл
выдержать. Знала она, что покинуть ее навсегд
онъ не могъ! Слишкомъ для этого страстно
и нѣжно ласкалъ онъ ее въ послѣднюю ночь
передъ своимъ исчезновеніемъ.

Такъ какъ онъ всегда говорилъ ей, что он
не должна безъ предупрежденія пріѣзжать к
нему, чтобы не увидали ее тѣ, кому не слѣдо
вало, она рѣшила послать слугу справиться
причинѣ его отсутствія и не боленъ ли онъ
но, рѣшивши это, она вдругъ почувствовала
что не въ силахъ будетъ дожить до возвращенія
посланнаго, и вмѣсто этого приказала осѣдлат
себѣ коня и сама поѣхала въ домъ Гвидо.

Все было тихо въ спокойномъ домѣ. Слуг
встрѣтили ее удивленно, когда она спросила
гдѣ господинъ ихъ, и весьма встревожились
такъ какъ полагали, что онъ находится у нея

Замирая отъ дурного предчувствія, вошла Маргарита въ любимый ихъ покой, сама хорошенько не зная, что же ей теперь дѣлать. Статуи стояли на своихъ мѣстахъ, и цвѣли мирты, и все было, какъ въ тотъ день, когда они въ послѣдній разъ были тамъ.

Только Саладинъ, любимый охотничій песъ Гвидо, бросился къ ней навстрѣчу: и лаялъ, и жалобно выл, и рвалъ ее за платье.

— Пойдемъ, Саладинъ!—сказала она собакѣ; умный песъ побѣжалъ впередъ, жалобно воя и все оглядываясь на нее. А за нею въ отдаленіи пошелъ встревоженный старый мажордомъ Гвидо.

Часа полтора велъ ихъ Саладинъ лѣсомъ, по густой чащѣ; вѣтви хлестали Маргариту по лицу, и колючіе кустарники раздирали ея платье и руки, но она не замѣчала этого и не шла, а летѣла впередъ подобно лани, преслѣдуемой охотникомъ. И вотъ Саладинъ остановился, поднялъ морду и завылъ такъ жалобно, какъ будто его самого убивали. Маргарита увидѣла яму, заваленную хворостомъ, а тамъ—лежащаго человѣка, и узнала алый самитовый камзолъ Гвидо. Она бросилась на колѣни и начала разрывать и раскидывать вѣтви и листья, которыми былъ закиданъ онъ, и когда показалось лицо Гвидо, Маргарита увидѣла, что

передъ нею трупъ. Уже смертное тлѣніе тронулс благородныя черты; по лицу пошли синія пятна; темныя кудри и бородка были облиты запекшеюся кровью; и въ глубокой ранѣ на вискѣ копошились черви; и запахъ шелъ такой смрадный отъ того, что было такъ недавно самымъ прекраснымъ въ жизни для Маргариты, что когда она нагнулась къ нему и схватила голову въ обѣ руки, то въ глазахъ у нея потемнѣло и сама она упала подобно мертвой рядомъ съ нимъ.

И нѣсколько дней была она между жизнью и смертью. А когда пришла въ себя, то все, что осталось отъ Гвидо,—былъ мраморный мавзолей на феррарскомъ Campo-Santo.

Подруги ея, ухаживавшія за ней во время болѣзни, пробовали ее утѣшать и уговаривать, ибо отчаяніе ея было нестерпимо. Въ кровь разодрала она прекрасное лицо свое, и глаза ея казались безумными отъ кровавыхъ слезъ, которыми она плакала. Но когда онѣ хотѣли ее утѣшать и говорили ей тѣ слова, какія всегда говорятъ тѣ, кто остался,—кромѣ одного или одной,—она только улыбалась, и улыбка эта была страшнѣе слезъ и рыданій.

И въ одно утро Изотта и Бизіо не нашли ее въ ея домѣ: она ушла такъ же незамѣтно, какъ когда-то изъ родной хижины.

Нѣсколько времени еще вздыхала Бизіо о своей кроткой и нѣжной подругѣ, а тамъ забыла и она — и никто больше не вспоминалъ о Маргаритѣ.

А въ Кортонѣ, въ долинѣ Кіаны, вокругъ которой тянутся зачумленныя болота, на паперти собора св. Доминика, появилась новая кающаяся.

Никто никогда не видѣлъ лица ея: оно было скрыто грубымъ капюшономъ плаща изъ власяницы, въ которомъ были только продѣланы два отверстія для глазъ. Но гдѣ только было тяжело больной, раненый, умирающій—тамъ звучалъ тихій голосъ и склонялась закутанная черная тѣнь. И не было такихъ словъ любви и милосердія, которыхъ не произносили бы нѣжныя уста, и не было того тяжкаго труда, который не тяготилъ бы надъ склоненной головою. Она ходила за самыми опасными больными, отъ чумнаго дыханія которыхъ убѣгали въ ужасѣ близкіе; она омывала язвы прокаженнымъ; ѣла только черствыя корки и то черезъ день; ночи напролетъ простаивала на молитвѣ, плача и бичуя себя, и только повторяла:

— Господи, просвѣти меня, помоги мнѣ, научи меня!

Когда же болѣе трехъ лѣтъ творила она подвиги самоотреченія, открылись ей двери монастыря въ память святого Франциска Ассизскаго; и тамъ думала она найти успокоеніе.

Но въ одну безсонную, бурную ночь, когда гроза бушевала надъ монастыремъ—невзирая на крѣпкія каменныя стѣны, на тяжелые желѣзные засовы—явился въ блескѣ молніи къ Маргаритѣ искуситель.

И подошелъ къ ней и вдругъ показалъ ей серебряное зеркало—и въ гладкой поверхности его увидала она свою красоту. А онъ сказалъ ей:

— О, злополучная! Что ты здѣсь дѣлаешь? Смотри, какъ огрубѣли нѣжныя руки твои; смотри, какъ изранены твои босыя ноги о камни и тернія твоего пути. А еще молодость не взмахнула крыльями, чтобы улетѣть; еще ты прекрасна, и есть у тебя поцѣлуи и ласки, которыми крѣпче приворотнаго зелья держатъ человѣка. О, несчастная! Вернись, вернись, пока не поздно!..

И сладкимъ грѣховнымъ обѣщаніемъ обжигалъ его голосъ душу Маргариты, но ужаснулась она и воскрикнула:

— Отойди отъ меня, сатана! Я грѣшила, пусть я грѣшила, но и наказана я была въ томъ, кто былъ мнѣ дороже жизни. И всей моей крови и мукъ—мало, чтобы вымолить ему—спасеніе,

у—прощеніе. Теперь же я ничего не хочу, ичего не знаю—кромѣ моего Бога. О, пусть ня примутъ въ свой кругъ бѣлыя дѣвы и истыя сестры-монахини: и въ небесахъ я соединюсь съ тѣмъ, кого я люблю. Но ты—уйди, йди, уйди—во имя Святой Дѣвы, склоняющей вой ликъ къ несчастнымъ грѣшникамъ!..

И прижала распятіе къ груди такъ сильно, го кровь брызнула изъ все еще прекраснаго зла. И исчезъ посрамленный искуситель,—но ъ это время озарились голубымъ сіяніемъ стѣны ельи—и Маргарита упала на колѣни, воздѣвъ уки къ небу: ибо явилась ей въ блескѣ небесной расоты Пречистая.

И обняла Она грѣшницу и сказала:

— Пойдемъ, бѣдняжка! Ты соединишься съ бмъ, кого ты любишь; вѣра твоя спасла его. ынъ Мой сказалъ: кто много любилъ, тому много ростится; пойдемъ же со мною!

И за руку увела ее по золотой лѣстницѣ въ ебеса.

А наутро, когда увидѣли монахини, что Маргарита не выходитъ изъ своей кельи, онѣ стали гучаться къ ней. Но она не отвѣчала на стукъ, тогда онѣ вошли—и нашли ее распростертою на земляномъ полу и бездыханною.

И только когда сняли съ нея власяницу увидѣли, какой небесной красоты былъ ея ликъ

И такъ какъ долго спустя убѣдились, что тлѣніе не коснулось ея тѣла, то узнали, что передъ ними была святая; и съ тѣхъ поръ поютъ чистыя дѣвы въ монастыряхъ во славу грѣшницы святой и просятъ ее:

«Святая Маргарита!
Звѣзда предразсвѣтная!
Голубка серебристая!
Жемчужина чистая!
Моли Бога о насъ»...

Инеса-ди-Кастро.

«Que, despois de sua, morte fu Rainha».

(Camoens, Os Lusiadas, III.)

Въ Коимбрѣ, тамъ, гдѣ Мондего катитъ свои олотоносныя воды и гдѣ—наслѣдіе арабовъ—цвѣтутъ душистыя апельсинныя деревья, да-ющія сразу и серебряные цвѣты, и золотые пло-ды въ изумрудной листвѣ, стоялъ въ роскош-номъ саду, подобнаго которому не было во всѣхъ четырехъ королевствахъ, мраморный дворецъ. Бѣлый мраморъ Сіерпы, голубой—Синтры, красный и желтый—Перо-Финьеро, зеленый и черный—Эстремоса, сочетали въ немъ свои рисунки; сотни колоннъ поддержи-вали полукруглые своды; колонны были и витыя, подобно морскимъ канатамъ, и тонкія, какъ пальмовые стволы, и тяжелыя, какъ ноги гигантскихъ слоновъ; но такъ были онѣ пе-реплетены со сквозными арабесками, подково-образными арками, чудесною рѣзьбой, просвѣ-

чивающей на солнцѣ, что казалось, будто дворецъ не изъ мрамора, а изъ драгоцѣнныхъ окаменѣлыхъ кружевъ. Потолки поднимались въ немъ округленные, подобно внутренностямъ пчелиныхъ ульевъ, которыми славится Бейра, и въ каждой ячейкѣ ихъ были лазоревыя и золотыя звѣзды; рѣдчайшей мозаикой изъ кедроваго дерева, бирюзы, золота и эмали выложены были стѣны и полы, такъ что казалось, будто радужная пыль съ крыльевъ безчисленныхъ бабочекъ покрываетъ ихъ.

Во внутреннихъ дворахъ, заросшихъ миртами и розами, не смолкая, звенѣли тихо и ласково фонтаны, стекая въ мраморныя чаши; мягкіе саррацинскіе ковры скрадывали шаги въ этомъ пріютѣ тишины и любви.

Дворецъ назывался Quinta del Amor, что означаетъ — д о м ъ л ю б в и, и былъ достоинъ этого названія, ибо служилъ пріютомъ любви Инесы прекрасной и домъ-Педро. Темныя кудри домъ-Педро должна была со смертью отца его, короля Португаліи, Альфонса IV-го, украсить королевская корона; но природа одарила его сокровищами лучше короны Португаліи: гордой красотой, душою пылкой и любящей, огненнымъ умомъ, любовью къ стихамъ не меньшею, чѣмъ у его предка, славнаго короля Диниса,— а къ тому же и вдохновеніемъ поэта.

Домъ-Педро едва минуло двадцать лѣтъ, когда король рѣшилъ породниться съ герцогомъ ди-Пеньяфьель, и просилъ руки дочери его Констанціи для своего сына.

Принцъ зналъ, что противиться волѣ отца немыслимо, но сердце его было еще свободно, и онъ ждалъ прибытія избранной для него невѣсты не съ большимъ волненіемъ, чѣмъ бросалъ кости на поле игры или слѣдилъ за полетомъ своей стрѣлы. Все же щеки его были блѣднѣе обыкновеннаго, когда онъ выѣхалъ навстрѣчу герцогскому поѣзду и издали еще приглядывался къ ѣхавшимъ впереди двумъ молодымъ дѣвушкамъ.

У обѣихъ путешественницъ были великолѣпные арабскіе кони, сѣрые въ яблокахъ; алые чепраки съ желтыми прорѣзями покрывали коней; сѣдельныя луки были изъ слоновой кости, изукрашенной золотою рѣзьбой и эмалью. Лица дѣвушекъ были открыты. Онѣ подъѣхали ближе къ принцу — и такой несказанной красотой сразу озарила его одна изъ нихъ, что горячая волна радостнаго изумленія охватила его, и сердце безпрекословно признало свою повелительницу.

Головка красавицы поистинѣ создана была для царскаго вѣнца. Гордо и нѣжно смотрѣли ея синіе глаза на Божій міръ; прямо сидѣла

она въ сѣдлѣ, не взирая на утомленіе долгаго пути. Ея стройный станъ, ея улыбка, длинныя рѣсницы — все было въ ней какъ бы обвѣяно тонкимъ дыханіемъ любви, и прелесть струилась отъ нея, какъ сіяніе отъ небесной звѣзды.

Спутница ея казалась рядомъ съ ней блѣдной и робкой; и домъ-Педро даже не разглядѣлъ ея, весь поглощенный созерцаніемъ другой.

Но блѣдная дѣвушка оказалась дочерью герцога, а дивная красавица — только ея родственницей и придворной дамой — галиціанкой Инесой-ди-Кастро.

Тщетно пытался домъ-Педро умолить короля не настаивать на его бракѣ съ Констанціей: дѣло зашло слишкомъ далеко, и бракъ былъ свершонъ — но какой бракъ! Въ то время какъ епископъ соединялъ руки новобрачныхъ и говорилъ имъ о будущей ихъ жизни и любви,— и душа принца и его взгляды стремились къ той, которая стояла позади невѣсты, затмѣвая всѣхъ своей красотой. И въ первый же вечеръ, когда во время пышнаго празднества дамы и кавалеры въ танцахъ обмѣнивались поклонами и учтивостями,— принцъ настигъ Инесу въ одной изъ комнатъ дворца и сталъ говорить ей о своей любви.

Онъ сказалъ ей, что принялъ ее за свою невѣсту, что къ ней устремилось его сердце, что

го связали узами долга съ ненавистной ему
гѣдной тѣнью, но только Инесу любитъ онъ
будетъ любить, и глаза его сверкали, какъ
звѣзды, и дыханіе жгло ее, и сладкій ужасъ
юбви охватилъ ея существо.

Инеса хотѣла бороться съ этой грѣшной
юбовью, но трудно ей это было, пока они по-
тоянно встрѣчались, пока его взгляды, намеки,
айныя слова охватывали ее пылающей сѣтью
скушенія; и не въ силахъ оставаться при
воръ, не въ силахъ также и переносить зрѣ-
ище той, хотя бы вынужденной близости, въ
оторой была Констанція къ своему супругу,—
неса попросила разрѣшенія удалиться въ
онастырь св. Клары. Она думала, что среди
ихъ кларисъ, за монастырскими стѣнами,
на сумѣетъ побѣдить свое чувство.

Монастырь былъ учрежденъ въ память чистой
Ѣвы, голубицы непорочной, лилейной подруги
з. Франциска; и въ стѣнахъ своихъ хранилъ,
акъ неоцѣнимую жемчужину, гробницу чи-
той жены. Святая Елизавета, супруга короля
иниса, была схоронена въ мраморной гроб-
ницѣ этой; а на кругломъ окнѣ въ самомъ храмѣ
ыло изображено чудо съ розами, которымъ осо-
енно прославилась эта милосердная королева.

Она, однажды, вопреки приказанію суро-
аго короля, несла несчастнымъ заключеннымъ

милостыню; и, убоявшись гнѣва встрѣтивша
ее супруга, сказала ему, что несетъ розы;
когда король сорвалъ покрывало съ корзин
въ которую она сложила черные хлѣбы, то
мѣстѣ ихъ, къ изумленію самой королев
оказались дѣйствительно розы: такъ Госпо
покрылъ ея благочестивую ложь.

Многія женщины приходили къ гробни
св. Елизаветы со своими горестями и кла
розы на серебряную рѣшетку, какъ лучш
приношеніе той, которая такъ любила ихъ п
жизни.

И ждала Инеса незримаго благословен
отъ этихъ двухъ чистыхъ женскихъ душъ
но тщетно. Ничто не спасало ее: и черный хлѣ
ея поста, молитвъ и бичеваній дивнымъ чудо
превращался въ алыя розы всепобѣждающ
любви.

Бродя среди тѣнистыхъ аллей парка, меж
полянами, гдѣ пышнымъ лиловымъ ковро
росли посаженные вѣрно ангельскими рука
(ибо люди не касались ихъ) благоухающ
присы, Инеса мечтала о домъ-Педро. Видѣ
ли она, какъ игрою природы изъ стройна
темнаго кипариса выросла молодая цитиза
обвилась кругомъ него — она думала, ка
сладко было бы такъ прильнуть къ возлюбле
ному; слышала ли она шорохъ и шопотъ тен

щаго въ саду ручья — ей казалось, что она слышитъ его имя; когда вѣковые кедры шумѣли надъ ея головой — въ ихъ важныхъ вздохахъ была только ея тоска о немъ. Стѣны монастыря не спасали ея отъ его посланій: золото королевскаго сына служило тому, чтобы пересылать ей жемчуга поэта; съ пылающимъ лицомъ читала она его признанія, и, такъ какъ не могла хранить у себя — проносивъ цѣлый день на груди, выучивъ наизусть, цѣловала, разрывала на мелкіе клочья и бросала въ холодныя струи ручья; исчезали клочки пергамента, но слова оставались, оставались и жгли ея сердце, и сильнѣе поцѣлуевъ томили ее сладкимъ мученіемъ. Знала Инеса, что уже не можетъ назвать себя чистой: что́ изъ того, что еще не коснулся ея возлюбленный, если мысленно она вся принадлежала ему?

И вотъ разъ вмѣсто своихъ стиховъ прислалъ ей домъ-Педро книгу; это былъ прославившійся романъ о Фламенкѣ, и тамъ заложилъ онъ страницу золотой лентой: вотъ что прочла въ ней Инеса:

«Есть женщины, которыя заставляютъ томиться влюбленныхъ, говоря имъ «нѣтъ», и ихъ называютъ чистыми и цѣломудренными; но стыдъ той, которая устами отказываетъ въ томъ, на что сердце ея давно согласно. Овидій сказалъ: «придетъ время, и та, которая пре-

зрѣла возлюбленнаго, будетъ одинокой, холодной и старой; та, которой ночью приносили розы чтобы, проснувшись, она нашла ихъ утромъ у порога — будетъ покинута всѣми; помните это, красавицы!..»

Прочла эти строки Инеса, и жутко ей стало; а когда она пришла въ церковь, и увидѣла кругомъ изможденныхъ монахинь, и черепа за рѣшетками, и каменныя изваянія на гробницахъ — страстно захотѣлось ей жизни, захотѣлось не умереть, не извѣдавъ счастья любви.

Въ эту ночь домъ-Педро проникъ въ монастырь. Сперва Инеса думала, что это видѣніе, вѣчно сопутствующее ея душѣ; но когда сильныя и нѣжныя руки охватили ее, когда пылающія уста остановили поцѣлуемъ крикъ, готовый сорваться съ ея устъ,— она поняла, что жизнь настигла ее.

И въ этотъ мигъ соловей запѣлъ и громко зашумѣли вершины кедровъ, чтобы никто не могъ подслушать вздоховъ, и шопота, и моленій любви; и луна спряталась за облакомъ, чтобы никто не подсмотрѣлъ тайны счастья.

Послѣ этой ночи промѣняла Инеса стѣны монастыря на мраморный Домъ Любви.

* * *

Больная и блѣдная супруга домъ-Педро чахла во дворцѣ, подаривъ принцу сына Фер-

нандо — такого же хилаго и блѣднаго, какъ она сама. Все солнце Португаліи не могло согрѣть ее; она въ лѣтніе дни куталась въ мѣха, и часто, смотря на свои руки, сквозь которыя, кажется, просвѣчивалъ свѣтъ, тихо плакала. Она знала, что домъ-Педро и душу свою и жизнь взялъ отъ нея, совсѣмъ, унесъ ее въ садъ, гдѣ роскошно перепутывались розы и жасмины, финиковыя пальмы съ кистями плодовъ, гранаты, въ трещины которыхъ видны были рубиновыя зерна, узкіе евкалиптусы и звѣздчатыя фиговыя деревья,— въ мраморный дворецъ, гдѣ, какъ королева, царила та, которую народъ назвалъ Ines la formosa — Инеса прекрасная.

Инеса и домъ-Педро оба не думали ни о чемъ, кромѣ своей любви; подобно благоуханію апельсинной рощи, обвѣвала ихъ сладкая снисходительность мавританскихъ нравовъ; никому кругомъ и въ голову не приходило презирать домъ-Педро за любовь его къ чудной красавицѣ, ибо всѣ привыкли, что недалеко во дворцахъ калифовъ, уважаемыхъ и мудрыхъ правителей государства, цѣлые цвѣтники женъ красовались къ ихъ усладѣ, и они могли выбирать любую, подобно тому, какъ, пересыпая жемчужины, выбираютъ то самую матовую, то самую розовую.

Простой же народъ любилъ Инесу за ея

кротость счастливой женщины. Счастье заставляло ее желать, чтобы и кругомъ нея всѣ были счастливы; никто не уходилъ изъ ея дворца безъ подаянія, а тѣ, кому не нужны были милостыни или хлѣбъ, получали привѣтъ, молодыя дѣвушки — вышитыя ленты и ожерелья, дѣти — сладости, сдѣланныя искусными женщинами Іельвы.

Три сына родились у Инесы, и всѣ были похожи на инфанта — такіе же темнокудрые, сильные, красивые — не то, что блѣдный домъ-Фернандо; и народъ признавалъ въ нихъ настоящую королевскую кровь.

Только въ королевскомъ дворцѣ вражда не молчала. Горько жаловалась Констанція старому королю на чаровницу, отнявшую у нея супруга; попы толковали ему о грѣхѣ беззаконія, въ которомъ жилъ наслѣдникъ короны; придворные угрожали ему вліяніемъ Инесы на домъ-Педро, и тѣмъ, что она употребитъ свою власть во вредъ Португаліи, и сдѣлаетъ ее провинціей своей родины; и всѣ сходились въ одномъ: что власть этой женщины — происхожденія нечистаго, что любовь эта—дьявольское навожденіе и что только колдовствомъ могла добиться Инеса такого постоянства. Такъ ревность, хитрость и низость развѣнчивали любовь и клеветали на ея божественное происхожденіе.

Когда же умерла Констанція, какъ догораетъ истаявшая свѣча, пришла вѣсть къ королю, что домъ-Педро у себя въ домовой капеллѣ обвѣнчался съ Инесой.

— Погибла Португалія!— вопили придворные, и все чаще и чаще можно было видѣть стараго короля въ тѣсномъ кругу своихъ приближенныхъ министровъ, сближающихъ головы и шепчущихся о чемъ-то.

А пока они ковали гибель Инесѣ прекрасной, влюбленные ничего не подозрѣвали. Уже нѣсколько лѣтъ пронеслось надъ ними, прекрасныхъ, безмятежныхъ лѣтъ; уже ихъ старшій сынъ крѣпко сидѣлъ въ сѣдлѣ и умѣлъ подписывать свое имя,— а любовь ихъ была еще полнѣе, чѣмъ въ первые дни, ибо началась она съ волненія крови и власти красоты, а теперь приняла въ себя и взаимное довѣріе, и пониманіе самыхъ сокровенныхъ мыслей, и единеніе не только ласкъ, но душъ и умовъ: такъ иногда закатъ бываетъ красивѣе восхода, ибо онъ хранитъ въ себѣ всѣ краски отсіявшаго дня.

И когда въ лунныя ночи домъ-Педро и Инеса гуляли въ своемъ саду, идя медленной поступью счастливыхъ влюбленныхъ, и черныя тѣни ихъ на серебряномъ пескѣ аллей сливались въ одну,— они говорили другъ другу, что и

сами они слились воедино, какъ слились ихъ тѣни.

И каждый разъ, цѣлуя передъ сномъ возлюбленную, гордо и радостно говорилъ ей домъ-Педро:

— Ты будешь королевой, Инеса моя, въ томъ клянусь тебѣ.

Не только стѣны имѣютъ уши, но и цвѣтущіе лавры и лимоны и миртовые кусты; и знали о клятвѣ домъ-Педро при дворѣ, и знали придворныя змѣи, что клятву свою онъ сдержитъ. И вотъ, наконецъ, удалось имъ убѣдить короля, что это дьявольское наважденіе можетъ прогнать только смерть; что только смерть колдуньи спасетъ его сына. Любимцы короля — министръ его Пачеко, Педро Цельо и Гонзальецъ нашептали ему убійство.

Долго жегъ свѣчи король передъ св. Дѣвой и рѣшилъ спасти сына. Заговорщики внушили ему также, чтобы онъ самъ пошелъ съ ними, увѣряя, что иначе ихъ не допустятъ къ ней, на самомъ же дѣлѣ, для того, чтобы его именемъ прикрыться отъ молній гнѣва домъ-Педро.

Они выбрали время, когда Педро уѣхалъ на охоту на всю ночь, и всѣ слуги, конюшіе, оруженосцы отправились съ нимъ; въ мраморномъ дворцѣ остались женщины, дѣти и ста-

рики — тамъ не боялись лихихъ людей, потому что знали — не тронетъ никто дома любимаго всей страной домъ-Педро. Увы! Они не знали, что лихіе люди не только скрываются подъ плащами разбойниковъ, но и подъ королевскими мантіями.

Для бѣдныхъ и усталыхъ путниковъ всегда открытъ былъ домъ Инесы; спокойно открыли его и заговорщикамъ, но когда слуги увидѣли короля, въ такой неурочный часъ, у Инесы, о которой онъ ранѣе и слышать не хотѣлъ, то всѣ очень испугались. Старая кормилица Инесы побѣжала предупредить ее объ этомъ, съ отчаяньемъ и слезами: но Инеса не знала страха, и ласково ободряла старуху надеждой, что король пожелалъ примириться съ ней.

— Не такъ, какъ тать въ нощи сдѣлалъ бы онъ это! — рыдала старуха.— Пріѣхалъ бы съ почетомъ, при свѣтѣ дня...

— А можетъ, онъ стѣснялся при сынѣ выказать такой благородный порывъ души? Но, не будемъ задерживать его величество, родная!

И торопливо накинула Инеса только широкую, отороченную собольимъ мѣхомъ симарру на тонкую ночную одежду, подобрала роскошные волосы въ сѣтку и поспѣшила къ королю, и съ граціей волшебной опустилась на колѣни, привѣтствуя его. Но увидавъ его мрачнымъ

и вооруженнымъ, поняла, что не къ добру пришелъ онъ.

— Молись, грѣшница!—сказалъ ей король.— Пришелъ твой часъ: готова ли ты къ смерти? И рука его сжала мечъ, котораго боялись мавры и которому не показалось позорнымъ упасть на голову беззащитной женщины.

Инеса не боялась смерти, она боялась одиночества, въ которомъ останутся безъ нея ея возлюбленный домъ-Педро и ея невинныя дѣти. Съ тоской подняла она къ небу полные слезъ глаза и всплеснула прекрасными руками. А въ это время проснувшіяся дѣти увидали, что матери нѣтъ съ ними, и побѣжали по ея слѣдамъ и, дрожа отъ холода и страха, окружили ее, хватаясь за ея одежду.

И не зная, какія найти слова, чтобы умолить короля, начала Инеса прерывающимся голосомъ, и молила не за себя, а за любимыхъ:

— Слыхала я, есть на землѣ дикіе звѣри и хищныя птицы, которыя жалѣютъ маленькихъ дѣтей; волчица не растерзала, а вскормила основателей Рима; вы — человѣкъ, ваше величество; неужели же васъ не трогаетъ судьба моихъ сиротъ?

Ваша кровь течетъ въ нихъ: взгляните на нихъ, какъ они красивы; у нихъ глаза вашего сына. Вы казните меня... За что? За то лишь,

что я повиновалась тому, кого люблю? Любовь — моя вина; но вѣдь они — невинны. Сжальтесь надъ ними! Вы, дававшій въ бояхъ смерть гордымъ потомкамъ Агари — подарите жизнь слабой женщинѣ. Изгоните меня! На что вамъ моя кровь? Пусть холодная Скиѳія или жгучія пустыни Африки будутъ моимъ убѣжищемъ; бросьте меня туда, гдѣ живутъ тигры и львы; я буду искать у нихъ милосердія, въ которомъ отказываютъ мнѣ люди. Тамъ я буду думать о томъ, за кого страдаю, и воспитывать моихъ дѣтей, и въ моемъ несчастіи они будутъ мнѣ утѣшеніемъ. Вашъ младшій внукъ еще сосетъ мою грудь; какъ я оставлю его? Подумайте и о вашемъ сынѣ! Пусть онъ не знаетъ, что рука его отца пролила кровь его возлюбленной!..

При видѣ прекрасной женщины, простирающей къ нему руки, при видѣ дѣтей въ слезахъ, похожихъ на его сына, какъ орлята на орла,— король поколебался.

Видя его колебаніе, Цельо крикнулъ ему:

— Государь! Ты не хочешь спасти сына и родину?

— Я хочу пощадить женщину; довольно изгнанія.

— Будь благословенъ, государь! — воскликнула Инеса; но ослѣпленный яростью Цельо кинулся на нее, какъ тигръ съ крикомъ:

— Такъ мы же спасемъ его, помимо твоей воли!

И оторвавъ дѣтей отъ Инесы, схватилъ ее за одежду, такъ что распахнулась красная симарра и обнажилась лилейная грудь,— и съ жадностью вонзилось въ нее лезвіе кинжала.

Смерть была милосердна и ударъ мѣткъ, такъ что, когда двое другихъ убійцъ бросились на Инесу и ударами мечей хотѣли добить ее — они добивали уже бездыханный трупъ.

Съ ужасомъ бѣжалъ король, подобно Понтію Пилату умывшій руки въ этомъ убійствѣ.

А на утро вернувшійся домъ-Педро засталъ весь домъ въ отчаяніи, не передаваемомъ словами, а Инесу — лежавшей на столѣ въ томъ самомъ атласномъ платьѣ, въ которомъ она стояла подъ вѣнцомъ.

Съ тѣхъ поръ сталъ домъ Любви называться домомъ слезъ, и сейчасъ, путникъ, если ты придешь въ Коимбру, темноглазыя дѣвушки укажутъ тебѣ Quinta das Lagrimas.

* * *

Пылокъ и жизнерадостенъ былъ ранѣе домъ-Педро; мраченъ и угрюмъ сталъ онъ, какъ если бы много зимъ пронеслось надъ его головою. Подобно снѣгу, выпадающему иногда весной, показалась преждевременная сѣдина въ его темныхъ кудряхъ. Прекраснъ и гордъ

былъ онъ ранѣе, какъ орелъ—подозрителенъ и жестокъ сталъ онъ, словно коршунъ. Вмѣсто открытой для любви и справедливости души, изъ глазъ его смотрѣли на міръ Божій черныя бездны ненависти и проклятія.

И не могъ онъ простить отцу своему, и не встрѣчался болѣе съ нимъ. Жилъ отшельникомъ; не тѣшила его уже ни охота, ни благородныя рыцарскія игры, ничто, наполнявшее прежде его дни; не убранный, едва прикрытый, со спутанными волосами, блѣдный, какъ выходецъ изъ гроба, блуждалъ онъ по своему дворцу, не пуская къ себѣ почти никого на глаза; когда же наступала ночь, онъ спускался въ склепъ, гдѣ была похоронена Инеса, и тамъ проводилъ долгіе часы. При неровномъ мерцаніи факела, воткнутаго въ бронзовое кольцо у стѣны, въ склепѣ, выложенномъ цвѣтнымъ мраморомъ, лежалъ онъ у ея гробницы; и что онъ говорилъ съ усопшей, какъ съ живой,—какъ онъ рыдалъ, какъ онъ ревѣлъ, точно раненый звѣрь, — и вдругъ называлъ ее нѣжными именами ихъ любви: звѣздой его неба, цвѣткомъ его жизни, душой его души,—и какъ клялся ей, что она все же будетъ королевой, и какъ бился головой о плиты подземныя, и въ кровь кусалъ свои руки, понимая, что ея уже нѣтъ,—про это знали только холодъ мра-

мора, облитаго слезами, только пламя факела, колебавшееся отъ воплей, вздоховъ и безумныхъ словъ.

И вотъ наступилъ 1357 годъ,—король Альфонсъ умеръ,—и домъ-Педро сталъ королемъ Португаліи.

* * *

Не эдикты о прощеніи преступниковъ, не щедрыя награды вѣрнымъ слугамъ и назначенія были первымъ дѣяніемъ вступившаго на престолъ короля—первымъ актомъ его власти былъ приказъ разыскать и привести убійцъ Инесы, Педро Цельо и Альваро Гензальеца. И когда стало извѣстно, что они нашли убѣжище у короля Кастиліи, съ неукротимой стремительностью поспѣшилъ домъ-Педро заключить миръ и союзъ со своимъ двоюроднымъ братомъ, тоже домъ-Педро, Кастильскимъ, съ которымъ раньше была Португалія 12 лѣтъ въ войнѣ и враждѣ; и чего тотъ ни пожелалъ, онъ на всѣ условія согласился, не слушая, себѣ же потребовалъ одного: выдачи преступниковъ.

И не храмы, не дворцы, не памятники были первымъ, что приказалъ построить новый король Португаліи,—но костры, и дыбу, и колеса, и страшныя орудія пытокъ на площади Сантарема.

Неслыханны были мученія, которымъ подвергъ домъ-Педро убійцъ Инесы; палачи уставали пытать ихъ, и холодный потъ лилъ съ нихъ ручьями,—а король не уставалъ насыщаться видомъ страданій осужденныхъ. И такъ ужасны были эти пытки, что долго потомъ вся Португалія, всѣ четыре королевства съ ужасомъ пересказывали про нихъ шопотомъ; долго въ пѣсняхъ пѣли о нихъ пѣвцы, заставляя дрожать слушателей; а король смотрѣлъ на пытку, не отрываясь; и потомъ самъ заговорилъ съ несчастными, когда въ нихъ еще оставалось довольно жизни, чтобы слышать его слова, чувствовать непереносную боль и стонать отъ истязаній.

— Вы убили невинную, и вырвали мое сердце изъ груди; по справедливости, такая же казнь постигнетъ и васъ.

И у живыхъ у нихъ, по знаку короля, вырвали клещами изъ грудей трепещущія сердца и сожгли ихъ остатки. А король смотрѣлъ съ дикой радостью, какъ пылаетъ пламя его мести; и не чувствовалъ ни содроганія, ни жалости, ибо у него больше не было сердца въ груди,— одинъ раскаленный камень.

Такъ домъ-Педро, которому книги судебъ готовили прозвище справедливаго и милосерд-

наго, получилъ отъ народа имя Педро Жестокаго, короля-мстителя.

* * *

Свершилась казнь, развѣялся по вѣтру прахъ убійцъ, получившихъ такое страшное возмездіе; снова на площади стали женщины, приходя изъ окрестныхъ селъ съ большими корзинами на головахъ, продавать плоды, вино и рыбу, нищіе собирались и играли въ кости, бѣгали дѣти со смѣхомъ и шумомъ. А король возвратился въ Коимбру.

И вскорѣ объявилъ онъ, что намѣренъ короновать свою супругу, и приказалъ готовиться къ торжественному празднеству.

Созваны были гранды и кортесы, придворныя дамы, представители другихъ королевствъ; юному домъ-Фернандо повелѣно было явиться. Чистились и убирались роскошныя залы дворца; мракъ и пыль, накопившіеся за годы добровольнаго заточенія домъ-Педро, разбѣгались отъ суеты усердной челяди. Вынимались смирнскіе ковры, расшитые золотыми львами знамена, вазы и курильницы венеціанской чеканки съ палестинскими благовоніями. Открывались заколоченныя окна, впуская солнце и ароматы; цвѣтущіе кусты украсили дворецъ; фонтаны, замолкшіе было, опять запѣли свои ласковыя пѣсни. Во дворахъ слышалось конское ржаніе,

переговоры оружеиосцевъ и пажей; шумъ и свѣтъ наполнили заколдованный дворецъ, и теперь не хватало, казалось, ему лишь прекрасной молодой хозяйки, чтобы воцарилось въ немъ прежнее веселье. И придворные начинали надѣяться, что скоро появится она, и спадетъ гнетъ, тяготѣвшій надъ королевскимъ домомъ.

— Вотъ, король отомстилъ за Инесу прекрасную; кара была тяжела, и онъ долженъ удовлетвориться ею; пора ему забыть прежнюю возлюбленную, и въ счастьѣ новой любви найти и новую радость.

Такъ шептались придворные. И многія сосѣднія красавицы, съ коронами въ гербахъ, тайно думали, не на нихъ ли падетъ выборъ короля.

Тѣмъ временемъ созваны были искуснѣйшія работницы со всей Португаліи, онѣ готовили роскошные наряды. Шили мантію бѣлаго шелка, расшитую золотыми нитями, рубинами и жемчугами, изъ которыхъ каждый могъ бы составить приданое графской дочери; плели кружева такія тонкія и нѣжныя, что даже солнечный свѣтъ могъ испортить ихъ нити, и надо было ихъ плести въ полутемномъ подземельѣ; горностаемъ изъ далекихъ полярныхъ странъ, который на корабляхъ привозили косматые

люди въ звѣриныхъ шкурахъ, и который былъ чище горнаго снѣга, подбивали полы мантіи. И не одна молодая головка, пока проворная руки нанизывали драгоцѣнные камни, вышивали звѣзды и цвѣты, сплетали кружевные уборы,—мысленно спрашивала себя:

— Чьи прекрасныя плечи будетъ облекать эта царственная мантія? Чье гордое чело будутъ покрывать эти кружева, тонкія, какъ паутина, пронизанная солнцемъ? Для кого вся эта роскошь?

И затуманивались глаза несбыточной мечтою, и вздохи зависти вырывались изъ груди.

Но домъ-Педро непохожъ былъ на счастливаго жениха. Какъ прежде, грозный и мрачный, блуждалъ онъ по заламъ; неслышными шагами, прядая, точно тигръ въ клѣткѣ, появлялся то тутъ, то тамъ, взглядывалъ воспаленными, налитыми кровью глазами на смолкавшихъ при видѣ его придворныхъ, и иногда смѣялся недобрымъ смѣхомъ, отъ котораго становилось жутко.

Близился назначенный день, а имени избранницы все не объявлялось. Наконецъ, нѣкоторые старѣйшіе придворные рѣшили спросить:

— Когда же дастъ домъ-Педро молодую королеву странѣ; когда онъ увѣнчаетъ золотую

корону власти—розами нѣжной женской красоты?

Домъ-Педро расхохотался своимъ страшнымъ смѣхомъ, и такъ взглянулъ на кортесовъ, что имъ показалось, будто молнія опалила ихъ, и вдругъ сказалъ:

— Я дамъ вамъ королеву... Сегодня же дамъ.

* * *

Новые и новые приглашенные стекались ко двору домъ-Педро. Прибывали въ Коимбру гранды на арабскихъ скакунахъ; подъѣзжали разряженныя красавицы въ раззолоченныхъ повозкахъ; придворные, свита короля, духовенство—всѣ давно были на своихъ мѣстахъ и ждали только минуты, когда откроются двери въ тронную залу, и можно будетъ проникнуть туда и, наконецъ, увидѣть таинственную избранницу короля.

И часъ насталъ. Но у входа въ залу встрѣтилъ самъ король своихъ придворныхъ и подданныхъ, спокойный и гордый, и привѣтствовалъ ихъ благосклонными словами. Потомъ обратился къ епископу и сказалъ ему:

— Я попрошу свершить обрядъ тутъ же, въ тронной залѣ, такъ какъ королева не можетъ встать.

— Государь, но вѣдь ранѣе надо свершить обрядъ бракосочетанія,—возразилъ епископъ.

— Онъ давно совершенъ — вами самими, мой святой отецъ, въ домовой капеллѣ Коимбры,— развѣ вы забыли это? — спросилъ король, и страшная улыбка искривила его уста.

И онъ повернулся и прослѣдовалъ въ тронную залу, а за нимъ пошли всѣ остальные, но когда распахнулись рѣзныя тяжелыя двери, отдернулась пурпуровая завѣса, и король вступилъ на возвышеніе подъ балдахиномъ, гдѣ стояли рядомъ два рѣзныя дубовыя кресла, — всѣ увидали, что королева уже заняла мѣсто на одномъ изъ нихъ, и сидитъ недвижно.

И первый рѣзко вскрикнулъ, точно раненая птица, юный инфантъ домъ-Фернандо; но такъ взглянулъ на него домъ-Педро, что крикъ замеръ въ его горлѣ, и онъ опустился на приготовленное для него рядомъ съ возвышеніемъ кресло, молча, весь дрожа, какъ въ сильнѣйшей лихорадкѣ и, не въ силахъ оторвать глазъ отъ королевы, смотрѣлъ на нее такъ, какъ кроликъ смотритъ на готовую поглотить его пасть змѣи.

И точно шелестъ осеннихъ листьевъ пронесся по залу шопотъ изумленія, недовѣрія и страха; поблѣднѣли лица суровыхъ грандовъ, а женщины судорожно цѣплялись одна за другую, и бѣжали бы, если бы не видъ короля, который сидѣлъ на тронѣ прямой, какъ стрѣла,

мрачный, гордый и прекрасный, какъ Люциферъ, и твердымъ, яснымъ голосомъ приказалъ начать обрядъ коронованія.

Трясущимися руками епископъ поднялъ корону надъ недвижной королевой и началъ обрядъ, а король въ это время держалъ королеву за руку крѣпко-крѣпко и не отрываясь, глядѣлъ на нее.

Глядѣли и всѣ придворные.

Недвижно сидѣла королева на тронѣ, откинувшись на алыя бархатныя подушки спинки; безпомощно свѣсилась ея свободная рука въ бѣлой душистой перчаткѣ; широко разставленные острые носки безжизненно покоились на мягкой подушкѣ, положенной подъ ноги.

Роскошная атласная одежда ея отливала въ складкахъ серебромъ, перламутромъ и розой; и король сидѣлъ къ ней близко, близко, такъ близко, что въ свѣтѣ безчисленныхъ факеловъ и восковыхъ свѣчей, озарявшихъ залу, черныя тѣни ихъ сливались въ одну. И время отъ времени онъ сжималъ ея руку движеніемъ, полнымъ покровительственной нѣжности и ласки. Но она не шелохнулась, не кивнула головой за все время обряда. А когда онъ былъ оконченъ, король приказалъ приступить къ цѣлованію руки. И первый приникъ къ этой рукѣ долгимъ поцѣлуемъ, и громко сказалъ:

— Я говорилъ тебѣ, ты будешь королевой.

И откинулъ кружевную вуаль, закрывавшую лицо королевы—а въ это время подошедшая къ рукѣ ея первая придворная дама, герцогиня ди-Санта-Фе, крикнула и упала на коверъ, подобно мертвой, ударившись вискомъ о ступень возвышенія: изъ-подъ кружевъ глядѣли черныя глазныя впадины, и черепъ улыбался своей страшной улыбкой: на тронѣ была королева Португаліи—Инеса прекрасная.

* *
*

Останки королевы Португальской были перенесены съ великою торжественностью въ Алькобасу, въ монастырь св. Маріи, гдѣ былъ королевскій склепъ. Тамъ похоронили ее въ бѣлой мраморной гробницѣ, украшенной изваяніями сфинксовъ.

А вскорѣ похоронили рядомъ съ нею и короля; и гробницы ихъ стоятъ не рядомъ, а одна противъ другой, по волѣ короля: затѣмъ, чтобы, когда они встанутъ для вѣчной жизни въ день страшнаго суда,—ихъ первый взглядъ былъ бы взглядомъ любви.

Послѣдняя ночь короля.

Давно отзвонилъ колоколъ, заставляющій людей въ полѣ—бросать плугъ, въ домѣ—топоръ или прялку, и благоговѣйно сложивъ руки, читать вечернюю молитву ангелу Господнему.

Улегся вѣтеръ, разрывавшій сизыя тучи, изъза которыхъ золотомъ и пурпуромъ горѣли небеса; погасъ костеръ заката, и ночь сошла на землю, въ священномъ облаченіи, шитомъ звѣздами по синей парчѣ, чтобы творить великое таинство сна и тишины. И спали птицы на вѣтвяхъ деревьевъ, и звѣри въ норахъ лѣсныхъ и стада въ полѣ; и утомленные люди—въ пастушескахъ хижинахъ и богатыхъ домахъ. Миновалъ часъ тушенія огней; и нигдѣ почти не свѣтилось ни одного огня—только неугасимая лампада въ часовнѣ св. Дѣвы, да издали, на высотѣ—окна королевскаго замка.

И какъ-будто не зналъ королевскій замокъ, что кругомъ ночь служитъ святое молебствіе отдыху и сну.

На крѣпкихъ стѣнахъ Плесси-ле-Туръ не спали часовые; у тройныхъ воротъ бодрствовали привратники; по каменнымъ галлереямъ, дворамъ и переходамъ дозоромъ ходили стражи; гулко звучали ихъ желѣзные шаги,—смолкали и скоро опять раздавались. И горе было бы заснувшему!

Тристанъ-Лермитъ всюду имѣлъ соглядатаевъ, отъ него не укрывались не только преступленія—даже тайныя мысли. Съ провинившимся расправа была бы коротка: подземелье замка и тѣ страшныя цѣпи, которыя народъ съ насмѣшкой отчаянія окрестилъ «королевскими дочками».

И не спали часовые и стражники и, опершись на свои аллебарды, тревожно слушали ночь. Но ни шаговъ ни шороха не слышали они: никто не смѣлъ бродить около королевскаго замка; путники и пѣшеходы не только ночью—днемъ остерегались приблизиться къ нему: всякаго любопытнаго ждала, по приказу Тристана, одна участь—мѣшокъ съ надписью: «дорогу правосудію короля!»—камень на шею—и смерть въ глубокихъ рвахъ, наполненныхъ водою и окружавшихъ замокъ мрачнымъ кольцомъ. Такова была любимая казнь Тристана, и не только рвы Плесси-ле-Туръ, но и тихія воды прекрасной Луары схоронили больше четырехъ тысячъ

такихъ мѣшковъ; и внизъ по теченію уплывали трупы,—трупы смѣлыхъ юношей, и сѣдыхъ стариковъ, сильныхъ мужей, и чистыхъ женщинъ,—возглашая красными какъ кровь буквами:

—Дорогу правосудія короля!...

Грозно темнѣли глубокіе рвы, и подняты были всѣ мосты—не ждущіе друга, не допускающіе врага.

Въ королевскомъ замкѣ тихо; мрачны его толстыя стѣны, угрюмы каменные своды, крѣпки желѣзные засовы. Въ одной изъ башенъ—той, что далеко видна въ Туръ, свѣтится желтое окно, какъ большой топазъ въ ночномъ мракѣ; это значитъ, что сейчасъ Тристанъ не нуженъ королю. Отвѣчаетъ ему такой же сигналъ изъ дома Тристана; и тамъ не спятъ, и стерегутъ: если засвѣтится за рѣкой, надъ стѣной лѣса, какъ большой рубинъ въ ночномъ мракѣ, красное окно на башнѣ—Тристанъ садится на коня, стоящаго всю ночь осѣдланнымъ наготовѣ: палачъ понадобился королю.

Въ большой залѣ у кованыхъ дверей воткнуты факелы въ стѣнныя кольца; красноватымъ свѣтомъ облиты ступени, ведущія къ молельнѣ,—желѣзныя латы стражниковъ у дверей,—черная одежда Оливье—злого духа,—бѣлокурыя и каштановыя кудри двухъ маленькихъ пажей, ожи-

дающихъ выхода короля. Особенно каштановыя кудри блестятъ,—съ оттѣнкомъ темнаго золота и красной мѣди въ крупныхъ кольцахъ,—точно собираютъ и сосредоточиваютъ всѣ лучи свѣта въ своихъ шелковистыхъ переливахъ.

Король не спитъ,—онъ въ молельнѣ. О чемъ молится шестидесятилѣтній король? Никто не знаетъ. Можетъ-быть, догадывается хитрый брадобрей Оливье, о которомъ толкуютъ, что онъ продалъ свою душу дьяволу и постигъ тайны колдовства. Маленькіе пажи не задумываются надъ этимъ. Въ нихъ сонъ борется со страхомъ. Ихъ дѣтскія головки еще помнятъ нѣжное прикосновеніе материнскихъ рукъ; ихъ глаза еще помнятъ ласку материнскихъ глазъ... Но со скрипомъ отворяется тяжелая дверь и на порогѣ появляется король.

Король не похожъ на человѣка, который молился. Его глубоко впавшіе, узкіе глаза горятъ сухимъ блескомъ подозрѣнія; его тонкія губы сжаты ненавистью. Напрасно строитъ онъ часовни и призываетъ такъ усердно Спасителя; напрасно посвятилъ 12-й часъ дня дѣвѣ Маріи, и по всей странѣ велѣлъ звонить въ колокола, прославляя ея непорочное имя; король не вѣритъ. Онъ не вѣритъ людямъ, даже своему Оливье иногда не вѣритъ. Слишкомъ много тотъ для *него* свершилъ измѣнъ и клятво-

преступленій, и порою шевелится въ разгоряченномъ мозгу короля змѣя подозрѣнія:

«А если и мнѣ измѣнитъ?..»

И король боится. Безстрашный Людовикъ XI боится. Какъ самаго страшнаго врага онъ боится—*сна*. Съ нимъ нельзя бороться ни силой ни хитростью. Придетъ минута—и онъ осилитъ: окутаетъ туманомъ, свяжетъ, скуетъ крѣпче всякихъ цѣпей и безпомощно броситъ гдѣ попало, на добычу врагамъ... И тогда—всѣ сильнѣе короля!

Оттого и боится Людовикъ спать двѣ ночи подъ-рядъ въ одной опочивальнѣ. Пусть никто не знаетъ, гдѣ одолѣетъ его сонъ; пусть никто не сможетъ разставить западни.

При немъ только самые испытанные люди,—спасенные отъ петли или костра, пажи-дѣти; дѣти еще не знаютъ измѣны... Можно подумать объ отдыхѣ. Духъ горитъ и мятется, но старыя кости требуютъ покоя. Покоя? Гдѣ его взять?.. Гдѣ склонить усталую голову?..

Онъ дѣлаетъ нетерпѣливый знакъ рукой, и пажи бросаются отворить ту дверь, на которую указалъ король. Они знаютъ, что теперь онъ пойдетъ нетерпѣливо шагать по своему замку, осматривать всѣ углы и искать мѣста для ночлега...

Что ищетъ онъ такъ зорко по всѣмъ угламъ?

Отчего иногда оглядывается, будто увидѣлъ что страшное во мракѣ?

Непроницаемы лица его спутниковъ; они не боятся того, что можетъ король увидѣть во мракѣ; и только тихо, про себя, шепчетъ кудрявый пажъ молитву, которую научила его мать читать въ опасности.

Они въ парадной опочивальнѣ. Подъ балдахиномъ съ голубыми лиліями рѣзное, богато позолоченное ложе; на стѣнахъ великолѣпные ковры, изображающіе жизнь и дѣянія Людовика Святого. Ларцы слоновой кости по стѣнамъ— и венеціанское зеркало, отражающее мракъ.

Король опускается въ кресло и сидитъ недвижно; какъ изваяніе стоитъ черный Оливье за его кресломъ, замираетъ стража у дверей, а маленькіе пажи испуганно и внимательно смотрятъ на короля, ловя его знакъ, взглядъ, движеніе—чтобы не пропустить безмолвнаго приказанія. Но король не шевелится, и не отрываясь глядитъ въ зеркало. Что приковало его взглядъ? Золотое пятно въ полумракѣ опочивальни. Это отражаются въ потускнѣвшемъ стеклѣ кудри маленькаго пажа, отливающія подъ свѣтомъ факела темнымъ золотомъ и красной мѣдью. Пышныя, живыя кольца... Но король видитъ не кудрявую голову мальчика: ему кажется, что зеркало отражаетъ другіе кудри

У нея были такія же кудри. Непослушныя, крупныя кольца, отливавшія темнымъ золотомъ и красной мѣдью—настоящія кудри Стюартовъ; она была немногимъ старше этого ребенка, когда впервые появилась въ пышномъ дворцѣ Нанси. Льстивые придворные попробовали восхищаться этими рыжими шотландскими кудрями, но онъ скоро заставилъ ихъ понять, что ему это не по вкусу. Непослушныя, дикія кудри; такія же непослушныя, какъ ея душа. Напрасно ея дамы старались приглаживать ихъ и прятать подъ тяжелые головные уборы, какъ приличествовало принцессѣ царствующаго дома, будущей королевѣ—онѣ все выбивались, и сколько разъ заставалъ онъ ее съ разсыпавшимися волосами, въ вѣнкѣ изъ полевыхъ цвѣтовъ, какъ тѣ пастушки, о которыхъ писали Шартье и прочая свора голодныхъ стихокропателей, бродячихъ поэтовъ, какъ при дворѣ его сумасброднаго дядюшки Анжуйскаго, излюбленное ея общество! Она помѣшана была на стихахъ и пѣсняхъ; по ночамъ не спала и сама писала стихи: это была будущая королева!.. Нѣтъ, нѣтъ, ей нельзя было сдѣлаться королевой. Блѣдной тѣнью проходила она рядомъ съ нимъ. Правда, пріѣхала она изъ своей нищей Шотландіи веселой и розовой, какъ крестьянская дѣвчонка, со смѣхомъ и пѣснями, но скоро,

скоро заставилъ онъ поблѣднѣть ея щеки; скоро глаза ея потеряли радость беззаботнаго дѣтства и стали испуганными, точно смотрѣли въ другой міръ. Она не способна оказалась дать ему наслѣдника! На что же была нужна такая женщина, такая королева? Тѣнь!..

Стихи и пѣсни, пѣсни и стихи... Развѣ не осмѣлилась будущая королева Франціи при всемъ дворѣ поцѣловать заснувшаго Алена Шартье? Онъ отлично зналъ, что она сказала правду, что она поцѣловала не стараго, некрасиваго Шартье, а то чело, которое подарило ей столько золотыхъ словъ; и что это не былъ поцѣлуй женщины. Онъ зналъ, что лжетъ и клевещетъ на нее коварный Жаме-де-Тиллей, взбѣшенный недоступностью принцессы, и чтобъ отомстить ей, наговариваетъ на нее, но что онъ одинъ, Людовикъ, гладѣетъ ея чистой и гордой душой; не ревность заставляла его дѣлать видъ, что онъ вѣритъ клеветѣ, и терзать ее: просто она была ему ненавистна, эта святая Маргарита, эта безплодная, безтѣлесная тѣнь. Но кто смѣетъ говорить, что онъ отравилъ ее? Проклятые безумцы... Онъ просто не хотѣлъ лѣчить ее, не позволилъ напрасно показывать ее докторамъ: не вѣрилъ въ ея болѣзнь; и кто бы повѣрилъ? На блѣдныхъ щекахъ ея стали цвѣсти прежнія розы: откуда же было ему знать, что это розы смертельной чахотки?..

И видитъ король, какъ онъ пришелъ къ ней въ послѣдній разъ. Онъ дѣлалъ это каждое утро, какъ примѣрный супругъ. Вотъ подъ такимъ же балдахиномъ съ голубыми лиліями лежала она, и темно-золотыя кудри разсыпались и свѣшивались до полу; ярко блестѣли синіе глаза и пылали румянцемъ щеки. И онъ поздравилъ ее съ цвѣтущимъ видомъ, а заплаканная женщина, стоявшая у ея постели, сказала, стараясь улыбаться (онѣ всѣ ходили заплаканныя, и смотрѣли на него съ ужасомъ точно на василиска, эти ханжи и святоши изъ ея прислужницъ!).

— Къ государынѣ моей возвращается жизнь?..

Онъ помнитъ, какъ сейчасъ, какъ Маргарита приподнялась и вздрогнула при этомъ словѣ, точно услыхала что то страшное и отвратительное; ея большіе глаза еще шире, еще испуганнѣе раскрылись, и слабый, какъ вздохъ, голосъ произнесъ и съ ужасомъ, и съ презрѣніемъ, и съ безнадежностью:

— Жизнь?.. Прочь съ жизнью! Не говорите мнѣ о ней!.. Ей было двадцать лѣтъ... или девятнадцать?..

И вдругъ кажется королю, что изъ-подъ балдахина, въ полумракѣ опочивальни, смотрятъ на него испуганные синіе глаза, онъ ви-

дитъ темнозолотыя кудри, пятна горячки на щекахъ, пятна крови на покрывалѣ...

Что это? Пробѣжала мышь? Или скрипнула рѣшетка окна, или вѣтеръ зашумѣлъ въ каминѣ?.. Или чей-то слабый вздохъ:

— Прочь съ жизнью... не говорите мнѣ о ней!..

И съ подавленнымъ проклятіемъ вскакиваетъ съ кресла король и бросается прочь, такъ быстро, что едва успѣваютъ пажи отворить дверь. И со стономъ падаетъ на ложе въ сосѣдней залѣ. Онъ закрылъ лицо руками и даже не думаетъ о томъ, гдѣ онъ: хочетъ только мрака и тишины.

Но проходятъ минуты. Трещитъ факелъ, еле слышно затаенное дыханіе людей. Король открываетъ глаза и осматривается.

Чьи глаза смотрятъ на него изъ тяжелой рамы, вдѣланной въ стѣну? Или опять видѣнія преслѣдуютъ его разстроенный ночнымъ бдѣніемъ мозгъ? Нѣтъ, это только портретъ его отца.

Отецъ его...

А вѣдь старикъ тоже не могъ спать послѣдніе годы!.. Бродилъ какъ призракъ въ своемъ Мегюнскомъ замкѣ, такомъ же недоступномъ и грозномъ какъ Плесси-ле-Туръ, замкнувшись отъ міра.

Или это судьба королей?

Когда-то онъ былъ беззаботенъ, слишкомъ беззаботенъ. Довѣрчиво шелъ за тѣми, кто велъ его,—и даже не приходилось ему раскаяваться въ этомъ. Да, ему была во всемъ удача! Недаромъ назвалъ его народъ «Карлъ, которому хорошо служатъ». Хорошо служили ему. А развѣ онъ былъ великимъ государемъ, развѣ онъ былъ отцомъ своей родины? Сперва—безвольное орудіе въ рукахъ ловкаго Арманьяка, потомъ—послушная игрушка этой безумной дѣвственницы—Жанны, про которую одни говорили что она Божія посланница, а другіе—что она колдунья и исчадіе князя тьмы; но кто бы ни было, Богъ или дьяволъ, а не будь ея, не былъ бы Карлъ VII королемъ Франціи; но гдѣ была благодарность? Когда англичане схватили ее—развѣ онъ пошевелилъ пальцемъ, чтобы спасти ту, которая когда-то, подобно блистающему архангелу, ввела его въ Реймсъ?.. А когда они сожгли ее, развѣ онъ не забылъ ее такъ же, какъ забываютъ убитую на охотѣ и сжаренную на вертелѣ лань? Чего же могъ такой человѣкъ ждать отъ другихъ, если самъ не зналъ вѣрности?..

И могъ ли онъ любить его, онъ, его старшій сынъ и наслѣдникъ, когда отецъ самъ ненавидѣлъ его когда ему не только былъ дороже младшій сынъ, но незаконныя дѣвчонки своей Турецкой наложницы? Имъ были и ласки, и

милости, и золото, ему—косые взгляды, подозрѣнія и упреки. А могъ ли онъ спокойно смотрѣть, какъ мѣсто его матери, благочестивой королевы Маріи, занимаетъ фаворитка? Онъ не сдержался разъ—и ударилъ ее, ударилъ эту несравненную «даму красоты», которую воспѣвали трубадуры,—ударилъ какъ послѣднюю продажную тварь. Онъ мстилъ за мать... Но, конечно, ни король, ни она никогда не простили ему этого. Кто знаетъ? Продлись еще ея вліяніе на Карла—и Карлъ Беррійскій былъ бы объявленъ престолонаслѣдникомъ. Да, ея вліяніе было безгранично! Кроткій видъ, опущенные глаза... Мадонну писали съ нея богохульники, и сейчасъ еще въ мегенской церкви виситъ это кощунственное изображеніе, и попы не отдаютъ его—такъ прекрасенъ ликъ этой Мадонны... А какая воля была! Собственно, она правила Франціей. Изъ рукъ безумной пастушки получилъ онъ скипетръ, а держала его рука наложницы, и какъ держала! Двадцать лѣтъ! Какими чарами, хотѣлось бы ему знать?

На какія только хитрости не пускалась эта женщина! Такъ, она призвала астролога и подговорила его, чтобы въ присутствіи короля онъ составилъ ея гороскопъ и обѣщалъ ей, что она будетъ любима великимъ государемъ.

Это она сдѣлала только для того, чтобы вызвать Карла изъ бездѣйствія и изнѣженной жизни во дворцѣ... Когда астрологъ исполнилъ ея желаніе, тогда она приняла притворно печальный видъ и сказала—весь дворъ это слышалъ!

— Дозвольте же мнѣ удалиться ко двору короля Англіи, государь; звѣзды не могутъ лгать, а здѣсь я не вижу *великаго* монарха.

И любовь свершила чудо съ Карломъ: словно отъ сна проснулся онъ, и вспомнилъ, что онъ король. Какъ по мановенію волшебнаго жезла, стала подниматься измученная Франція; расцвѣтали города, выигрывались битвы, завоевана была Нормандія, Гвіана... Англичане забыли дни побѣды и со страхомъ ждали войны, и «Карла съ вѣрными слугами» голосъ народа окрестилъ «Карломъ-Побѣдителемъ». Но развѣ онъ Францію любилъ? Онъ любилъ Агнессу; это былъ любовникъ, а не монархъ, котораго она дергала за веревочку и онъ плясалъ подъ ея музыку, какъ обезьяна на ярмаркѣ... Пора, пора ей было умереть. Но кто смѣлъ опять говорить объ отравѣ? Неудачные роды—и только: довольно было дѣвчонокъ... Но правда, она умерла во-время. Еще немного—и отецъ возомнилъ бы себя единственнымъ господиномъ Франціи, еще немного, и Беррійскій замѣнилъ бы

старшаго брата и законнаго наслѣдника короны. Подрѣзала ея смерть крылья старому коршуну! Куда дѣвалась роскошь, открытый дворъ, который онъ держалъ въ угоду Агнессѣ? Онъ заперся въ своемъ замкѣ. Но кто виноватъ, что изъ-за этихъ глупыхъ слуховъ объ отравѣ Агнессы онъ сталъ бояться собственнаго сына? Охота ему было вспоминать прошлое: ребяческіе заговоры, ошибки его юношескихъ дней; вѣдь давно онъ принесъ отцу повинную и примирился съ нимъ. Мало, что было тогда! А вѣдь въ старикѣ ненависть была сильнѣе времени: все изъ-за нея,—изъ-за той, которая и въ могилѣ не переставала владѣть душою стараго короля. Такая ненависть пристойна была лишь помѣшанному. И конечно, онъ и былъ помѣшаннымъ: пересталъ ѣсть—изъ боязни отравы! Карлъ-побѣдитель, владыка Франціи—уморилъ себя голодомъ, боясь отравы отъ руки собственнаго сына. Ясно, это было помѣшательство. Но каково... каково ему было переносить муки голода?.. Какъ, должно-быть, медленно отбивали башенные часы каждую четверть часа, и разносился звонъ по водамъ Іевры... А старикъ бродилъ и внутренности его терзалъ жгучій голодъ, и жажда сушила его кровь и хватала его раскаленными щипцами. Дряхлый, изможденный, онъ умиралъ медленной смертью въ

мученіяхъ худшихъ, чѣмъ какой-нибудь нищій у собора: тотъ, по крайней мѣрѣ, не боится протянутой ему корки хлѣба. И былъ онъ послѣдніе дни уже, какъ скелетъ обтянутый кожей, съ обнаженными деснами и трясущійся отъ слабости. Только глаза его горѣли нестерпимо сухимъ блескомъ, когда онъ, умирая, въ полубреду, молилъ:

— Хлѣба... хлѣба!

Но когда ему врачъ на колѣняхъ предлагалъ хлѣбъ и всякія яства, онъ съ ужасомъ отталкивалъ ихъ и бормоталъ:

— Ядъ!

Какъ впиваются глаза старика въ глаза сыну! Какъ жгутъ они его мозгъ!..

— Убійца... Сынъ — убійца... — шевелятся сморщенныя губы.—Сынъ убійца...

— Кто повѣсилъ здѣсь этотъ портретъ?— дико вскрикиваетъ король, и, безъ удивленія, отвѣчаетъ непроницаемый Оливье:

— Это тронная зала, государь.

Опять встаетъ король, спѣшитъ прочь отсюда, не оглядываясь на глаза портрета.

Какъ Агасѳеръ, гонимый судьбою, снова идетъ онъ дальше и дальше... И его худое, старое тѣло дрожитъ точно отъ сильнаго холода, и тяжело опирается рука на плечо Оливье.

Толстые фоліанты, тяжелые томы, рукописи,

свитки — это комнаты королевскаго архива. Здѣсь тихо и важно; здѣсь работа человѣческой мысли; и книги, написанныя руками благочести выхъ отцовъ, о дѣяніяхъ святыхъ и подвигахъ героевъ... Да, но зачѣмъ тутъ старые договоры?.. Къ чему беречь этотъ хламъ прошлой жизни? Отчего король не можетъ сжечь ихъ, какъ груду сухихъ листьевъ въ дворцовомъ лѣсу? Давно, вѣдь давно созвалъ онъ собраніе и всенародно объявилъ, что всѣ эти договоры недѣйствительны. Что изъ того, что онъ клялся хранить ихъ— клялся на Распятіи, сдѣланномъ изъ дерева отъ Креста Господня? Вѣдь эта клятва была вырвана у него врагомъ, и самъ его святѣйшество папа разрѣшилъ бы его отъ такой насильственной клятвы.

— Кто здѣсь произнесъ «Перонна»?—Чей насмѣшливый шопотъ прозвучалъ въ тишинѣ покоя?

Король поднимается съ кресла, держась за рѣзныя ручки и съ угрозой оглядывается: глаза его налились кровью... Но все тихо; всѣ молчатъ; лица привыкли къ каменной неподвижности.

Почудилось... Мало ли что почудится въ зловѣщіе ночные часы, когда сонъ бѣжитъ отъ старыхъ глазъ.

Кажется, перебили всѣхъ проклятыхъ воронъ

и скворцовъ, кричавшихъ по всей Франціи это позорное имя, да и владѣльцы ихъ узнали, что такое королевское правосудіе...

Но гдѣ-то лежитъ пергаментный свитокъ и громче наглыхъ птицъ вопіетъ собственноручная подпись Людовика о томъ, какъ продалъ король за собственную безопасность кусокъ родной страны, и королевскую гордость, и рыцарскую честь, продалъ врагу родины.

Продалъ! Не продалъ: обѣщалъ, и зналъ, что не исполнитъ договора; но что же онъ могъ сдѣлать? Не согласись онъ подписать, Франція осталась бы безъ короля, а онъ...

И видитъ король грозныя круглыя башни перонискаго замка, куда явился онъ незваннымъ гостемъ къ Карлу Бургундскому,—видитъ тѣ крѣпостныя ворота, которыя заперлись за нимъ, и изъ гостя сдѣлали его плѣнникомъ.

Бургундцы, бретонцы, англичане—вотъ были его могущественные враги, но король не любилъ воевать, и предпочиталъ войнѣ мирные договоры. Старая лиса отправилась въ логовище льва... Онъ зналъ, что такъ называли кругомъ его поступокъ. Онъ разсчитывалъ на свой умъ, на свою хитрость, на свое золото: разсчитывалъ также на то, что Карлъ, хоть и жестокъ и неукротимъ, но полонъ той рыцарской чести, которой не хватало ему... И ошибся. Могъ

ли онъ думать, что такъ попадется самъ въ западню? Жутко было смотрѣть старому королю изъ узкихъ оконъ отведенныхъ ему покоевъ на башню, стоящую болѣе пяти вѣковъ, гдѣ когда-то у графа Перонскаго шесть лѣтъ томился и умеръ въ заточеніи царственный узникъ, тоже французскій король Карлъ III-й и какъ напоминаніе о грозящей ему судьбѣ поднимались ея зубчатыя стѣны, сѣдыя и поросшія дикимъ плющемъ.

Только тогда и рѣшился онъ подписать постыдный договоръ, и подкрѣпить его клятвой, торжественной и страшной клятвой на крестѣ и евангеліи, когда понялъ, что дѣло его проиграно. И всему виной были валлонцы. Его союзники и вѣрные друзья, они вообразили, что король въ плѣну, и кинулись спасать его. Кто ихъ просилъ объ этомъ? Развѣ онъ обязанъ былъ посвящать этотъ маленькій народецъ во всѣ свои сложные планы и предпріятія? Они должны были поплатиться за свою неосторожность. Герцогъ потребовалъ отъ него, какъ доказательство его невиновности въ нападеніи валлонцевъ, чтобы онъ съ нимъ вмѣстѣ двинулся на Льежъ.

Что же ему оставалось?

И встаетъ передъ королемъ ночь осады; въ полномъ мракѣ шумъ оружія, топотъ коней,

вопли сражающихся, стоны раненыхъ—все смѣшалось въ адскомъ хаосѣ; и герцогъ подъѣхалъ къ нему на своемъ конѣ и, улыбаясь, сказалъ:

— Теперь я вижу, государь, что вы вѣрны своей клятвѣ... На утро рѣшительная осада; мы во главѣ ея пойдемъ на городъ.

Разсвѣтъ взошелъ кровавый; воскресное утро; осажденные ждали, что пощадятъ святость воскреснаго дня. Но Карла, какъ горный потокъ, что̀ могло остановить въ жаждѣ мести и крови?..

Валлонцы увидѣли двухъ государей, и при видѣ короля, думая, что онъ—плѣнникъ, съ львиной храбростью кинулись въ бой, крича:

— Да здравствуетъ Франція!..

— Да здравствуетъ Бургундія!—отвѣтилъ имъ на это король; и это было ужаснѣе для стойкаго, храбраго народа, чѣмъ бомбарды съ каменными ядрами и несущіе смерть змѣевики.

Три дня грабили городъ; не пощадили ни одной женщины ни одной чистой дѣвы изъ святыхъ обителей, и, надругавшись надъ ними, убивали, на клочья разрывали младенцевъ грудныхъ, пьяные и обезумѣвшіе отъ вина и крови.

Король зналъ, что все равно Карлъ не пощадитъ города и сотретъ его съ лица земли;

его заступничество только ухудшило бы дѣло. И потому, когда Карлъ спросилъ его:

— Что же намъ дѣлать съ Льежемъ?..—онъ отвѣтилъ:

— Государь, у отца моего было подъ окномъ замка дерево, гдѣ вили гнѣзда вороны и надоѣдали ему по утрамъ своимъ крикомъ. Онъ убивалъ воронъ, разорялъ ихъ гнѣзда, но ежегодно прилетали новыя и снова вили гнѣзда. Тогда отецъ мой приказалъ срубить дерево, и вороны больше не мѣшали ему.

Но и тутъ не вѣрно разсчиталъ Людовикъ. Герцогъ не удовольствовался такимъ угоднымъ ему отвѣтомъ, а захохоталъ и сказалъ:

— Прекрасный совѣтъ, государь...

И огню и разоренію предалъ онъ славный Льежъ, источникъ мудрости, какъ звала его вся Европа, городъ 300 церквей, которыя ежедневно слышали не меньше мессъ, чѣмъ великій Римъ. Вплоть до Арденнскаго лѣса, гдѣ преслѣдовалъ онъ несчастныхъ бѣглецовъ, и безъ того погибавшихъ отъ холода и голода, все онъ сжегъ, разрушилъ, залилъ кровью. Однѣ церкви велѣлъ онъ оставить, и въ опустѣломъ городѣ, надъ грудами дымящихся развалинъ, возвышались колокольни церквей и нѣмыми колоколами своими вопрошали:

— Чѣмъ заплатилъ ты, Людовикъ, своему
вѣрному Льежу?..

— Что ты сдѣлалъ, измѣнникъ, съ братьями
своими?..

Измѣнникъ, измѣнникъ!..

Это вѣтеръ свиститъ въ каменныхъ трубахъ?

— Измѣнникъ, король-измѣнникъ, король-
убійца!..

Это буря потрясаетъ желѣзными ставнями
оконъ?.. Это громъ грохочетъ во мракѣ ноч-
номъ, призывая небесное проклятіе на сѣдую
голову?..

И, гонимый ужасомъ, бросается король, самъ
не зная куда, забывъ усталость и старость свою;
точно кровавые призраки преслѣдуютъ его,
и не буря слышна за окномъ, а шумъ битвы, и
ржаніе коней, и лязгъ оружія, и стоны раненыхъ...

Скрыться, бѣжать, заглушить эти звуки!..
И по переходамъ, лѣстницамъ и галлереямъ
бѣжитъ король,—а за нимъ спѣшитъ стража;
тревожно колеблется пламя факеловъ, освѣщая
сѣдую голову, грубый сѣрый камзолъ, трясу-
щіяся руки короля...

И вдругъ онъ вздрагиваетъ и останавли-
вается около маленькой двери, ведущей въ
какую-то комнатку. Смутный звукъ слышится
ему оттуда: точно жужжаніе какое-то и тихій,
тихій голосъ... Король прислушивается... Онъ

быстрымъ знакомъ велитъ всѣмъ удалиться. И долго, долго стоитъ—точно этотъ тихій звукъ заглушаетъ понемногу свистъ вѣтра и вой бури въ башняхъ. Тихонько Людовикъ отворяетъ дверь. Въ грубо сколоченномъ креслѣ сидитъ дряхлая женщина. Ея бѣлые волосы гладко причесаны, и увядшее лицо полно покоя и доброты очень старыхъ людей—какъ мягкій снѣгъ въ часы заката. Это Жанна—75-тилѣтняя кормилица короля. Она уже много лѣтъ никуда не выходитъ изъ своей свѣтелки: сидитъ и прядетъ свою пряжу, прядетъ долгіе дни и долгія ночи напролетъ: мало спитъ старая Жанна, не умолкая, жужжитъ веретено и прядется пряжа молитвъ, тихихъ думъ и воспоминаній.

Увидѣвъ короля, она ласково киваетъ ему. Она не удивляется его приходу: она всегда ждетъ его,—много, много лѣтъ терпѣливо ждетъ. Вотъ онъ пришелъ! И она тихонько говоритъ ему:

— Усталъ, сынокъ? Прилягъ, отдохни!

Король покорно, какъ въ дѣтствѣ, ложится на скромное ложе старухи, и оно кажется ему мягкимъ и теплымъ; сладко расправляются старыя кости. А она продолжаетъ прясти пряжу у его изголовья, и тихо напѣвать свою пѣсенку. Тѣнь голоса, тѣнь пѣсенки:

Усни, мой маленькій Луи,
Усни, ребенокъ милый!
Лелѣетъ тихо сны твои

Хранитель бѣлокрылый.
Вокругъ душистый садъ цвѣтетъ,
По золотой дорожкѣ
Пускай ступаютъ безъ заботъ
Твои малютки-ножки.
Окончу я свой путь земной,
И скипетръ Франціи родной
Возьметъ твоя ручонка.
Уйду я, небеса моля
За дорогого короля,
За милаго ребенка.
Прославятъ міръ дѣла твои
Для Франціи родимой;
Но всежъ ты будешь мой Луи,
Сыночекъ мой любимый!..

И слушаетъ король тѣнь голоса, тѣнь пѣсенки, жужжаніе веретена; понемногу совсѣмъ исчезаютъ звуки битвы, шумъ и вопли, пронизывавшіе усталый мозгъ, бившіеся вмѣстѣ съ біеніемъ крови въ жилахъ, стучавшіе въ вискахъ.

Старческій голосъ шепчетъ ему благословенія; нашлись глаза, которые съ любовью стерегутъ его отдыхъ...

Такъ спокойно заснулъ король Людовикъ XI въ свою послѣднюю ночь на землѣ.

Свадебный подарокъ Маргариты.

Тамъ, наверху, какъ гнѣзда ласточекъ лѣпились убогія лачуги. Многія изъ нихъ были просто пробиты въ гранитовыхъ скалахъ, или ютились въ самой природой продѣланныхъ пещерахъ; входы въ нихъ скрывались ползучими растеніями и буйно разросшимся колючимъ кустарникомъ; только дымокъ, тянувшійся тоненькими струйками изъ отверстій въ скалахъ, точно изъ невидимыхъ жертвенниковъ, къ темно-голубому небу—выдавалъ, что здѣсь людское жилье. Но дымокъ рѣдко поднималъ свою колеблющуюся спираль къ небесамъ: въ землянкахъ рѣдко приходилось варить пищу; живущіе тамъ люди питались главнымъ образомъ черствымъ хлѣбомъ, овечьимъ сыромъ и дикимъ чеснокомъ.

Небольшая, старая часовня, съ грубо раскрашенной деревянной фигурой изнеможеннаго Христа въ терновомъ вѣнцѣ, съ сочившимися по лицу каплями алой крови, стояла на утесѣ,

и вырисовывался темный высокій крестъ на самомъ крутомъ выступѣ скалы.

Тамъ жили темные, молчаливые, голодные люди, и заходили туда только еще болѣе голодные нищіе да сборщики податей; первымъ приходилось иногда отказывать, вторымъ отказывать было нельзя; и если первые со стонами призывали Santa Virgen, уходя голодными изъ негостепріимной деревни,—то послѣ ухода вторыхъ, стонала вся деревня, старухи плакали надъ взятою послѣдней овечкой, а молодые стискивали зубы и грозили кому-то, куда-то въ пространство, сжатыми въ кулакахъ навахами.

А всего въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда, въ пышныхъ садахъ Аранхуэса, возвышался нарядный дворецъ, украшенный статуями и мирно улыбавшійся отражавшимъ его водамъ Тахо.

Тахо—тотъ самый Тахо, что выше—въ Тэруели—кидается какъ бѣшеный внизъ съ горы,—а ниже, у Толедо, прокладываетъ себѣ путь глубокимъ, искривленнымъ, извивающимся ущельемъ, полнымъ пропастей и тайнъ, въ гранитной тѣснинѣ Толедскихъ горъ, и своими зелеными волнами, какъ змѣя кольцомъ, сжимаетъ въ объятіяхъ царственное Толедо, увѣнчанное короной Альказара, и течетъ потомъ, мутный и сердитый, мимо пустынныхъ

печальныхъ песковъ, подъ римскимъ мостомъ Алькантары, и, наконецъ, разливается широкой судоходной рѣкой, среди рисовыхъ полей, сосновыхъ рощъ и цвѣтущей долины Фигейры до Лиссабона, неся на своей необъятной поверхности въ океанъ чужеземныя галеры съ золотыми статуями у кормы и цвѣтными парусами—здѣсь этотъ самый Тахо притворялся маленькимъ, невиннымъ и ручнымъ.

Онъ спокойно протекалъ по садамъ Аранхуэса, огражденный со стороны дворца бѣлой балюстрадой, уставленной тамъ и здѣсь вазами, изъ которыхъ свѣшивались, пылая какъ огни, цѣлыми букетами и гирляндами, массы вьющейся красной герани. Казалось, будто Тахо всегда былъ только такимъ; давалъ воду для мраморныхъ фонтановъ и бассейновъ, украшавшихъ сады,—и носилъ на своей бирюзовой поверхности только легкіе челноки да бѣлыхъ лебедей, подплывавшихъ къ самому берегу за крошками.

Аллеи садовъ походили на правильныя галлереи, гдѣ колоннами были мощные стволы великолѣпныхъ «черныхъ вязовъ», а сводами ихъ—смыкавшіяся вверху зеленыя, шелестящія вѣтви, сквозь густую сѣть которыхъ играли и перебѣгали свѣтъ и тѣни на пескѣ аллеи.

Въ концѣ аллей, точно въ аркахъ, заволакивались глубокою дымкой дали и бѣлѣли

статуи или фонтаны: мраморный Нарциссъ, застывшій въ позѣ восхищенія собственнымъ отраженіемъ въ водѣ бассейна, Геркулесъ, амуры, стройныя нимфы вперемежку съ раскрывшими пасти крокодилами и разными водяными чудовищами; мраморныя скамьи въ тѣни розъ манили отдохнуть; и всюду были цвѣты, цвѣты— всѣ, какіе можетъ дать испанская весна.

Дворъ наѣзжалъ въ Аранхуэсъ часто, но не надолго. Къ пріему его готовились заранѣе. Изъ окрестныхъ селеній, съ горъ, изъ долины— отовсюду сгоняли людей. Тѣ чистили и убирали, ползая на колѣняхъ, выпалывали каждую лишнюю травку, отламывали каждую сухую вѣтку, отметали каждый камушекъ, рядили паркъ какъ избалованную красавицу, жадными глазами засматривая въ окна дворца. Потомъ надсмотрщики выгоняли ихъ; являлись солдаты, свита, шуты, музыканты и, наконецъ, показывались, какъ сказочныя видѣнія, золотыя кареты королевскаго кортежа, запряженныя цугомъ 8-ю бѣлыми конями въ раззолоченной сбруѣ; расписанныя лучшими художниками, блестящія на солнцѣ—онѣ мчались, поднимая облака пыли по дорогѣ.

Толпа должна была издали, на колѣняхъ, глотая пыль, поднятую великолѣпными бѣлыми конями, привѣтствовать кортежъ.

Съ Филиппомъ III пріѣзжалъ обыкновенно всесильный герцогъ Лерма, именемъ котораго матери пугали дѣтей. Слухи о его жестокостяхъ, особенно по отношенію къ несчастнымъ морискамъ, доходили и сюда. Морисковъ еще съ царствованія Филиппа II рѣшено было истреблять или изгонять. Лерма усилилъ гоненія на нихъ. Потомки древнихъ мавровъ давно привыкли смотрѣть на Испанію, какъ на свою родину, любили ее, работали для нея, и не хотѣли покидать ее; но тѣхъ, кто не уходилъ добровольно, избивали какъ дикихъ звѣрей,— и мужчинъ, и женщинъ,—оставляя только дѣтей до 7-лѣтняго возраста, которыхъ крестили и продавали въ рабство. Простой народъ жалѣлъ трудолюбивыхъ морисковъ и шепталъ осужденіе Лермѣ—но только *шепталъ*, потому что шпіоны шныряли по всей странѣ, прятались въ каждомъ темномъ углу церкви, сидѣли за бутылкой вина въ каждой маленькой «фондѣ» или «посадѣ», прислушиваясь къ разговорамъ въ толпѣ...

Но мало кто говорилъ. Страна молчала— Лерма былъ доволенъ, и продолжалъ душить ее все больше тяжестью непосильныхъ налоговъ на то, безъ чего нельзя дышать и жить. Голодая, разоряясь и скрежеща зубами, толпа все еще молчала.

А въ садахъ Аранхуэса тѣмъ временемъ

шли пиры и празднества, гранды и красавицы всѣхъ провинцій—андалузки съ крохотными ножками, стройныя малажанки, златокудрыя женщины Валенціи—слушали музыку, играли въ любовь и упивались ароматомъ розъ, померанцевъ, жасминовъ и «дерева любви», осыпающаго дорожки дождемъ лиловато-розовыхъ, какъ вечернія облака, цвѣтовъ и пѣреносящаго небо на землю...

Сегодня въ Аранхуэсѣ былъ торжественный день: впервые ввелъ Филиппъ свою молодую—едва 15-лѣтнюю супругу—бѣлокурую Маргариту—въ лѣтній дворецъ.

Рожденная въ тихомъ Грацѣ, въ живописныхъ горахъ Штиріи, на берегахъ веселой горной рѣки Муръ, прыгающей со скалы на скалу по лѣсистымъ склонамъ, какъ шаловливая лѣсная принцесса,—Маргарита томилась въ мрачныхъ стѣнахъ Эскуріала, глядя изъ задѣланныхъ желѣзными рѣшетками оконъ дворца на безнадежную каменистую пустыню вокругъ себя. Эскуріалъ давилъ ее. Подозрѣніе сковало эти страшныя, желѣзныя двери, эти тяжелыя цѣпи и засовы; боязнь строила эти непроницаемыя стѣны; ненависть къ людямъ возводила эти неприступныя ограды; недовѣріе строило эти залы, гдѣ слово, сказанное шопотомъ въ одномъ углу, громко слышно было въ другомъ.

Много ужасовъ хранили въ себѣ подземные тайники и склепы; смѣсь крѣпости, тюрьмы и кладбища былъ этотъ дворецъ, гдѣ, не выходя изъ стѣнъ, можно было и окрестить, и убить, и заточить живого, и похоронить мертваго. А стѣны были такія-же мрачныя, угрюмыя, сѣрыя, какъ скалистая почва разрушенныхъ каменоломенъ и брошенныхъ желѣзныхъ рудниковъ кругомъ, изъ которой точно выросталъ этотъ неприступный, грозный дворецъ.

Все это кошмаромъ давило юную головку. Мужъ, молодой, но вялый и апатичный, не былъ близокъ Маргаритѣ. Лерма пугалъ ее своими ястребиными глазами, и она знала, что въ душѣ Филиппа онъ стоитъ на первомъ мѣстѣ, а не она.

Ей не хватало веселыхъ пѣсенъ ея родины, журчанія и лепета Мура и мелодичнаго перезвона колоколовъ св. Эгидія...

Но вотъ, наконецъ, дворъ переселился въ Аранхуэсъ, и молодая королева сразу ожила, какъ вынесенный на солнце изъ темноты цвѣтокъ.

Она, какъ ребенокъ, порхала по дворцу, восхищаясь его нарядным великолѣпіемъ, свѣтлыми окнами, мраморными лѣстницами и особенно садомъ.

Все, чего не хватало ей въ Эскуріалѣ, было здѣсь. Для нея запрудили одинъ изъ каналовъ

парка, и вода бѣжала быстрымъ и пѣнистымъ каскадомъ, напоминая ей родную рѣку. Вязы осѣняли ее своей зеленой прохладой; мирты, кипарисы, туи, пальмы—все перемѣшивалось въ роскошномъ безпорядкѣ, и всюду цвѣли розы; цѣлыми плащами покрывали стѣны и ограды мелкія бенгальскія розы, розовыя, нѣжныя и крошечныя, какъ рой маленькихъ мотыльковъ, трепетавшія отъ каждаго порыва вѣтерка,—и другія, пышныя, желтыя и красныя; цѣлыя поляны ирисовъ разстилались лиловыми коврами, и Маргаритѣ хотѣлось упасть ничкомъ на этотъ душистый, шелковистый коверъ, и цѣловать его, и смѣяться солнцу и веснѣ.

Природа улыбалась вмѣстѣ съ нею—прошла гроза, и освѣжила воздухъ, и особенно попраздничному вымыла деревья и цвѣты.

Даже Филиппъ былъ веселѣе и привѣтливѣе обыкновеннаго,—Лерма былъ въ Мадридѣ; не было изъ его любимцевъ еще никого, кромѣ молодого, геніальнаго поэта Гильенъ-де-Кастро, котораго любила и Маргарита, потому что онъ разсказывалъ ей о Сидѣ и говорилъ съ нею о Богѣ и звѣздахъ.

Королева вспоминала, какъ восторженно и шумно встрѣтила ее толпа...

Но если бы приглядѣться къ этимъ худымъ, темнобронзовымъ лицамъ,—можно было бы уви-

дѣть, что, несмотря на громкіе крики привѣта,— ни въ однихъ глазахъ не было искренней радости, ни на однихъ устахъ не было улыбки.

Хорошо, что не было Лермы: все это замѣтилъ бы его зоркій глазъ; замѣтилъ бы онъ и стоявшую вдалекѣ отъ толпы дѣвушку съ разметавшимися волосами, которая безумными глазами смотрѣла на королевскій кортежъ и вмѣсто привѣтствія крикнула королевѣ:

— Твой король здѣсь, а куда вы дѣвали моего?

И захохотала дикимъ смѣхомъ.

Это была Энкарнасьонъ, тронувшаяся въ умѣ послѣ вчерашней казни.

Въ деревнѣ сегодня не хватало троихъ: стараго кузнеца Хорхе, его сына—красавца Педрильо, и Санчо—жениха дочери Хорхе, Конхиты. Конхиту обезчестилъ Алькадъ Аранхуэса; Санчо—женихъ ея—поднялъ на него ножъ,—алькадъ со своими помощниками бросился на него,—за Санчо вступились Хорхэ и Педрильо; произошла свалка, во время которой Хорхэ, сына его и Санчо схватили, обезоружили и свели въ тюрьму. Алькадъ былъ ставленникомъ Лермы, и потому судьба троихъ была быстро рѣшена...

На ауто-да-фе не рѣшились. Народъ любилъ ауто-да-фе и восторженно встрѣчалъ

пышную церемонію сожженія еретиковъ или евреевъ,—но за своихъ онъ могъ вступиться, и сжечь ихъ «ad majorem Dei gloriam» было не безопасно. Потому ихъ просто задушили. Изъ тюрьмы ихъ вывели рано, на разсвѣтѣ, когда Тахо еще былъ закутанъ серебристымъ туманомъ и едва начинали щебетать просыпавшіяся птицы.

Ихъ зарыли тутъ же на берегу. Но часа два спустя разразилась страшная гроза, Тахо выступилъ изъ береговъ, размылъ ихъ—и, когда въ деревнѣ узнали о случившемся, то тѣлъ уже нельзя было найти.

Цѣлый день Энкарнасьонъ рыла землю своими тонкими, смуглыми пальцами, и когда рыдающая Конхита пробовала увести ее, она только отталкивала подругу, повторяя:

— Онъ здѣсь, я должна найти его!

И продолжала, лежа грудью на землѣ, рыть ее такъ, что у нея кровь текла изъ подъ ногтей.

Товарищи Педрильо тоже уговаривали ее, и клялись ей, что найдутъ его тѣло гдѣ бы то ни было, но она все не слушала ихъ, и рыла землю, и въ отвѣтъ имъ только смѣялась безумнымъ смѣхомъ...

...Вотъ почему были грозныя лица у толпы, на другой день, когда бѣлокурая головка кивала имъ изъ окна золотой кареты,—но

Маргарита не понимала ихъ выраженія. Она только съ грустью вспоминала веселую, праздничную толпу ея родины, и молодыхъ дѣвушекъ, привѣтствовавшихъ ее на родномъ языкѣ и бросавшихъ ей на колѣни пучки анемоновъ и эдельвейсовъ.

Но долго грустить въ 15 лѣтъ трудно; и когда королева, послѣ трапезы вышла въ садъ, то солнце такъ свѣтило и розы такъ пахли, что больше она не грустила.

Филиппъ подалъ ей руку и повелъ показывать паркъ; на почтительномъ отдаленіи слѣдовали за ними свита, тѣлохранители, шуты и прочая челядь, ожидая знака, чтобы приблизиться. Они не мѣшали Маргаритѣ: здѣсь былъ воздухъ и просторъ, и каменныя стѣны не душили ее.

Мраморная лѣстница привела ихъ незамѣтно къ небольшой пристани, гдѣ покачивался бѣлый челнокъ. Рядомъ съ нимъ колыхались лѣниво на голубой водѣ два бѣлыхъ лебедя, тоже царственная чета... Всѣ эти бѣлыя очертанія на фонѣ яркой зелени и бирюзы ласкали глазъ, на противоположномъ берегу, на подстриженной травѣ, паслись бѣлые ягнята, и хорошенькая дѣвочка стерегла ихъ; ягнята были расчесаны и казались волнистыми, какъ перистыя облачка передъ хорошей погодой.

Маргарита вздохнула и взглянула на короля. Ему было только 20 лѣтъ, и видъ его прелестной юной супруги на мигъ возбудилъ въ немъ радость жизни. Лермы не было,—Лермы, точно закрывавшаго отъ него солнечный свѣтъ своими подозрѣніями, предвидѣніями и совѣтами. У королевы были глаза, какъ глубокія лѣсныя озера ея родины, и сейчасъ въ нихъ читалось робкое ожиданіе нѣжности.

Позади нихъ красивыми группами раздѣлилась свита, на зеленомъ газонѣ бархатные камзолы мужчинъ, пышныя, сверкающія платья женщинъ, пестрые наряды шутовъ, золото и камни украшеній—выдѣлялись яркими пятнами. Кто-то наигрывалъ на лютнѣ, и тихіе звуки сливались въ одну гармонію съ журчаніемъ воды и шелестомъ вѣтвей, а воздухъ былъ полонъ пряным сладкимъ дыханіемъ миртъ и розъ.

Открытое бѣлое платье Маргариты позволяло видѣть ея нѣжную грудь, на которой видно было, какъ по голубымъ жилкамъ переливается чистая кровь; нити матоваго жемчуга чуть поднимались при каждомъ вздохѣ юной груди.

Глаза Филиппа, обыкновенно тусклые и утомленные, заблестѣли; онъ взялъ руку Маргариты и шутливо спросилъ:

— О чемъ думаетъ моя королева?

Непривычная ласковость короля заставила порозовѣть Маргариту. Ея мечтательная душа ждала любви супруга, она считала, что это ея высшее назначеніе на землѣ...

— О томъ, что Господь милосердъ и жизнь все-таки прекрасна!..—отвѣтила она робко.

Филиппъ не обратилъ вниманія на «все-таки», онъ никогда не обращалъ вниманія на то, чего не хотѣлъ, при всемъ своемъ кажущемся слабоволіи,—онъ тихонько взялъ ея руку и поцѣловалъ въ теплую, нѣжную ладонь.

Маргарита вся замерла и, смущенная, смотрѣла на уплывающихъ лебедей, а Филиппъ смотрѣлъ на ея разгарающееся лицо, и глаза его темнѣли.

Вдругъ она вздрогнула и прижалась къ нему въ нѣмомъ испугѣ.

Въ волнахъ что-то мелькнуло... Еще и еще...

Сперва показалось безформенной массой...

— Нѣтъ, это человѣкъ!—вырвалось у нея.— Еще... ихъ трое!..

Забывъ обо всемъ, не въ силахъ оторвать взгляда отъ ужасной картины, Маргарита стиснула руку короля и подалась впередъ.

Мимо нихъ плыли трупы. Лицъ уже нельзя было разобрать, до того они были искажены и раздуты; только мутно глядѣли стеклянные глаза, и въ странной улыбкѣ оскалены были

зубы; три головы—одна за другой—одна сѣдая и двѣ темноволосыя.

Трупы подплыли къ мраморной пристани, толкнулись о нее и зацѣпились... И остановились, тихо покачиваясь на бирюзовыхъ волнахъ.

Филиппъ быстро вскочилъ, увлекая Маргариту. Его грозный взглядъ подсказалъ свитѣ, что нужно было дѣлать... Садъ быстро опустѣлъ.

* * *

Какимъ образомъ тѣла попали въ деревню изъ садовъ Аранхуэса, никто не могъ бы навѣрно сказать; но они попали. Лермы еще не было... Безъ него возможно было многое.

Энкарнасьонъ получила своего Педрильо. Она сама расчесала его смокшіяся кудри и, убирая его, спрашивала:

— Правда, какой красавецъ мой Педрильо?

И смѣялась счастливымъ, безумнымъ своимъ смѣхомъ.

И никто не противорѣчилъ ея безумію.

Только одинъ его товарищъ, глядя на него, молвилъ:

— Это наша Испанія... связанная, предательски задушенная, погубленная...

И рука его стиснула наваху.

Деревня сама похоронила ихъ недалеко отъ Распятія. Обряда не было.

* * *

Королева въ жестокомъ припадкѣ лежала во дворцѣ. Она долго не могла оправиться отъ своего недуга.

И каждый разъ, когда Филиппъ подходилъ къ ней съ лаской, она протягивала впередъ руки, словно защищаясь отъ удара, и дико вскрикивала:

— Мертвецы, мертвецы... они глядятъ на меня, они смѣются!..

Розы юной королевы увяли быстро.

Она проводила дни и ночи, вымаливая прощеніе грѣхамъ Испаніи, основывала монастыри, въ которыхъ и жила почти все время, и умерла 26-ти лѣтъ отроду—монахиней на тронѣ и королевой только по имени.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Правдивая повѣсть о прекрасной Франческѣ изъ Римини и Паоло Малатеста, о ихъ любви и смерти 1

Исторія о прекрасной королевѣ Жиневрѣ и рыцарѣ Ланселотѣ. 41

Исторія о томъ, какъ монна Піа-ди-Толомеи, будучи невинной, погибла по волѣ жестокаго супруга. 68

Исторія о томъ, какъ Якопо Бенедетти изъ Тоди любилъ прекрасную монну Ванну и какъ любовь эта божественнымъ огнемъ страданія очистила его душу 104

Правдивая исторія о жизни Франческо Бернардоне изъ Ассизъ, о любви къ нему Кьяры Шиффи и о его святой кончинѣ. 139

О томъ, какъ Франческо Бернардоне пристыдилъ прекрасную блудницу и вернулъ душу ея святой любви. 188

Сказаніе о святой Маргаритѣ кортонской. 199

Инеса-ди-Кастро 227

Послѣдняя ночь короля. 253

Свадебный подарокъ Маргариты 276

BOUND BY
HNM

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 042384112